

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
Theoretical and Applied Law

Законы должны идти рука об руку
с прогрессом человеческой души.

Томас Джефферсон

Бабурин С. Н.

Гармония духовных смыслов правовых традиций как основа многополярного мира

Иванюженко А. Б.

Правовые аспекты возможного применения цифрового рубля

Честнов И. Л.

Переосмысление юридической практики с позиций постклассической методологии права

Шварц Л. В., Бурова С. М.

Актуальные проблемы международно-правовой охраны авторских прав

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

РАЗУБАЕВ Николай Викторович, доктор юридических наук, член Российской академии юридических наук, почетный работник сферы высшего образования, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГРИЦЕНКО Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ЕСКИНА Людмила Борисовна, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич, судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ЛУКОВСКАЯ Дженевра Игоревна, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

МОГИЛЕВСКИЙ Станислав Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, директор Института права и национальной безопасности, заслуженный юрист Российской Федерации, Москва

МОЛОТНИКОВ Александр Евгеньевич, кандидат юридических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

ПОЛЯКОВ Андрей Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПОПОНДОПУЛО Владимир Федорович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург

ХОХЛОВ Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Феликс Вакас ФЕРНАНДЕС, доктор философии в области права (специализация в области прав человека), доцент публичного международного права и международных отношений, Университет им. Карлоса III, г. Мадрид, Испания

Кармен Перес ГОНСАЛЕС, доктор философии в области права, профессор публичного международного права и международных отношений, заместитель декана по международному сотрудничеству и академическим обменам, Университет им. Карлоса III, г. Мадрид

Киммо НУОТИО, профессор уголовного права, Университет г. Хельсинки, Финляндия

Бьярн МЕЛКЕВИК, профессор Университета Лавалья, г. Квебек, Канада

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024

© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024

© Все права защищены.

Содержание

- 4 **ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**
ПРАВОПОНИМАНИЕ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТИПОВ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

СТАТЬИ

- 7 **БАБУРИН С. Н.**
ГАРМОНИЯ ДУХОВНЫХ СМЫСЛОВ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ
КАК ОСНОВА МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА
- 13 **ЧЕСТНОВ И. Л.**
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
С ПОЗИЦИЙ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПРАВА
- 17 **МАЙБОРОДА В. А., МАЙБОРОДА Э. Т.**
СУДОПРОИЗВОДСТВО О ЦИФРОВЫХ ПРАВАХ
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
- 23 **ИВАНЮЖЕНКО А. Б.**
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗМОЖНОГО ПРИМЕНЕНИЯ
ЦИФРОВОГО РУБЛЯ
- 37 **ЛЕСКИНА Э. И.**
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАСЛЕДОВАНИЯ
НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫХ ТОКЕНОВ
- 44 **МАЗАЕВ О. А.**
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ
- 51 **РЖАНОВСКИЙ В. А.**
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ И НАБЛЮДАТЕЛЕЙ
В СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИИ
- 60 **ШВАРЦ Л. В., БУРОВА С. М.**
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ
- 68 **РАШИДОВА А. И., РАШИДОВА Л. А.**
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА
В СФЕРЕ ТРУДА И ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ
НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ
- 74 **ВАШУРИНА С. С.**
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ
НА КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН
- 84 **СТУКАЛОВА Д. Д., ГАЙВОРОНСКАЯ В. А.**
ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК НОВАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА
И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

ОБЗОРЫ

- 90 **РАЗУВАЕВ Н. В., ТАРКИНСКАЯ А. В.**
ПРАВопорядок на стыке эпох модерна и постмодерна:
ОБЗОР ВЫСТУПЛЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПЯТЫЕ БАСКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2–3 НОЯБРЯ 2023 Г.)

Правопонимание в условиях смены типов научной рациональности

**Николай Викторович
Разуваев**

главный редактор
журнала «Теоретическая
и прикладная юриспруденция», заведующий
кафедрой гражданского
и трудового права СЗИУ
РАНХиГС, доктор юриди-
ческих наук

Знаменательность текущего состояния правовой реальности во многом определяется его переходным характером, оказывающим значительное воздействие на все сферы юридической коммуникации — будь то доктринальная коммуникация или прикладная, практическая деятельность. И подобно любым иным изменениям, особенно имеющим столь глобальный характер, как те, что наблюдаются в настоящее время, трансформация правопорядка является серьезным вызовом научному мышлению, требующим проблематизации используемых категорий и переоценки большинства сложившихся представлений.

Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, обусловлены непрекращающиеся дискуссии о модерне, постмодерне, постпостмодерне и иных состояниях права, на первый взгляд, призванные способствовать преодолению неопределенности юридической доктрины, но на деле приводящие лишь к углублению идейного и методологического кризиса, в котором находится теоретико-правовой дискурс. В этом нет ничего, что было бы способно вызвать недоумение. Ведь, оставаясь по-прежнему «спором о названиях», дискуссия о том состоянии правовой реальности, которое гипотетически должно прийти на смену затянувшемуся постмодерну и тем самым привнести в правопорядок долгожданную определенность, будучи зачастую лишенной содержательного измерения и глубины, не приводит к открытию новых перспектив, но, порождая дополнительные понятия, плодит лишь такие сущности, о которых давно было сказано, что их не следует множить без необходимости: «Non sunt etia multiplicanda sine necessitate»¹.

Сказанное, впрочем, не означает отсутствия смысла в попытках прогнозировать будущее, в том числе путем теоретического осмысления во многом неясных и противоречащих друг другу тенденций, которые характеризуют взаимодействие участников правовой коммуникации, конструирующих правопорядок при помощи становящихся все более многообразными знаковых средств, включая и такие принципиально новые для юридической практики средства, как цифра. Именно последняя привлекает все более пристальное внимание и вызывает особенный интерес, причем не только со стороны социальных теоретиков, вот уже более полувека обсуждающих проблемы трансформации постиндустриального общества в общество технологическое, а последнего, в свою очередь, в общество знаний², но и со стороны культурологов и философов культуры, казалось бы, озабоченных более традиционной проблематикой, не привязанной столь тесно к сугубо техническим факторам.

В частности, заслуживает специального обсуждения мощное преобразующее влияние цифры на процессы коммуникации в литературе, живописи, музыке и иных областях художественной культуры, где «новые технологии, связанные с цифровизацией, стимулируют новые возможности в искусстве, зачастую неожиданным способом формируя творческие открытия и совершенно по-новому определяя семиотические смыслы ее восприятия»³. Цифра, таким образом, начинает опосредствовать различные аспекты презентации и саморепрезентации человеческой личности в контексте разнообразных дискурсивных практик, объединяющих вербальную, художественную, правовую, политическую и иные виды коммуникации, что представляется отнюдь не случайным. Ведь все перечисленные виды знаковой коммуникации объединяются тем, что процесс знакопорождения непрерывно связан в них с порождением, восприятием и усвоением культурных смыслов, выполняющих конституирующую, регулятивную, воспитательную и иные функции, которые в своей совокупности обеспечивают непрерывность любой культурной традиции.

Иными словами, рассмотрение трансформации правовой реальности и, следовательно, решение проблемы ее грядущих перспектив должны осуществляться сквозь призму представлений о смене типов научной рациональности, являющейся одной из движущих сил, а на высокой ступени развития правового мышления — важнейшей движущей силой развития правового, политического и иных социальных порядков. В рамках данной идеи правовая традиция предстает перед нами как непрерывный ряд, последовательность творческих изменений, порожденных динамикой типов рациональности. Причем суть таких изменений может быть описана при помощи ламарковской

¹ О методологическом значении принципа недопустимости умножения сущностей (бритвы Оккама) см., в частности: *Элштейн М. Н.* Бритва Оккама и аксиоматика человеческого опыта. Проблема сокращения/умножения сущностей в современном контексте. *Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии*, 2020. № 2 (8). С. 129–142. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2020.2.125>

² См. подробнее: *Бакланов И. С., Пелевин С. И.* Технологии и технологическое сознание в эволюции постиндустриализма: от информационного общества к обществу знаний и цифровому обществу. *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки*. 2020. № 1. С. 60–67. EDN: JGHFIP

³ *Махлина С. Т.* Семиотика цифровизации в музыке. *Studia culturae*, 2023. № 57. С. 62. EDN: BQVITI

эволюционной модели (имеющей большой эвристический потенциал при объяснении процессов социокультурного, в частности, политико-правового развития)⁴, а именно — стадийной утратой развивающейся системой исходно присущих ей признаков и приобретением новых признаков, а также закреплением этих последних под влиянием условий внешней по отношению к данной системе среды⁵. Очевидно, что мышление и присущий мышлению тип рациональности представляет собой важнейший из действующих факторов, синтетически объединяющий в себе все прочие факторы.

Эволюция мышления в целом и правового мышления в частности проходит последовательные стадии, обладающие системой взаимосвязанных сущностных характеристик, проявляющих себя на различных уровнях юридической коммуникации, начиная от договорных обязательств и иных правовых отношений и заканчивая законодательством, а также развернутыми доктринальными текстами, в которых находят свое осмысление и обобщение конкретные фактические обстоятельства, субъективные права и обязанности, нормы и формы права, образующие структуру правопорядков на соответствующем этапе его исторического развития. Безусловно, было бы ошибкой полагать, что эта структура представляет собой единое, беспробельное, внутренне противоречивое целое, все элементы которого подчинены единой логике, основанной на постулатах чистого практического разума, если пользоваться терминологией Иммануила Канта.

Правопорядок, равно как и конкретный стадийно-исторический тип права, определяющий базовые характеристики последнего, представляет собой сложное диалектическое единство нередко противоречащих друг другу признаков. Причем одни из таких признаков наследуются от стадийно предшествующих правопорядков и свидетельствуют о наличии устойчивой традиции, тогда как другие, складываясь в качестве ответа на актуальные вызовы современности, служат предвестием перехода системы к качественно новому состоянию, закрепляемому уже на последующих этапах ее эволюции. Тем не менее, благодаря синтезирующей работе правового мышления, опирающегося на исторически присущий ему тип научной рациональности, вся эта сложная и внутренне противоречивая совокупность разнородных элементов приводится к общему знаменателю, позволяющему на ее основе сформировать идеальный тип права, выступающий отправной точкой на пути достижения определенности в сфере правопознания и правопонимания⁶.

Следует, разумеется, отдавать себе отчет в условности любого идеального типа, обладающего известной вторичностью по отношению к многообразию конкретных жизненных явлений. Вот почему нельзя не признать правоты Д. Ю. Полдникова, по мнению которого, «идеальные типы не существовали в действительности и используются, прежде всего, как отправная точка исследования, как прием открытия нового знания о реальных явлениях»⁷. Вместе с тем, учитывая сконструированность феноменов правовой реальности⁸, каждый из которых может рассматриваться в качестве текста, сопряженного с разнообразными смысловыми связями с иными текстами в рамках интертекстуального пространства правопорядка⁹, можно сделать вывод о том, что идеальный тип как смыслообразующая структура не только проистекает из эмпирической «субстанции» правовых порядков, но и организует, конструирует правопорядки способом, единственно возможным на данном этапе правовой эволюции или правовой традиции, что, на наш взгляд, значит одно и то же.

Так, например, право собственности, занимающее одно из центральных мест в структуре любого правопорядка, может опосредствоваться, в зависимости от специфики правовой и общей культурной коммуникации, любыми семиотическими средствами. Речь идет о ритуальных действиях, изначально могущих иметь невербализованную форму, индексальных и иконических словесных знаках, указывающих на конкретные объекты эмпирической реальности (такие, прежде всего, как *res species* и *res corporales*, то есть индивидуально-определенные телесные вещи, если пользоваться терминологией, применявшейся еще римскими юристами), наконец, о знаках-символах, фиксируемых на письме и обладающих, подобно любому письменному тексту, признаками общезначимости и формальной определенности. Но, обладая текстуальной знаковой формой, право собственности, подобно любому иному субъективному праву, само является знаком, поскольку обладает семиотической структурой, включающей в себя два измерения, а именно субъектно-объектное, представляющее собой коммуникацию индивида с принадлежащей ему вещью (также имеющей семиотическую природу и представляющую собой социальный конструкт), и intersubъективное, выражающее коммуникацию индивидов по поводу обладания вещами.

⁴ См.: Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 42.

⁵ См.: Разуваев Н. В. Правотворческое значение сочинений юристов в правовой традиции античного мира. Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2. С. 18. EDN: IRMAQE

⁶ См. подробнее: Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Проблема определенности правопознания (в контексте эволюции юснатурализма). Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. № 3 (87). С. 26–32. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-3-26-32>

⁷ Полдников Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права: учебник. В 2 т. Т. I. Правовые традиции древности и Средневековья. М.: Норма; ИНФРА-М, 2023. С. 26. <https://doi.org/10.12737/2037407>

⁸ См.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 105. EDN: QSSDIV

⁹ См. подробнее: Поляков А. В. Российская теоретико-правовая мысль: опыт прошлого и перспективы на будущее / Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избр. труды. СПб.: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 323.

Таким образом, право собственности как субъективное право обладает внутренней и внешней формами, присутствующими всякому культурному тексту, при этом посредством общеправового контекста оно тем или иным образом связано с нормами права, регулируемыми отношениями собственности. Причем эти нормы также имеют внешнюю словесную или иную знаковую форму, во-первых, и обладают внутренней семиотической формой постольку, поскольку являются знаково-символическими феноменами (текстами) по своей сущности, во-вторых. Нормы права и субъективные права могут быть различным образом связаны между собой в структуре правового порядка: не всегда субъективное право имеет первичный по отношению к норме характер в синхронном измерении, хотя в диахронной ретроспективе именно субъективное право предшествует норме, представляющей собой результат законодательной, судебной, доктринальной или иной типизации субъективных прав. Указанное обстоятельство позволяет делать вывод о том, что в историческом плане, в рамках той или иной культурной традиции, право, как и язык, представляет собой не «эргон», а «энергию», воплощающую духовную сущность человека как действующего и обладающего способностью к общению существа¹⁰.

Подобно языку, право имеет двойственную природу, представляя собой, с одной стороны, творческую деятельность, развертывающуюся в пространствах жизненного мира участников правовой коммуникации, и, с другой стороны, упорядоченную совокупность (систему) знаков, конструирующих правовую реальность, а также ее отдельные феномены¹¹. В зависимости от исходных идейно-мировоззренческих установок, господствующих в той или иной культуре и правовой традиции, а в конечном счете от типа рациональности, выступающей необходимой предпосылкой идеально-типического конструирования правовой реальности, главенствующую роль в этой последней начинает играть либо активное творческое начало, выражающее в себе духовную свободу человека, либо объективированные структуры и иные элементы правовой материи, обладающие обязательной силой для всех представителей правового сообщества.

Вот почему парадигмы научной рациональности, выступающие необходимой основой правового мышления, определяют сущностные характеристики правовой реальности на том или ином этапе эволюции права. При этом смена типов рациональности носит столь радикальный характер, что воспринимается современниками в качестве настоящего культурного переворота, значение которого ощущается во всех без исключения областях культурной деятельности, включая деятельность правовую¹². Ситуации такого переворота наблюдались неоднократно в рамках западной традиции права, причем первая и самая ранняя из них может быть датирована рубежом VI и V вв. до н. э., когда происходит распад ассоциативно-образного (мифологического) правового мышления и формирование доклассической рациональности, нашедшей свое наиболее завершенное воплощение в римской юриспруденции, а также в трудах средневековых западноевропейских и византийских юристов. Результатом второго переворота становится формирование классического типа рациональности в XVI–XVII вв., повлекшего за собой появление современных (модернистских) правопорядков, национальных правовых систем и правовой науки Нового времени, ориентированной на картину мира, методологию и теоретические результаты точных и естественных наук, длительное время являвшихся эталоном познавательной деятельности для смежных научных областей, включая юриспруденцию, ярким свидетельством чему являются работы основоположников современной юриспруденции, таких, как Жан Боден и Гуго Гроций.

В настоящее время мы переживаем третью смену научной рациональности, а именно переход от классического к постклассическому типу правопознания и правопонимания. Не секрет, что во многих областях духовной жизни этот переход начался, а кое-где и завершился, значительно раньше, а именно в середине XX в., если не в конце XIX в. Запоздавшее развитие правовой культуры и права, отчасти «застрявших» в архаике и модерне, порождает серьезные кризисные явления, к числу возможных путей преодоления которых относится активное развитие новых способов коммуникации и новых знаковых форм при сохранении универсальной ценностной основы правового дискурса. Очевидно, что, как и на прежних витках развития, смена типов научной рациональности не может не стимулировать создание новых доктрин, залог жизнеспособности и продуктивности которых видится нам в творческом осмыслении всего многообразия идей, созданных предшественниками¹³, прежде всего, классического юснатурализма и различных версий социологического правопонимания, которые способны стать краеугольным камнем для формирующегося на наших глазах постклассического правопонимания.

¹⁰ Как писал немецкий языковед В. Гумбольдт: «Язык есть орган, образующий мысль (Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken). Интеллектуальная деятельность, совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия. Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое» (Гумбольдт В. фон. О различии строения естественных языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 75).

¹¹ Подробнее о двойственной природе языка см.: Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л.: Прибой, 1930. С. 14 и след.

¹² См. об этом: Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. EDN: RTQM1H

¹³ Именно сохранение и приумножение в ходе неизбежной эволюции всего богатства культурного наследия являются важной чертой традиции, в том числе традиции правовой. Этой присущей культуре способности транслировать в стремительном потоке времени традиционные ценности, обеспечивая тем самым преемственность и непрерывность их восприятия из поколения в поколение, посвящено сочинение В. Я. Брюсова, носящее выразительное название «Учители учителей». См.: Брюсов В. Я. Учители учителей: Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение (Египет, Эгейя и Атлантида). М.: Изд-во Т8, 2018.

Гармония духовных смыслов правовых традиций как основа многополярного мира

Бабурин Сергей Николаевич, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, профессор Донецкого государственного университета, профессор Московского университета им. С. Ю. Витте доктор юридических наук, профессор, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;
e-mail: 1357343@mail.ru.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы конструирования многополярного мира, который может успешно существовать только в условиях гармонии духовных смыслов правовых традиций составляющих его народов. Аргументируется решающая роль духовно-нравственных ценностей, лежащих в основе цивилизационной культурно-исторической самоидентификации существующих государств, необходимость поиска путей построения нравственных государств различных цивилизаций. Международное развитие может строиться только на прочной правовой основе, соединяющей в себе органичное конституционное развитие национальных государств и формирование на традиционных духовно-нравственных принципах международного права.

Ключевые слова: традиция, Россия, многополярный мир, духовно-нравственные ценности, нравственное государство, цивилизация, международное право, конституционное развитие.

Для цитирования: Бабурин С. Н. Гармония духовных смыслов правовых традиций как основа многополярного мира. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 7–12. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-7-12. EDN: DBPJMZ

Axiological and Ideological Meaning of the Constitutional Reform that Began in 2020 in Russia

Sergey N. Baburin, Chief Researcher, Scientific Director of the Center for Integration and Civilizational Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk State University, Donetsk National University, Moscow Witte University, Honored Scientist of the Russian Federation

Professor, Doctor of Law, Honorary Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Foreign Member of the Academy of Sciences of Abkhazia;
e-mail: 1357343@mail.ru.

Abstract

The article discusses the issues of constructing a multipolar world, which can successfully exist only in conditions of harmony of the spiritual meanings of the legal traditions of its constituent peoples. The decisive role of spiritual and moral values that underlie the civilizational cultural and historical self-identification of existing states, and the need to find ways to build moral states of various civilizations are argued. International development can only be built on a solid legal basis that combines the organic constitutional development of national states and the formation of international law on the traditional spiritual and moral principles.

Keywords: tradition, Russia, multipolar world, spiritual and moral values, moral state, civilization, international law, constitutional development.

For citation: Baburin S. N. Axiological and Ideological Meaning of the Constitutional Reform that Began in 2020 in Russia. Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya], 2024. No. 1. Pp. 7–12. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-7-12. EDN: DBPJMZ

При завершении Второй мировой войны объединившиеся против нацизма и милитаризма нации провозгласили свое намерение избавить грядущие поколения от бедствий войны, утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин, в равенство прав больших и малых наций. Объединенные нации вознамерились создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и в этих целях создали Организацию Объединенных Наций¹. Положенные в основу Устава ООН потсдамские договоренности стран Антигитлеровской коалиции позволили уменьшить опасность глобальных конфликтов, а в Европе обеспечили мир на полвека². Развал СССР и Организации Варшавского договора позволило разрушить внутренне сбалансированный Ялтинско-Потсдамский мировой порядок, а пришедшее ему на смену Мальтийско-Мадридское переустройство международных отношений закрепило с 1996 г. однополярный мир под эгидой Соединенных Штатов Америки³. Хотя и тогда уже было очевидно, что в основу глобального порядка может быть положен только принцип многополярного рассредоточения власти⁴.

Почему же однополярный мир, еще четверть века назад казавшийся незыблемым, оказался столь недолговечным? Ведь именно он просто обрушил международное право, продолжая при этом провозглашать необходимость проявления терпимости и стремления жить в добрососедстве, важность объединения сил для поддержания международного мира и безопасности.

США — это символ Запада. Именно они возглавили растворение современной цивилизации в изобилии форм культуры, общества, технологий, средств массовой информации, а также способов производства и потребления, заплатив за это потерей своей духовной жизни⁵. Но символ, демонстративно игнорирующий многие характерные особенности западнизма, взращиваемые Советом Европы. Западное общество, ступив на путь культа безнравственности и двойных стандартов, превратилось, как отменил А. А. Зиновьев, в общество правового тоталитаризма⁶. США, с одной стороны, не спешат включаться в европейские абсурды ювенальной юстиции, с другой — давно обогнали Европу в расовой и половой толерантности.

Дестабилизация международных отношений началась на рубеже XX–XXI вв. по двум параллельным, но разным причинам. Во-первых, из-за стремления США превратить глобализацию в процесс унификации мира по североамериканским стандартам. Глобализация, признавал Дж. Стиглиц, не преуспела в сокращении бедности и еще менее преуспела в обеспечении стабильности⁷. Во-вторых, из-за перерастания секуляризма европейского Просвещения в культ ненормальности, когда европейская квазиэлита поставила механизмы своих государств и Совета Европы на службу индивидуалистического эгоизма и безнравственной вседозволенности. Отрезвление современной России от эйфории «общепризнанных общечеловеческих ценностей» началось тогда, когда Европейский суд по правам человека и Совет Европы стали даже ранее принятые конвенции интерпретировать в угоду однополого сожительства, трансгендерности и торжества аномалий социальной жизни над традиционными представлениями.

Одновременно в угоду США была произведена подмена смыслов и Устава ООН, когда Генеральная ассамблея ООН приняла в 2005 г. Декларацию «Обязанность защищать», легализовав гуманитарную интервенцию для оправдания вторжений США на территории суверенных государств⁸. Совершенно не такую безобидную, как полагают многие политики и юристы-международники. США не случайно очень удивились в 2022 г., когда Россия, опираясь на эти международные нормы, начала специальную военную операцию на Украине, «узурпировав» возможности, придуманные под единственную сверхдержаву.

Конечно, стремление США доминировать на международной арене сформировалось значительно раньше, они заняли место лидера Запада, стали олицетворением империалистической эксплуатации других стран мира во имя своего высокого уровня жизни. Во внешней политике США бывали срывы. Первый серьезный — успешная Кубинская революция 1959 г., второй — Великая Иранская исламская революция 1978–1979 гг., заставившая мир задуматься о роли традиционных духовно-нравственных ценностей, уходящих корнями в религиозные основы общества. Но ведь были и целые грозды «цветных революций», были порядка 30 успешных гуманитарных интервенций США

¹ См.: Устав ООН (полный текст) [Электронный ресурс]. Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.06.2023).

² Подробнее см.: *Бабурин С. Н.* Геополитический смысл Ялтинской (1945) конференции. Из выступления 6 февраля 1995 г., Ялта / Бабурин С. Н. Государствоведение: научные труды. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 585–588.

³ О Мальтийско-Мадридском мировом порядке см.: *Бабурин С. Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок. 2-е изд. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. С. 708–713.

⁴ О моделях мироустройства см.: *Капто А. С.* Энциклопедия мира. 2-е изд. М.: Книга и бизнес, 2005. С. 287–290; *Бабурин С. Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок. 2-е изд. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. 829 с.

⁵ Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / отв. ред. Г. В. Осипов. Изд. 2-е, доп. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 507.

⁶ *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. С. 340.

⁷ *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции / Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. IV. Век глобальных трансформаций; отв. ред. Ю. Я. Ольсевич. М.: Мысль, 2004. С. 886.

⁸ См.: *Бабурин С. Н.* Гуманитарная интервенция: теория и практика международного права. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2022. Т. 19. № 2. С. 15–27; *Крылов Н. Б.* Гуманитарная интервенция: право или бесправие? Евразийский юридический журнал, 2012. № 9. С. 41–44.

и их союзников за минувшие четверть века⁹, внешне демонстрировавшие гегемонию США. При этом «миротворцы» ни разу не оглянулись на суверенитеты соответствующих государств, что полагали незыблемым условием гуманитарного вмешательства простодушные сторонники Декларации 2005 г. из числа традиционных юристов-международников, уповающих на некую трехкомпонентную стратегию обязанности государств защищать и некий «четвертый компонент» — помощь международного сообщества в посткризисном урегулировании и восстановлении¹⁰. Лишь действия России в феврале 2022 г., вызвавшие вслед за этим геополитический раскол мира, привели к краху однополярной Мальтийско-Мадридской системы.

Справедливо отмечается, что до сих пор нет целостной теории цивилизационного развития стран, объединенных совокупной деятельностью глобального мира¹¹. Но каким же представляется новый мир, способный обеспечить благополучное и стабильное (устойчивое) развитие народов?

Прежде всего мир видится многополярным. В основе его должно лежать гармоничное соразвитие локальных цивилизаций, строящихся каждая на своих духовных и культурно-исторических традициях. Причем геополитическими полюсами мира могут стать только сильные государства или их союзы, потому что слабые государства сами по себе неизбежно порождают многочисленные общественно значимые проблемы¹².

Право, международное и национальное, было и останется основой мирового порядка, но оно должно строиться не на приоритете англо-саксонской или любой иной правовой системы, а на гармонии духовных смыслов правовых традиций всех существующих народов. Не на деформации смыслов международно-правовых договоренностей, а на толковании права, соответствующем традициям народов мирового сообщества.

Еще в 2019 г. В. В. Путин призывал Запад обратить внимание, что даже во времена холодной войны были «хотя бы какие-то правила, которых все участники международного общения так или иначе придерживались или старались придерживаться». Сейчас, похоже, правил вообще не существует¹³. Глава России остался не услышанным. Российской Федерации в 2020 г. на конституционном уровне и в 2022 г. военно-стратегически пришлось принимать меры самозащиты.

Ныне обостренно противостоят друг другу народы, исповедующие приоритет традиционных духовно-нравственных ценностей (Россия, Китай, Иран, Арабский мир), и страны Запада, отринувшие традицию в угоду секулярному модерну, во главе с США и Европейским союзом. Такое противостояние имеет глубинный фундаментальный характер, отмечаемый уже не только учеными, но и государственными деятелями. Президент РФ В. В. Путин охарактеризовал ситуацию в мире как цивилизационный мировоззренческий кризис, выход из которого возможен только через укрепление морали и ценностей, опору на этику в деятельности государства, в его развитии, в межгосударственных отношениях. Напомнив, что ценности — это продукт культурно-исторического развития каждой нации и продукт уникальный, Президент РФ подчеркнул, что попытки ценностного диктата «еще более осложняют и без того острую ситуацию и влекут обычно обратную реакцию и обратный ожидаемому результат»¹⁴.

Правовые традиции разных цивилизаций и даже народов, живущих в рамках одной цивилизационной идентичности, отличаются порой радикально противоположными особенностями. В основе различий — национальные архетипы, выросшие на почве различных ветвей христианства или ислама, конфуцианства, иудаизма, индуизма. Культурно-исторический тип не может быть изменен в одночасье, даже волей деятелей великих революций.

Многополярный мир будет прочен в условиях, когда взаимное уважение государств-участников будет строиться на адекватном понимании смыслов правовых традиций друг друга. США как цивилизация, еще заканчивающая свое формирование, Китай или Индия, имеющие исчисляемое тысячелетиями культурно-историческое становление своих правовых традиций, Россия, тысячелетние архетипы которой выросли из ее цивилизационного союза славянских, тюркских, угро-финских, кавказских и других народов, да и все остальные потенциальные центры мирового баланса сил должны быть, безусловно, равноправны в ответственности за мир и устойчивое безопасное развитие человечества.

Европейская цивилизация, на которую в своем развитии Россия равнялась последние столетия, к сегодняшнему дню отошла от своих ценностных основ и под влиянием секулярности Просвещения переродилась в бездуховный Запад с его деформированной нравственностью. Ее мировоззренческим основанием (не могу называть это ценностной основой) стал человеческий эгоизм, поставивший во главу угла культ потребления и наживы. Тем не менее

⁹ См.: *Бабурин С. Н.* Гуманитарная интервенция: теория и практика международного права. С. 18.

¹⁰ См., напр.: *Ашавский Б. М.* Концепции относительно обязанности защищать в контексте международного права. Евразийский юридический журнал, 2012. № 12. С. 41, 45; Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом. «Круглый стол» в «Международной жизни». Международная жизнь, 2009. № 7. С. 16–33

¹¹ *Жуков В. И.* Развитие теории цивилизации в парадигме социологии, истории и теории государства и права. Труды Института государства и права РАН, 2022. Т. 17. № 2. С. 30.

¹² *Керимов А. Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. С. 67.

¹³ Путин В. В. Интервью газете The Financial Times. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения: 22.06.2023).

¹⁴ Путин В. В. Выступление на заседании клуба «Валдай», 21 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 12.06.2023).

Запад в лице Евросоюза с его правовыми устоями реально претендует на права геополитического центра, а внутренняя борьба традиционных ценностей его народов с культом аномалий в самом разгаре.

Конечно, в традиционных обществах роль архетипов выражена ярче. Национальные архетипы складываются на основе традиций, сакрализируются традиционными религиями. Как врожденные универсальные предсознательные психические предрасположенности, часть коллективного бессознательного, архетипы лежат в основе традиций и традиционных ценностей, они делают невозможным для любой революции или реформы в одночасье изменение психологии и духа народа. Политическим революциям, результаты которых закрепляются законодательно, предшествуют изменения духа народа, его мировоззренческих предпочтений.

Следует согласиться с А. Ю. Мордовцевым и В. В. Поповым, которые, используя при анализе культурно-исторических национальных особенностей категорию менталитета, предложили рассматривать правовой (политико-правовой) менталитет как совокупность (систему) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и т. п. имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности, определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных и профессиональных, государственных органов и должностных лиц¹⁵. Особенно обострен вопрос о национальной и цивилизационной идентификации политико-правовых структур в обществах традиционной культуры.

Говоря о смысле правовых традиций, следует исходить из понимания, что любая ценность субъективна, она выражает отношение человека к явлению или вещи через тот смысл, значение, которые им приданы. Ценность субъективна. Ценности проникают в право через принципы права, которые служат носителями ценностей, придают ценностям юридическую легитимность и практическую значимость¹⁶.

Не случайно в отечественной науке конституционного права было издано принято разделять материальную и формальную стороны Конституции, закрепляющие основы конституционного строя¹⁷. Возьмем современную Россию, отползающую с 2020 г. благодаря ценностной конституционной реформе от пропасти космополитического небытия¹⁸. Новая редакция Конституции РФ дополнила ценностные принципы преамбулы конкретными духовно-нравственными ценностями традиционного общества многонационального народа России (русской нации), укрепив любовь к Отечеству и Богу, любовь семейную (супружескую и родительскую), подтвердив целостность и преемственность отечественной истории, в том числе преемственность Российской Федерации от Советского Союза (СССР).

Но даже укрепившие нравственный каркас Конституции РФ новые нормы ст. 67.1, п. 72, 74 Конституции РФ пока не в силах преодолеть неолиберальной парадигмы Конституции РФ, заложенной в нее в 1993 г. В Конституции РФ высшей ценностью по-прежнему считаются только права и свободы человека (ст. 2), закреплен приоритет частной собственности (ст. 35 и др.), труд свободен (ст. 37). Причем последнее понимается как свобода человека в труде от любых обязательств перед обществом или Отечеством, в противоположность не только нормам советских конституций (ст. 18 Конституции РСФСР 1918 г., закрепляя обязательную трудовую повинность, провозгласила принцип: «Не трудящийся, да не ест!»), но и библейской заповеди «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (Второе послание апостола Павла к фессалоникийцам, 3:10). Можно приводить и другие примеры, особенно из гл. 1 Конституции РФ.

Между тем от социальной привлекательности России, ее культурного образа, правовых традиций и консолидации общества зависит ныне не только ее военный успех, но и во многом и сам характер формирующегося многополярного мира.

Следует сочувствовать юристам, занимающим, например, должности судей Конституционного Суда РФ — они вынуждены слепо обосновывать правоту каждой фразы Конституции. Они напоминают шаманов, камлающих в танце вокруг уже не костра, а Конституции РФ, с песнопением «Конституция совершенна! Нельзя ее трогать! Верьте нам! Все в Конституции хорошо!». Но у пораженного за два столетия нигилизмом российского общества к Конституции отношение иное. Сегодняшнее общество тем более не может забыть контекст рождения Конституции РФ 1993 г. с противоправной отменой предыдущей конституции и расстрелом Дома Советов России, в котором собрался Парламент РФ, требовавший уважать и соблюдать Конституцию РФ. Или антиконституционный переворот сентября 1993 г. надо считать частью российской конституционной традиции?

Публичная российская власть в лице Конституционного Суда, Федерального Собрания и Президента РФ до сих пор не дала надлежащей оценки событиям осени 1993 г., а значит, призывы к святости действующей Конституции не имеют нравственного основания, шанс на социальную и политическую консолидацию российского общества крайне слаб.

¹⁵ Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2007. С. 64.

¹⁶ Стоилов Я. Принципы права: ценностный и телеологический подход. Право. Порядок. Ценности: монография / под общ. ред. Е. А. Фроловой. М.: Блок-Принт, 2023. С. 233.

¹⁷ Шульженко Ю. Л. Лекции по русскому государственному праву Н. И. Лазаревского. Труды института государства и права РАН, 2021. Т. 16. № 3. С. 20.

¹⁸ См., напр.: Виноградова Е. В., Виноградова П. А. Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. М.: Эдитус, 2020.

Отсюда важность успешного завершения начавшейся в 2020 г. российской конституционной реформы. Любая конституция строится на ценностных приоритетах общества, является высшей правовой формой существующей государственной идеологии. Конституционное развитие России, проходившее последние полтора века на основе космополитического универсализма, себя исчерпало. Если Конституция РФ 1993 г. изначально закрепляла русскую цивилизационную капитуляцию, то ныне Россия нуждается в новой Конституции — в надежном Основном законе своего устойчивого цивилизационного развития.

Только рожденные культурно-историческим развитием духовно-нравственные ценности народов могут лежать в основе их правовых традиций. Лишь органичные обществу правовые традиции служат основой формирования основ нравственного государства, без которого невозможно благополучное мироустройство. Социально значимые инструментальные ценности, относящиеся к материальной повседневной реальности человеческой жизни, важны. Духовно-нравственные ценности характеризуют самосознание всего народа, всей нации, они относятся к терминальным, целевым, выражающим идеалы и самоценные смыслы жизни людей. Такое условное разделение ценностей позволяет обозначить главную обязанность нравственного государства — быть гарантом добродетелей¹⁹.

Под благотворным влиянием евразийских мыслителей Ю. И. Скуратов склоняется к концепции гарантийного государства как многогранного многоаспектного явления, сочетающего в себе признаки современного социального, общенародного (демократического), общенационального, правового и конституционного государства и в то же время воплощающего в себе идею единства государства как организации всего российского народа²⁰. Однако гарантийное государство по своим характеристикам выступает как евразийская модель нравственного государства.

Правовые традиции складываются из смыслов права и законодательства. Они должны быть легитимированы общественным мнением, должны стать аксиомами. Только в этом случае правовые традиции национальных государств и их союзов станут устойчивой основой международных отношений.

Литература

1. *Ашавский Б. М.* Концепции относительно обязанности защищать в контексте международного права. Евразийский юридический журнал, 2012. № 12. С. 41–45. EDN: PUNPLF
2. *Бабурин С. Н.* Геополитический смысл Ялтинской (1945) конференции. Из выступления 6 февраля 1995 г., Ялта / С. Н. Бабурин. Государствоведение: научные труды. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 585–588.
3. *Бабурин С. Н.* Гуманитарная интервенция: теория и практика международного права. Вестник Омского университета. Серия «Право». Т. 19. 2022. № 2. С. 15–27. DOI: 10/24147/1990-5173.2022.
4. *Бабурин С. Н.* Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло. Международный журнал конституционного и государственного права, 2021. № 1. С. 14–20. EDN: FEHYIS
5. *Бабурин С. Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. 2-е изд. М.: Норма, 2023. 536 с.
6. *Бабурин С. Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок. 2-е изд. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2010. 829 с. EDN: QWQVQX
7. *Виноградова Е. В., Виноградова П. А.* Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. М.: Эдитус, 2020. 200 с. EDN: XHZTXD
8. Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / отв. ред. Г. В. Осипов. 2-е изд., доп. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 528 с. EDN: QOIZGF
9. *Жуков В. И.* Развитие теории цивилизации в парадигме социологии, истории и теории государства и права. Труды Института государства и права РАН, 2022. Т. 17. № 2. С. 11–34. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-2-zhukov
10. *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 528 с. EDN: QWOCQJ
11. *Капто А. С.* Энциклопедия мира. 2-е изд. М.: Книга и бизнес, 2005.
12. *Керимов А. Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. 191 с.
13. *Крылов Н. Б.* Гуманитарная интервенция: право или бесправие? Евразийский юридический журнал, 2012. № 9. С. 41–44. EDN: PFGXDH
14. Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом. «Круглый стол» в «Международной жизни». Международная жизнь, 2009. № 7. С. 16–33.
15. *Скуратов Ю. И.* Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития. М.: Проспект, 2021. 416 с. DOI: 10.31085/9785392337699-2021-416

¹⁹ *Бабурин С. Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. 2-е изд. М.: Норма, 2023. С. 271; см. также: *он же.* Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло. Международный журнал конституционного и государственного права, 2021. № 1. С. 14–20.

²⁰ *Скуратов Ю. И.* Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития. М.: Проспект, 2021. С. 413.

16. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. IV. Век глобальных трансформаций; отв. ред. Ю. Я. Ольсевич. М.: Мысль, 2004. С. 884–899. EDN: QQPADJ
17. *Стоилов Я.* Принципы права: ценностный и телеологический подход. Право. Порядок. Ценности: монография / под общ. ред. Е. А. Фроловой. М.: Блок-Принт, 2023. С. 231–236. EDN: VANBAO
18. *Шульженко Ю. Л.* Лекции по русскому государственному праву Н. И. Лазаревского. Труды института государства и права РАН, 2021. Т. 16. № 3. С. 11–27. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-3-shulzhenko

Preferences

1. Ashavsky, B. M. Concepts Concerning the Duty to Protect in the International Law Context [Konceptii otositel'no obyazannosti zashchishchat' v kontekste mezhdunarodnogo prava]. Eurasian Law Journal [Evrazijskij yuridicheskij zhurnal], 2012. No. 12. Pp. 41–45. (In Rus.)
2. Baburin, S. N. Geopolitical meaning of the Yalta (1945) conference. From a speech on February 6, 1995, Yalta [Geopoliticheskij smysl YAltinskoj (1945) konferencii. Iz vystupleniya 6 fevralya 1995 g., Yalta] / S. N. Baburin. Statecraft: scientific works [Gosudarstvovedenie: nauchnye trudy]. M.: UNITY-DANA, 2010. Pp. 585–588. (In Rus.)
3. Baburin, S. N. Humanitarian Intervention: Theory and Practice of International Law [Gumanitarnaya intervenciya: teoriya i praktika mezhdunarodnogo prava]. Herald of Omsk University [Vestnik Omskogo universiteta], 2022. Iss. "Law" [Seriya "Pravo"]. Vol. 19. No. 2. DOI: 10/24147/1990-5173.2022. (In Rus.)
4. Baburin, S. N. A moral state as a political and legal idea, the time of which has come [Nravstvennoe gosudarstvo kak politiko-pravovaya ideya, vremya kotoroj prishlo]. International Journal of COSTITUTIONAL and STATE LAW [Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava], 2017. No. 1. Pp. 14–20. (In Rus.)
5. Baburin, S. N. Moral state. Russian view on the values of constitutionalism [Nravstvennoe gosudarstvo. Russkij vzglyad na cennosti konstitucionalizma]. Iss. 2. Moscow: NORMA, 2023. 536 p. (In Rus.)
6. Baburin, S. N. The World of Empires: State Territory and World Order [Mir imperij: territoriya gosudarstva i mirovoj poryadok]. Iss. 2. M.: Master; INFRA-M, 2010. 829 p. (In Rus.)
7. Vinogradova, E. V., Vinogradova P. A. Strengthening constitutional guarantees by the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. Moscow: Editus Publ, 2020. 200 p. EDN: XHZTXD
8. The global crisis of Western civilization and Russia / by ed. G. V. Osipov. Iss. 2., add. M.: Publ. house LIBROKOM [Knizhn. dom LIBROKOM], 2009. 528 p. (In Rus.)
9. Zhukov, V. I. Development of the theory of civilization in the paradigm of sociology, history and theory of state and law [Razvitie teorii civilizacii v paradigme sociologii, istorii i teorii gosudarstva i prava]. Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS [Trudy instituta gosudarstva i prava RAN]. Vol. 17. No. 2. Pp. 11–34. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-2-zhukov (In Rus.)
10. Zinoviev, A. A. Factor of understanding [Faktor ponimaniya]. M.: Algorithm: Eksmo, 2006. 528 p. (In Rus.)
11. Kapto, A. S. Encyclopaedia of peace [Enciklopediya mira]. Iss. 2. M.: Book and business, 2005. (In Rus.)
12. Kerimov, A. D. State organization of public life: Questions of theory [Gosudarstvennaya organizaciya obshchestvennoj zhiznedeyatel'nosti: voprosy teorii]. Moscow, NORMA; INFRA-M, 2018. 191 p. (In Rus.)
13. Krylov, N. B. Humanitarian intervention: right or lawlessness? [Gumanitarnaya intervenciya — pravo ili bespravie?]. Eurasian Law Journal [Evrazijskij yuridicheskij zhurnal], 2012. No. 9. Pp. 41–44. (In Rus.)
14. Problems of humanitarian intervention and protection of citizens abroad. "Round table" in "International Affairs" [Problemy gumanitarnoj intervencii i zashchity grazhdan za rubezhom. "Kruglyj stol" v "Mezhdunarodnoj zhizni"]. The International Affairs [Mezhdunarodnaya zhizn'], 2009. No. 7. Pp. 16–33. (In Rus.)
15. Skuratov, Yu. I. Eurasian paradigm of Russia and modern problems of its constitutional and legal development [Evrazijskaya paradigma Rossii i sovremennye problemy ee konstitucionno-pravovogo razvitiya]. M.: Prospekt, 2021. 416 p. (In Rus.)
16. Stiglitz, J. Globalization: alarming trends. World economic thought. Through the prism of centuries [Globalizaciya: trevozhnye tendencii. Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov]. In 5 vol. / G. G. Fetisov, A. G. Khudokormov. Vol. IV. A century of global transformation [Vek global'nyh transformacij] / by ed. Yu. Ya. Ol'sevich. M.: Thought [Mysl'], 2004. Pp. 884–899. (In Rus.)
17. Stoilov, Ya. Principles of law: value and teleological approach. Right. Order. Values [Principy prava: cennostnyj i teleologicheskij podhod. Pravo. Poryadok. Cennosti] / by ed. E. A. Frolova. M.: Blok-Print, 2023. Pp. 231–236. (In Rus.)
18. Shulzenko, Yu. L. Lectures on Russian state law of N. I. Lazarevsky [Lekcii po russkomu gosudarstvennomu pravu N. I. Lazarevskogo]. Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 2021. Vol. 16. No. 3. Pp. 11–27. (In Rus.)

Переосмысление юридической практики с позиций постклассической методологии права

Честнов Илья Львович, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;
e-mail: ichestnov@gmail.com.

Аннотация

В представленной статье излагается авторская позиция по вопросу юридической практики. Сегодня обнаруживается негативное явление — оторванность абстрактных, общих понятий теории права от нужд юридической практики. Поэтому обвинения со стороны представителей отраслевых юридических наук в догматичности теории права вполне оправданны. Это требует переосмысления юридической практики. Наиболее адекватной программой выяснения содержания юридической практики, по мнению автора, является постклассическая методология. Знаковость (знаковое опосредование), рефлексивность (означивание, осмысление и оценивание поведенческого аспекта), дискурсивность, конструируемость, контекстуальность, релятивность, человекообразность образуют содержание юридической практики в постклассическом измерении. Акцент в постклассической научно-исследовательской программе исследования юридической практики делается на изучении юридической повседневности. Ее образуют правовые фреймы и скрипты — рамки неформальных норм-практик, которые являются главными регуляторами правового поведения. Наиболее перспективным подходом к их изучению является метод включенного наблюдения в рамках социокультурной антропологии права.

Ключевые слова: практика, юридическая практика, постклассическая методология права, правовые фреймы, правовые скрипты.

Для цитирования: Честнов И. Л. Переосмысление юридической практики с позиций постклассической методологии права. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 13–16. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-13-16. EDN: DEAFEN

Rethinking Legal Practice, and Its Consideration From the Position of Post-Classical Legal Method

Ilya L. Chestnov, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Department of Theory and History of the State and Law, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;
e-mail: ichestnov@gmail.com.

Abstract

The article presents the author's position on the issue of legal practice. Today, a negative phenomenon is being discovered — the isolation of abstract, general concepts of the theory of law from the needs of legal practice. Therefore, accusations by representatives of branch legal sciences of the dogmatism of the theory of law are fully justified. This requires a rethink of legal practice. The most adequate program for clarifying the content of legal practice, in the author's opinion, is the postclassical methodology. Signification (sign mediation), reflexivity (signification, comprehension and evaluation of the behavioral aspect), discursivity, constructability, contextuality, relativity, human dimension form the content of legal practice in the postclassical dimension. The emphasis of the post-classical research program for the study of legal practice is on the study of legal everyday life. It is formed by legal frameworks and scripts — the framework of informal norms and practices, which are the main regulators of legal behavior. The most promising approach to their study is the method of included observation within the framework of socio-cultural anthropology of law.

Keywords: practice, legal practice, post-classical legal method, legal frameworks, legal scripts.

For citation: Chestnov I. L. Rethinking legal practice, and its consideration from the position of post-classical legal method. *Theoretical and Applied Law* [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya], 2024. No. 1. Pp. 13–16. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-13-16. EDN: DEAFEN

Недостаточное внимание теории права к юридической практике — распространенное обвинение в ее адрес, прежде всего, со стороны представителей отраслевых юридических наук. И оно вполне справедливо: общетеоретические юридические понятия сами по себе на практике не применяются. Кроме того, их — юридических понятий — практическое использование предполагает несколько сложных манипуляций: конкретизацию в операциональных понятиях, закрепление в соответствующей форме права, интериоризацию в правосознании, принятие решения. И только после всего этого происходит практическое воплощение понятия в деятельности и в ее результате. Как видим, это сложный процесс, который практически не исследуется в позитивистской юриспруденции, в которой имплицитно предполагается, что юридические понятия как бы автоматически, непосредственно применяются на практике. Все это (и не только это) настоятельно требует осмысления юридической практики. Более того, последняя — юридическая практика — нуждается в переосмыслении с учетом тех изменений, которые происходят в нашем постоянно изменяющемся мире, в том числе в связи с трансформацией картины мира и, соответственно, представлений о том, что образует структуру и содержание практики как таковой и юридической в том числе. Об этом и пойдет речь в статье.

Юридическая практика — и с этим вряд ли кто-либо будет особо спорить — частный случай, момент или сторона практики как таковой, практики в социальном смысле слова. Поэтому прежде чем вести речь о юридической практике, необходимо определиться по поводу содержательных характеристик последней. Сделать это весьма не просто, так как по поводу признаков практики существует множество позиций, точек зрения в научной литературе, которые отличаются исходными мировоззренческими, теоретическими допущениями.

Так, модернистская, просвещенческая, включая марксистскую — точнее сказать, «вульгарно-марксистскую», трактовка практики предполагает ее объективность, одновекторность (инвариантную направленность как «всемирно-исторический процесс»). Марксистский (аутентично-марксистский) подход к практике гораздо сложнее обозначенного. Однако в нем практика сводится к всемирно-историческому процессу, то есть к абстрактному теоретизированию. Будучи абстракцией самого высокого уровня, всемирно-исторический процесс не может быть эмпирически проверен, а потому доказать его содержательные характеристики невозможно. Хотя в марксизме признается, что закономерности социального развития действуют через активность людей, однако этот механизм (как именно происходит преломление или взаимодополнительность одного и другого) в нем так и не получил надлежащего осмысления. Практика — это не только деятельность и опыт (как считает В. Н. Карташов¹), но в марксистской перспективе вся преобразовательная активность человека. Такая «тотализация» практики, как заметил в свое время Г. С. Батищев, превращает ее в «сверхкатегорию»². Поэтому социальная практика, как «естественный ход вещей», как «невидимая рука рынка» или «хитрость разума», — все это сегодня считается метанарративами, от которых наука (да и постклассическая философия тоже) отказалась. Гораздо более перспективным представляется подход, предложенный символическим интеракционизмом, социальной феноменологией в середине XX в. и социальным конструктивизмом второй половины XX в. Именно эти три методологических направления, хотя и в несколько модифицированном варианте, легли в основу постклассической трактовки социальной (и юридической) практики³.

С позиций постклассической рациональности (и соответствующей методологии) практика признается многогранным феноменом, включающим в себя множество (потенциально — бесчисленное) аспектов: поведенческого и когнитивного (психического), процесса и результата, личностного и предметного, должного и сущего и т. п. Знаковость (знаковое опосредование), рефлексивность (означивание, осмысление и оценивание поведенческого аспекта), дискурсивность, конструируемость, контекстуальность, релятивность, человекоразмерность — модусы бытия юридической практики в постклассическом измерении. При этом имеет место их взаимообусловленность, которую можно считать диалогичностью как главной характеристикой практики в эпоху постсовременности (в конце XX — начале XXI в.).

Практика включает в себя не только совершение действий, но и рефлекссию (психический, ментальный момент). Этот аспект образует оценка и предвосхищение (самооценка) действий как самого актора, так и контрсубъекта, ожиданий возможных последствий. Они оцениваются как с точки зрения самого актора, контрсубъекта, так и «внешнего наблюдателя» — «инстанции». Очевидно, что информация об этих элементах практического действия всегда ограни-

¹ Общая теория государства и права: академический курс. В 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 3. М., 2002. С. 139.

² Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997. С. 157.

³ См. подробнее: *Честнов И. Л.* Постклассическая методология исследования юридической деятельности / Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы: монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. С. 108–129.

чена (поэтому в неoinституционализме говорят об «ограниченной рациональности» действий), особенно об отдаленных социальных последствиях какого-либо сложного действия. Поэтому рационально рассчитываемые действия достаточно редки, а подавляющее большинство практических действий образуют повседневные практики.

Именно такие типичные, повседневные, «обыденные» юридические практики, как представляется, и должны стать предметом научного анализа практико-ориентированной юриспруденции. Это связано с тем, что социальный мир — а значит, и «мир права», — это не объекты, люди, их действия и последствия действий, а смыслы и значения, приписываемые объектам, людям, действиям и последствиям. То, как приписываются социальные значения и личностные смыслы, должно стать приоритетом в социально-правовых исследованиях, если юридическая наука собирается повернуться лицом к практическим проблемам (что, конечно, не исключает философско-правовые штудии, ориентированные на «высокую» теорию).

Тот или иной подход к юридической практике, к тому, что считать «юридической практикой», эксплицитно или имплицитно основан на соответствующей теории или общем представлении о праве, о том, что собой представляет правовая реальность. Так, с точки зрения неопозитивизма юридическая практика вообще не является темой научного рассмотрения, так как вступление в силу нормативного правового акта («источника права») автоматически предполагает «действие» права. Тем самым происходит «овеществление» формы внешнего выражения нормативности права — приписывание им модуса самостоятельного существования. Более того, в таком случае обнаруживается магический эффект как ожидание «чуда»: само по себе вступление в силу «источника права» приведет (должно привести) к положительному социальному эффекту, хотя неопозитивисты измерение социального воздействия права не считали достойным предметом юриспруденции, отдавая это на откуп социологии. В то же время овеществление (реификация) как радикализация процесса объективации — необходимый аспект социальной жизни и ее осмысления. Механизм объективации дает возможность абстрагировать объект действия и восприятия и самого себя по отношению к объекту. А для этого объект необходимо наделить свойствами самостоятельного существования, хотя в реальности имеют место социальные взаимодействия, которым приписывается свойство бытия как существования.

Отсюда вытекает важнейший методологический вопрос: как соотносится практика как «историческая динамика» и практики, представленные единичными «практическими» действиями? Сложность состоит в том, что эмпирически практика всегда представлена единичными действиями. Но при этом предполагается, что, как система не сводится к механической сумме свойств ее элементов, так и практика не тождественна единичным действиям. Как же в таком случае можно представить практику как системное образование, как некую целостность? Все дело в том, что специфика *социального* действия состоит в том, что оно ориентировано на безличного (объективированного, может быть, даже «овеществленного») Другого. Точнее — на действия типичного, обобщенного и даже социально значимого Другого. Такое представление о типичном как нормативном, правильном и конструирует образ и образец практики, с которым может и не совпадать отдельный акт практического действия.

В этом смысле практику уместно трактовать как диалог системы и жизненного мира (их взаимодополнительность), опривыченность безличностных связей и социальных значений интеракциями и личностными смыслами. Ю. Хабермас утверждает, что модернизация приводит к колонизации жизненного мира с помощью медиапосредников — денег и власти. Однако это не приводит к вытеснению жизненного мира бесспорного практического знания в пространство семьи и быта, а по-другому (в постиндустриальном мире) хабиатуализирует систему. Приватное и публичное (точнее — официальное), по большому счету, существовали всегда, по крайней мере — в политически организованном социуме. Да, в историческом контексте «позднего капитализма» «добржуазные традиции, в которые встроены гражданский и семейно-профессиональный приватизм, безвозвратно демонтируются», «составные части традиционалистских картин мира⁴, которые представляли контекст и дополнение буржуазных идеологий, все больше ослабевают и растворяются в процессе капиталистического развития», но при этом «структуры буржуазной культуры, лишенные своей традиционалистской набивки и приватистской сути, все еще являются релевантными для образования мотивов вообще и не могут рассматриваться лишь в качестве фасада»⁵.

Постклассическая методология применительно к юридической практике предполагает анализ ее (практики) сконструированности активностью человека, а тем самым — человекомерность. Именно люди, прежде всего — представители референтных групп, конструируют новые образцы поведения. При этом необходимо учитывать, что положительный результат будет достигнут только тогда, когда правовая инновация будет отвечать настроениям широких народных масс и воплощаться в юридической повседневности. В этой связи замечу, что постклассическая

⁴ Более того, по мнению Ю. Хабермаса, «доминирующие компоненты культурной традиции теряют характер картин мира, то есть интерпретаций мира, природы и истории в целом. Когнитивное притязание на воспроизведение тотальности снимается в пользу меняющихся популярных синтезов из отдельных научных фактов, с одной стороны, и искусства, которое эзотерически отступает или десублимированно возвращается в жизнь, с другой» (см.: *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай; общ. ред. и вступ. статья О. В. Кильдюшова, примечания, именной и предметный указатели Т. А. Дмитриева. М.: Праксис, 2010. С. 134).

⁵ *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай; общ. ред. и вступ. статья О. В. Кильдюшова, примечания, именной и предметный указатели Т. А. Дмитриева. М.: Праксис, 2010. С. 133–134.

методология юридической практики сегодня, в начале XXI в., с моей точки зрения, как уже отмечалось выше, основывается на социально-феноменологической программе, акцентирующей основное внимание на мире повседневности. Это связано с тем, что подавляющее большинство юридических ситуаций (социальных ситуаций, которым приписывается юридическое значение) — это повседневная рутина так называемых простых дел. Встречающиеся «сложные дела», не имеющие одного или единственно верного решения (по Р. Дворкину), составляют весьма незначительный процент от общего количества дел. Но учебники в подавляющем большинстве случаев не описывают того, как именно на практике разрешаются подобные рутинные дела.

Повседневная юридическая практика организована схемами (правовыми фреймами и скриптами), стереотипами мышления и поведения — хабитусами, которые, в свою очередь, структурно детерминированы. Правовые фреймы представляют собой образцы типичных и «правильных» с точки зрения данного актора (человека — носителя статуса субъекта права) способов достижения легальной и легитимной цели. Это образцы ситуаций, имеющих юридическую значимость. Например, что должно быть в комнате или зале судебного заседания, в дежурной части отделения полиции и т. д. Правовой скрипт — это образец поведения в такого рода ситуациях: как следует действовать во взаимоотношениях с полицейским, начальником, прокурором, судьей или адвокатом в контексте соответствующей ситуации. Именно правовые фреймы и скрипты образуют рамки неформальных норм-практик, которые являются главными регуляторами правового поведения и дают четкое представление о том, как воплощаются на практике нормы права, почему в одних случаях они реализуются (и применяются) достаточно эффективно, а в других — нет. Такие юридически значимые образы и образцы складываются в многочисленных сегментах — субкультурах, поэтому следует использовать не единственное, а множественное число для их обозначения — юридические практики. Их изучение — важная задача постклассической социокультурной антропологии права как научно-исследовательской программы, которая сегодня получила новый импульс развития.

Антропология права с помощью метода включенного наблюдения позволяет выявлять скрытые неформальные нормы, «латентные практики», образующие содержание юридической повседневности. В этом и состоит первостепенное практическое значение постклассической социокультурной антропологии права, в которой производится взаимоувязывание личностной интенции акторов правовой повседневности с теми ограничениями, которые налагаются на них социумом, его культурой, организацией, требованиями социально значимого Другого, олицетворяемого, например, законодательством, референтными группами, статистической отчетностью в государственных органах и т. д. Антропологическая методология включенного наблюдения или глубинного интервью, изучения фокус-групп и др. позволяет выяснить, как именно оценивают акторы официальные нормы права.

Все вышеизложенное, как представляется, наглядно подтверждает общий тезис: юридическая (как и любая другая социальная) наука нуждается сегодня, прежде всего, в практическом измерении, в «приземлении» высокой абстракции к земным вопросам. Для этого требуется выработка (детальная проработка) новой, постклассической методологии права.

Литература

1. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997. 190 с.
2. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай, общая редакция и вступительная статья О. В. Кильдошова, примечания, именной и предметный указатели Т. А. Дмитриева. М.: Практис, 2010. 264 с.
3. Честнов И. Л. Постклассическая методология исследования юридической деятельности / Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы: монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. С. 108–129.
4. Общая теория государства и права: академический курс. В 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 3. М., 2002.

References

1. Batishchev, G. S. Introduction to the dialectics of creativity [Vvedenie v dialektiku tvorchestva]. St. Petersburg: RKhGI [RHGI], 1997. 190 p. (In Rus.)
2. Habermas, Yu. The problem of legitimation of late capitalism [Problema legitimacii pozdnego kapitalizma] / transl. with him. L. V. Voropai. General edition and introductory article by O. V. Kildyushov. Notes, name and subject indexes T.A. Dmitriev. M.: Praxis [Praksis], 2010. 264 p. (In Rus.)
3. Chestnov, I. L. Postclassical methodology for researching legal activity [Postklassicheskaya metodologiya issledovaniya yuridicheskoy deyatelnosti] / Legal activity: content, technologies, principles, ideals; monograph [Yuridicheskaya deyatelnost': sodержanie, tekhnologii, principy, idealy: monografiya] / ed. O. Yu. Rybakov. M.: Prospekt [Prospekt], 2022. Pp. 108–129. (In Rus.)
4. General theory of state and law: academic course [Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskii kurs]. In 3 vol. / resp. ed. M. N. Marchenko. Vol. 3. M., 2002. (In Rus.)

Судопроизводство о цифровых правах в условиях становления самостоятельного процессуального института

Майборода Виктор Александрович, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

доцент кафедры правоведения, доктор юридических наук;

e-mail: victormaiboroda@yandex.ru.

Майборода Эльвира Тагировна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

доцент кафедры правоведения, кандидат философских наук, доцент;

e-mail: ellamaiboroda@mail.ru.

Аннотация

Цифровые права представляют собой объект гражданского оборота, обладающий рядом специфичных особенностей. К таким особенностям, в частности, относятся: возможность использования только посредством программно-аппаратных средств, оборот в рамках информационной системы, а не материального мира, самоверификация принадлежности определенному субъекту. Поэтому и споры о цифровых правах обладают по крайней мере тремя специфичными чертами: это споры об экономических активах; это споры, относимые доказательства по которым заключены в самом предмете спора; это споры о праве, не имеющем имущества, то есть с возможностью применения закона, следующего за субъектом, а не закона по месту расположения имущества. Целью исследования является осмысление особенностей оборота цифровых прав как объектов гражданско-правового регулирования и выявление возможностей специфики рассмотрения споров, предметом по которым выступают цифровые права.

Методы исследования: телеологический, компаративистский и контент-анализ правоприменения.

С использованием телеологического метода выявлено целевое назначение регулирования оборота цифровых прав. Компаративистский анализ в статье позволил выдвинуть и мотивировать мнение о необходимости создания специализированной судебной инстанции по разрешению споров, предметом по которым выступают цифровые права. Ограниченный контент-анализ правоприменительной практики позволил выявить текущие особенности разрешения по существу споров, связанных с цифровыми правами.

Выводы исследования основаны на постулате о том, что законная сила судебного акта, разрешающего спор по существу, в отношении определенного цифрового права позволит определять не только дальнейшую правовую судьбу цифрового права как экономического актива, но и санкционировать оборот цифрового права, прекращать (запрещать) оборот цифрового права либо предписывать значимые условия оборота цифрового права.

Ключевые слова: цифровые права, особенности оборота цифровых прав, судопроизводство, правовые семьи, законная сила судебного акта, прекращение (запрет) оборота цифрового права.

Для цитирования: Майборода В. А., Майборода Э. Т. Судопроизводство о цифровых правах в условиях становления самостоятельного процессуального института. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 17–22. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-17-22. EDN: DEZGCT

Legal Proceedings in Digital Rights in Independent Procedural System

Victor A. Mayboroda, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)

*Associate Professor of the Department of Law, judge emeritus, Doctor of Science (Jurisprudence);
e-mail: victormaiboroda@yandex.ru.*

Elvira T. Mayboroda, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)
*Associate Professor, PhD in Jurisprudence;
e-mail: ellamaiboroda@mail.ru.*

Abstract

Digital rights are an object of civil circulation that has a number of specific features. Such features, in particular, include: the ability to use only through software and hardware, circulation within the framework of an information system and not the material world, self-verification of belonging to a specific subject. Therefore, disputes about digital rights have at least three specific features: these are the disputes about economic assets; the relevant evidence is contained in the very subject of the dispute; these are disputes about a right that does not have property, that is, with the possibility of applying the law following the subject, and not the law at the location of the property.

The purpose of the study is to understand the peculiarities of the circulation of digital rights as objects of civil law regulation and to identify the possibilities for the specific consideration of disputes, the subject of which are digital rights.

Research methods: teleological, comparative and content analysis of law enforcement.

Using the teleological method, the intended purpose of regulating the circulation of digital rights was identified. The comparative analysis in the article made it possible to put forward and motivate the opinion on the need to create a specialized court to resolve disputes, the subject of which is digital rights. A limited content analysis of law enforcement practice made it possible to identify the current features of substantive resolution of disputes related to digital rights.

The conclusions of the study are based on the postulate that the legal force of a judicial act resolving a dispute on the merits in relation to a certain digital right will make it possible to determine not only the further legal fate of digital law as an economic asset, but also to authorize the circulation of digital law, to stop (prohibit) the circulation of digital rights or prescribe significant conditions for the circulation of digital rights.

Keywords: digital rights, features of the circulation of digital rights, legal proceedings, legal families, legal force of a judicial act, termination (prohibition) of the circulation of digital rights.

For citation: Mayboroda V. A., Mayboroda E. T. Legal Proceedings in Digital Rights in Independent Procedural System. Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya], 2024. No. 1. Pp. 17–22. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-17-22. EDN: DEZGCT

С 1 октября 2019 г. в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) включена статья, дающая общее понятие цифровых прав. По содержанию ст. 128 ГК РФ цифровые права отнесены к имущественным правам, а по тексту статьи 141.1 ГК РФ цифровые права отнесены к обязательственным и иным правам. Таким образом, в формально-правовом смысле цифровые права являются обязательством. Однако, вопреки данному выводу, п. 4 ст. 454 ГК РФ закрепляет в качестве универсальной нормы правило о том, что регулирование купли-продажи применяется к продаже имущественных, в том числе цифровых, прав, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав. В литературе некоторое время продолжается дискуссия о природе цифровых прав: в пользу вещной природы приводятся в том числе и аргументы о содержании ст. 9 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которой в отношении утилитарного цифрового права выдается цифровое свидетельство, ценная бумага, не имеющая номинальной стоимости, удостоверяющая принадлежность ее владельцу утилитарного цифрового права¹. Интересна аргументация Е. А. Суханова и В. И. Фатхи, указывающих, что цифровыми становятся не сами субъективные права, а только формы их закрепления². В пользу обязательственной природы цифровых прав приводятся доводы о содержании вышеизложенных норм материального гражданского закона³. Выделяется также мнение о формировании в качестве самостоятельных цифровых прав цифровых услуг. Ж. Ю. Юзефович и В. Е. Хазова отмечают зачаточность такого выделения⁴.

¹ Лаптев В. А. Цифровые активы как объекты гражданских прав. Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018. № 2 (42). С. 199–204.

² Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества». Вестник гражданского права, 2021. № 6. С. 7–29.

³ Овчинников А. И., Фатхи В. И. Цифровые права как объекты гражданских прав. Философия права, 2019. № 3 (90). С. 104–111.

⁴ Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е. Цифровые права как объекты гражданских прав. Гражданское право, 2022. № 5. С. 15–18.

Камнем преткновения этой дискуссии является то обстоятельство, что цифровые права, в отличие от иных «прав на права»⁵, которыми они по существу и являются, способны самостоятельно верифицировать свою принадлежность правообладателю. Действительно, если бы достаточной была норма о том, что обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом, то, приводя аналогию с материальным миром, можно было бы утверждать, что и правом собственности на автомобиль обладает лицо, у которого находится ключ от нее. Именно то обстоятельство, что цифровое право способно удостоверять само себя, без внешнего регистратора, и отделяет его от подобного рода вульгарных аналогий. Благодаря технологии блокчейна такое удостоверение считается достаточным в гражданском обороте. Следовательно, те цифровые права, чья принадлежность правообладателю подлежит удостоверению уполномоченным субъектом, относятся к вещным правам, а те цифровые права, что сами в себе и являются удостоверением принадлежности правообладателю, — обязательственными.

Такой подход, с использованием субъекта, наделенного полномочием по удостоверению правообладания, фактически используется криптовалютными биржами (депозитариями, инвестиционными платформами и иными акторами), благодаря чему крипто из права требования перерождается в токен (utility tokens), индивидуализируемое средство платежа. Однако сама по себе неочевидная природа цифровых прав не является главным препятствием для их рецепции в ординарный оборот. Более значимым является двойственная природа возникновения и оборота цифровых прав. Во-первых, они создаются с использованием технологического оборудования, то есть имущества, существующего в объективной реальности в качестве материальных объектов. Во-вторых, будучи созданными, представляют собой не более чем строчки кода, то есть являются благом лишь посредством интерпретации кода соответствующим программно-аппаратным комплексом и не существуют в объективной реальности в качестве материального объекта⁶. Таким образом, имущество-носитель являясь вещью оборота самостоятельно, а его содержимое, при активации кода субъектом, наделенным полномочием средства интерпретации, является правом требования — цифровым правом.

Приведенные обстоятельства выступают постоянной причиной неопределенности в понимании природы цифровых прав. Так, Яо Биуй, анализируя отдельные аспекты заключения сделок с использованием различных цифровых платформ, указывает на отсутствие надлежащей регламентации в вопросах формирования воли сторон, момента заключения сделки и иных обстоятельств⁷. Но особенное значение это имеет не только в ординарном обороте, но и при разрешении споров, предметом которых выступают цифровые права. Очевидно, что до настоящего времени разрешение подобного рода споров происходит без фактической осознанности всеми участниками процесса места цифровых прав в системе гражданско-правового регулирования. Например, суды предпочитают определять цифровые права как объект регулирования и не применяют норму материального закона, давшую само понятие этих прав. В Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 6 августа 2020 г. № Ф01-1/1633/20 по делу № А43-34718/2017 суд кассационной инстанции, разрешая спор о признании займа, предметом которого выступали цифровые права, недействительной сделкой, уклонился от исследования доказательств происхождения денежных средств, переданных по займу от продажи биткоина, и прямо указал, что, исходя из даты возникновения спорных правоотношений, норма ст. 141.1. ГК РФ не подлежит применению. Заметим, что отсутствие нормы закона на момент даты сделки с цифровыми правами никак не опровергает факта наличия либо отсутствия продажи биткоина. В другом деле, в котором продажа криптовалюты была поименована «поставкой», суд ушел от оценки материально-правовых отношений, связанных с обоснованием иска ссылкой на то обстоятельство, что удостоверение иностранного нотариуса (Ирландия, Дублин) не является надлежащим доказательством, подтверждающим факт, что истцу принадлежало имущество в виде 3,7995 BTC, 36 030 USDT, 6450 USDT, которое вышло в пользу ответчика. Третьим ярким примером процессуального отступления от принципов законности, всесторонности и объективности рассмотрения дела может служить дело № А65-16901/2020, в котором истребование доступа к аккаунтам в социальных сетях, используемых для продвижения истцом продукции, квалифицировано как ненадлежащий способ защиты права, и в требовании отказано⁸.

Допуская ту или иную критику судебного акта, необходимо принимать во внимание, что вступившие в силу судебные акты наделены законной силой, то есть по обязательности содержащегося в них предписания они равнозначны требованию закона. Хотя в практике и литературе указываются и иные, на наш взгляд — противоправные, возможности использования свойства законной силы судебного акта⁹. Данное обстоятельство еще в большей

⁵ *Василевская Л. Ю.* Токен как объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права. Актуальные проблемы российского права, 2019. № 5 (102). С. 111–119.

⁶ *Нестеров А. В.* Соотношение правовых категорий приватности, секретности (тайны) и конфиденциальности. Юридический мир, 2019. № 7. С. 37–41.

⁷ *Яо Б.* Сделка, заключаемая с использованием онлайн-платформ как правовое явление в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Юрист, 2022. № 4. С. 28–33.

⁸ Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d2dabcab-aa71-44cc-b856-912ece239c79> (дата обращения: 03.10.2023).

⁹ *Сафаева Н. Р.* Имитация корпоративного спора как способ преодоления законной силы судебного акта. Вестник гражданского процесса, 2020. № 4. С. 295–313.

степени мотивирует необходимость совершенствования как материального закона, регулирующего рассматриваемые правоотношения, так и формируемые практики его применения¹⁰. И если нормативно-правовое регулирование не соответствует уровню развития общественных отношений, то бремя нормотворчества возлагается на судебные инстанции, следуя одному из фундаментальных принципов континентальной правовой семьи о том, что суд знает право (*Jura noscit curia*)¹¹. При этом важно иметь в виду, что телеологическое предназначение цифровых прав — следование формированию активов экономического оборота, выражаемых в цифровой форме, в форме машиночитаемых кодов. То есть цифровые права не должны рассматриваться исключительно в качестве самодостаточного блага, поскольку, подчеркнем еще раз, они не существуют в материальном мире, и благом, воплощаемым цифровыми правами по существу, является единственное благо — информация и ее оборот, регулируемый в общественном (публичном) интересе. Значит, вне зависимости от экономического выражения стоимости цифровых прав споры в их отношении имеют ту же природу, что и информационные споры, в том числе о диффамации. Но в отличие от указанных ординарных споров о достоверности (недостоверности) информации, об обеспечении доступа к информации, обеспечении соблюдения правового режима информации (государственная, коммерческая, профессиональная тайны) информационное благо, воплощаемое в цифровых правах, не нуждается в объективной верификации. И, кроме того, оно является экономическим активом. Следовательно, споры о цифровых правах обладают по крайней мере тремя специфическими чертами: это споры об экономических активах; споры, относимые доказательства по которым заключены в самом предмете спора; споры о праве, не имеющем имущества, то есть с возможностью применения закона, следующего за субъектом, а не закона по месту расположения имущества.

Именно исходя из названных обстоятельств представляется разумной постановка вопроса о создании в Российской Федерации специализированной судебной инстанции, предназначенной для разрешения споров о цифровых правах, в которых хотя бы одна из сторон является резидентом (гражданином) Российской Федерации.

Сравнительно-правовой анализ позволяет утверждать, что данная мысль находит свое воплощение в правопорядках, поощряющих инвестиционную активность. Так, например, суд Международного финансового центра Дубая (DIFC) объявил о начале работы первого в мире Международного суда по цифровой экономике. Собственно, суды DIFC являются судами эмирата Дубай, входящего в состав Объединенных Арабских Эмиратов, но независимы от судов Дубая и правительства Дубая. Статус этих судов основан на норме ст. 121 Конституции ОАЭ, позволяющей создавать свободные финансовые зоны и в границах этих зон исключать применение некоторых федеральных законов¹². Поэтому Федеральным законом № 8 от 27 марта 2004 г. «О финансовых свободных зонах в Объединенных Арабских Эмиратах»¹³ разрешено создание свободной финансовой зоны в любом эмирате ОАЭ федеральным указом и реализовано приостановление в границах указанных зон всех федеральных гражданских и коммерческих законов. Таким указом применительно к рассматриваемому случаю является Федеральный указ № 35 от 24 июня 2004 г.¹⁴, во исполнение которого правительством приняты документы об установлении границ DIFC и о разрешении органам публичной власти и резидентам работать за пределами DIFC в течение первых четырех лет. И уже Законом Дубая № 12 от 2004 г. созданы суды особой финансовой зоны, состоящие из двух инстанций (первая и апелляция)¹⁵. Изменениями к данному закону 31 октября 2011 г. (Закон Дубая № 16) его юрисдикция распространена на любые споры (не только резидентов зоны) на основании договорной подсудности сторон.

В 2022 г. названный суд рассмотрел первые споры в сфере цифровых прав, и в настоящее время в регламент суда (процессуальные основы рассмотрения спора) включена гл. 58, регламентирующая особенности рассмотрения споров о цифровых правах. Среди этих особенностей стоит указать наличие в составе суда специализированного судьи, общий электронный порядок судопроизводства по умолчанию. Особенно стоит процитировать ст. 58.11, согласно которой суд наделен компетенцией «...at any time make an order authorising and directing the Registrar, a Judicial Officer or any other person in accordance with Rule 20.7 to operate, modify, sign or cancel any digital asset using any digital signature, cryptographic key, password or other digital access or control mechanism available to it», то есть «...в любое время вынести предписывающий акт об эксплуатации, изменении, удостоверении или

¹⁰ Майборода В. А. Цифровое согласование градостроительной деятельности в федеральной территории «Сириус». Юрист, 2021. № 12. С. 70–75.

¹¹ Терентьева Л. В. Общеправовая презумпция *jura novit curia* и отраслевая презумпция *jura aliena novit curia* международного гражданского процесса. Право. Журнал Высшей школы экономики, 2018. № 3. С. 195–213.

¹² Конституция Объединенных Арабских Эмиратов 1971 г., в редакции 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.difccourts.ae/application/files/3115/9465/4789/United_Arab_Emirates_2004.pdf (дата обращения: 03.10.2023).

¹³ О свободных финансовых зонах: федер. закон ОАЭ № 8 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.difccourts.ae/application/files/3515/9465/4830/Federal_Law_No_8_of_2004_English.pdf (дата обращения: 04.10.2023).

¹⁴ О создании финансовой свободной зоны в Дубае: федер. указ ОАЭ № 35 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.difccourts.ae/application/files/6015/9465/4858/Federal-Decree-No-35-of-2004.pdf> (дата обращения: 04.10.2023).

¹⁵ О судебном органе Дубайского международного финансового центра с внесенными в него поправками: закон № 12 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.difccourts.ae/application/files/7515/9465/5050/Dubai12of2004_amended2011.pdf (дата обращения: 03.10.2023).

аннулировании любого цифрового актива с использованием любой цифровой подписи, криптографического ключа, пароля или другого доступного ему механизма цифрового доступа или контроля»¹⁶.

Эта потрясающая норма возвращает цифровые права в ортодоксальное правопонимание, согласно которому верификация актива (опровержение верификации, то есть признание права отсутствующим) осуществляется органом судебной власти, а не самим активом, либо информационной системой, для эксплуатации в которой он предназначен. Правоведы из ОАЭ значимо продвинули правопонимание цифровых прав и, очевидно, сформируют правоприменительную практику, опыт которой будет востребован не только судами общего права, к которому относятся суды DIFC, но и другими правовыми семьями, в том числе и российской правовой системой.

Подводя итоги изложенному, следует заключить, что, во-первых, специфичность цифровых прав как объектов гражданского оборота во многом основана на свойстве самоверификации принадлежности цифрового права субъекту прав и обязанностей в параметрах определенной информационной системы. Во-вторых, данное обстоятельство не отменяет информационной природы цифровых прав и, соответственно, не опровергает судебной возможности рассмотрения споров, предметом которых выступают цифровые права, как споров, связанных с оборотом информации. В-третьих, осмысление опыта судебного разрешения споров, предметом которых выступают цифровые права, позволяет мотивировать предложение о необходимости создания в российской правовой системе специализированного суда, наделенного полномочиями, позволяющими, изменяющими и запрещающими оборот любого цифрового права. Подсудность дел такому суду возможна в переходный период в качестве договорного обстоятельства при вовлечении цифрового права в гражданский оборот, а в последующем — в качестве обязательной процедуры, предназначенной для разрешения споров, предметом которых выступают цифровые права.

Литература

1. *Василевская Л. Ю.* Токен как объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права. Актуальные проблемы российского права, 2019. № 5 (102). С. 111–119.
2. *Лаптев В. А.* Цифровые активы как объекты гражданских прав. Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018. № 2 (42). С. 199–204. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10031
3. *Майборода В. А.* Цифровое согласование градостроительной деятельности в федеральной территории «Сириус». Юрист, 2021. № 12. С. 70–75.
4. *Нестеров А. В.* Соотношение правовых категорий приватности, секретности (тайны) и конфиденциальности. Юридический мир, 2019. № 7. С. 37–41.
5. *Овчинников А. И., Фатхи В. И.* Цифровые права как объекты гражданских прав. Философия права, 2019. № 3 (90). С. 104–111.
6. *Сафаева Н. Р.* Имитация корпоративного спора как способ преодоления законной силы судебного акта. Вестник гражданского процесса, 2020. № 4. С. 295–313.
7. *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества». Вестник гражданского права, 2021. № 6. С. 7–29. DOI: 10.24031/1992-2043-2021-21-6-7-29
8. *Терентьева Л. В.* Общеправовая презумпция *jura novit curia* и отраслевая презумпция *jura aliena novit curia* международного гражданского процесса. Право. Журнал Высшей школы экономики, 2018. № 3. С. 195–213. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.3.195.213
9. *Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е.* Цифровые права как объекты гражданских прав. Гражданское право, 2022. № 5. С. 15–18.
10. *Яо Б.* Сделка, заключаемая с использованием онлайн-платформ, как правовое явление в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Юрист, 2022. № 4. С. 28–33.

References

1. Vasilevskaya, L. Yu. Token as a new civil rights object: issue of legal qualification of digital law [Token kak ob"ekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii tsifrovogo prava]. Actual Problems of Russian Law [Aktual'nye problemy rossijskogo prava], 2019. No. 5 (102). Pp. 111–119. (In Rus.)
2. Laptev, V. A. Digital assets as objects of the civil rights [Tsfirovye aktivy kak ob"ekty grazhdanskikh prav]. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii], 2018. No. 2 (42). Pp. 199–204. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10031. (In Rus.)
3. Mayboroda, V. A. Digital approval of urban planning activities in the Sirius federal territory [Tsfirovye soglasovanie gradostroitel'noj deyatel'nosti v federal'noj territorii "Sirius"]. Lawyer [Yurist], 2021. No. 12. Pp. 70–75. (In Rus.)

¹⁶ Закон № 16 2011 г. «О внесении изменений в некоторые положения Закона № 12 2004 года «О судах Международного финансового центра Дубая» [Электронный ресурс]. URL: https://www.difccourts.ae/index.php/tools/pdf/court_rule?path=/rules-decisions/rules/part-58 (дата обращения: 02.10.2023).

4. Nesterov, A. V. Correlation between the legal categories of Privacy, Secrecy (Secret) and Confidentiality [Sootnoshenie pravovykh kategorij privatnosti, sekretnosti (tajny) i konfidentsial'nosti]. Juridical World [Yuridicheskij mir], 2019. No. 7. Pp. 37–41. (In Rus.)
5. Ovchinnikov, A. I., Fathi V. I. Digital rights as objects of civil rights [Tsifrovye prava kak ob"ekty grazhdanskikh prav]. Philosophy of Law [Filosofiya prava], 2019. No. 3 (90). Pp. 104–111. (In Rus.)
6. Safaeva, N. R. Imitation of a corporate dispute as a way to overcome the legal force of a judicial act [Imitatsiya korporativnogo spora kak sposob preodoleniya zakonnoj sily sudebnogo akta]. Herald of Civil Procedure [Vestnik grazhdanskogo protsesssa], 2020. No. 4. Pp. 295–313. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-4-295-313. (In Rus.)
7. Sukhanov, E. A. On the civil legal nature of "digital property" [O grazhdansko-pravovoj prirode "tsifrovogo imushhestva"]. Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava], 2021. No. 6. Pp. 7–29. (In Rus.)
8. Terentieva, L. V. Common Law Presumption jura novit curia and Branch Presumption jura aliena novit curia in International Civil Process [Obshhepravovaya prezumptsiya jura novit curia i otraslevaya prezumptsiya jura aliena novit curia mezhdunarodnogo grazhdanskogo protsesssa]. Law. Journal of the Higher School of Economics [Pravo. Zhurnal Vyssej shkoly ehkonomiki], 2018. No. 3. Pp. 195–213. DOI:10.17323/2072-8166.2018.3.195.213. (In Rus.)
9. Yuzefovich, Zh. Yu., Khazova, V. E. Digital rights as objects of civil rights [Tsifrovye prava kak ob"ekty grazhdanskikh prav]. Civil Law [Grazhdanskoe parvo], 2022. No. 5. Pp. 15–18. (In Rus.)
10. Yao, B. A Transaction Concluded with the Use of Online Platforms as a Legal Phenomenon in the Russian Federation and the People's Republic of China [Sdelka, zaklyuchaemaya s ispol'zovaniem onlajn-plattform, kak pravovoe yavlenie v Rossijskoj Federatsii i Kitajskoj Narodnoj Respublike]. Lawyer [Yurist], 2022. No. 4. Pp. 28–33. (In Rus.)

Правовые аспекты возможного применения цифрового рубля

Иванюженко Андрей Борисович, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доцент кафедры правоведения, кандидат юридических наук, доцент;

e-mail: iuta2007@yandex.ru.

Аннотация

В статье рассматриваются правовые аспекты внедряемого в ближайшем будущем в денежно-кредитную систему России цифрового рубля. Автор, проводя анализ законодательства, существующих исследований, зарубежной практики по внедрению аналогичных денежных единиц и заявлений российских практиков в области государственных финансов, приходит к выводу о том, что внедрение нового вида российских денежных знаков является как ответом на санкции со стороны так называемых недружественных государств, создающих определенные риски для развития российской финансовой системы, так и очередным шагом на пути развития принципов адресности, эффективности и целевого назначения бюджетных средств. Кроме того, автор приходит к выводу, что внедрение цифрового рубля способствует решению таких вопросов, как эффективность социальной политики и противодействие коррупции.

Ключевые слова: бюджет, цифровой рубль, санкции недружественных государств, блокчейн, социальная политика, фиатные деньги.

Для цитирования: Иванюженко А. Б. Правовые аспекты возможного применения цифрового рубля. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 23–36. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-23-36. EDN: DGNJGV

Digital Monetary Resources of Russia (digital ruble) as a Means of Distribution in the Financial System: Legal Aspects of Possible Application

Andrei B. Ivanujenko, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Department of Law, PhD in Jurisprudence;

e-mail: iuta2007@yandex.ru.

Abstract

The article discusses the legal aspects of digital rubles being introduced into the monetary system of Russia in the near future. The author, analyzing current legislation, existing studies, foreign practice on the introduction of similar monetary units and statements of Russian practitioners in the field of public finance, comes to the conclusion that the introduction of a new type of Russian banknotes is a response to sanctions from the so-called “unfriendly states” that create certain risks for the development of the Russian financial system. The author comes to the conclusion that the digital ruble is the next step towards the development of the principles of targeting, efficiency and the purpose of budget funds. In addition, the author comes to the conclusion that the introduction of the digital ruble contributes to the solution of issues such as the effectiveness of social policy and anti-corruption.

Keywords: budget, digital ruble, sanctions of unfriendly states, blockchain, social policy, fiat money.

For citation: Ivanujenko A. B. Digital Monetary Resources of Russia (digital ruble) as a Means of Distribution in the Financial System: Legal Aspects of Possible Application. Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya], 2024. No. 1. Pp. 23–36. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-23-36. EDN: DGNJGV

Одним из методов осуществления государством финансовой политики является «правовая регуляция финансов», благодаря которой органы власти посредством создания и введения в действие нормативных актов регламентируют систему перераспределения средств, необходимых для выполнения публичной властью стоящих перед ним задач и функций¹.

Данный метод характерен и для установления форм денежных средств, перераспределение которых является функцией финансовой системы. Так, российским законодательством установлены требования к денежным средствам как предмету перераспределения:

- ст. 75 Конституции РФ устанавливает, что в российском экономическом пространстве единственно возможной денежной единицей является рубль, одновременно запрещая использование в качестве средств платежа и мер стоимости иностранную валюту, денежные суррогаты (так называемые условные единицы), а равно какие-либо альтернативные финансовые инструменты, к числу которых относится криптовалюта;
- ст. 30 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке» дано определение наличным денежным средствам (банковскому билету и монете) как «безусловным обязательствам Банка России, обеспеченным всеми активами»;
- Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» в редакции от 24 июля 2023 г. (далее — закон № 161-ФЗ) определены характеристики электронных денег, являющихся производными от так называемых безналичных денежных средств, использование которых в товарно-денежных операциях гарантировано нормами гражданского законодательства РФ (согласно ч. 3 ст. 834 ГК РФ на отношения из банковского счета распространяются требования договора банковского вклада, предусматривающего безусловную трансформацию средств на счете — в наличные денежные средства), так как легальной дефиниции безналичных денег в российском правовом пространстве не существует.

В июле 2023 г. Федеральными законами от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в ст. 128 и 140 части первой, часть вторую и ст. 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса РФ» и от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту — Законы № 339-ФЗ и 340-ФЗ соответственно) с 1 августа 2023 г. в финансовую систему России была введена новая форма денежных средств, именуемая «цифровой рубль».

Учитывая, что финансы являются системной категорией, обладающей в том числе свойством эмерджентности, в соответствии с которым система обладает качествами, не присущими ее составным частям, мы должны констатировать, что урегулированное нормами права включение в российскую денежную массу единиц, не обладающих сберегательной функцией и возможно низкой статусной функцией, то есть отличных по своим социально-экономическим свойствам от «традиционных» фиатных денег, должно повлечь за собой изменение качеств всей финансовой системы или по меньшей мере — придать ей новые качества.

Таким образом, поскольку изменение предмета распределения в финансовой системе создает изменения ее свойств, целеполагание, лежащее в основе разработки, внедрения и правовой регламентации обращения цифрового рубля как предмета распределения, требует критического осмысления.

Анализ нормативных актов, а также позиций исследователей данной формы денег и эмпирических данных позволяет сделать предварительные выводы о месте, которое будет занимать цифровой рубль в финансовой системе России.

Общая характеристика цифрового рубля как денежной единицы Российской Федерации

Н. Г. Андрианова, проанализировав действующее законодательство, выделяет признаки цифрового рубля, а именно: «1) каждый цифровой рубль — это уникальный цифровой код, функционирующий в рамках платформы цифрового рубля; 2) эмитентом цифрового рубля является Банк России; 3) цифровой рубль является обязательством Банка России; 4) поскольку цифровой рубль является третьей формой российской национальной валюты, то один цифровой рубль равен одному наличному рублю, а также равен одному безналичному рублю»².

Равенство цифрового рубля наличному рублю вызывает справедливую критику. Так, индивидуализация цифрового рубля в виде уникального цифрового кода сближает его с банковским билетом или монетой (по причине чего д-р юрид. наук Е. М. Андреева предлагает термин «цифровые наличные»³), эмиссия которых является монопольным правом Банка России, а каждый банковский билет обладает уникальным персональным номером, позволяющим

¹ Финансы, денежное обращение и кредит: учебник / М. В. Романовский и др.; под ред. М. В. Романовского, О. В. Врублевской. М.: Юрайт-Издат, 2006. С. 88.

² Андрианова Н. Г. Цифровой рубль: особенности финансово-правового регулирования. Юридические исследования, 2023. № 8. С. 35.

³ Андреева Е. М. Модель и правовая природа цифрового рубля. Право и современная экономика: опыт и будущее: сборник материалов V Международной научно-практической конференции юридического факультета СПбГЭУ 7 апреля 2022 г. СПб.: СПбГЭУ, 2022. С. 140.

в случае допущения его подделки проверить на подлинность. Однако согласно приведенной дефиниции цифровой рубль отличается от наличных денег тем, что последние, будучи обязательствами Банка России, обеспечены «всеми его активами», чего нельзя сказать про цифровой рубль. Поскольку же Банк России в соответствии со ст. 49 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Банке России» не совершает банковских операций с физическими лицами и организациями, за исключением Агентства по страхованию вкладов, Федерального казначейства и кредитных организаций, неочевидность трансформации цифрового рубля в банковский билет создает допущение отсутствия у него так называемой статусной функции, которая, по словам Д. А. Салимоненко, выражается в формировании у их владельца «имиджа, капитала доверия и уважения»⁴. Без ответа на этот вопрос остаются представители российского общества, владельцы цифрового рубля, находящиеся, по словам главы ВЦИОМ В. Федорова, начиная с 2018 г. из-за пенсионной реформы, пандемии и специальной военной операции «в сложном социально-психическом состоянии»⁵, и могут ассоциировать себя с участниками представления в Театре варьете в известном произведении М. А. Булгакова, получившими в результате денежного дождя червонцы, впоследствии ставшие резаной бумагой. И это не способствует популярности цифрового рубля как новой формы российской валюты.

Внесенные вступившим в силу Законом № 339-ФЗ поправки в гражданское законодательство не позволяют обособлять цифровой рубль как средство платежа от безналичных денежных средств в «третью форму российской валюты»: цифровой рубль, признаваемый объектом гражданских прав, является частным случаем денег, используемых в безналичном порядке (ст. 140 ГК РФ) в расчетных правоотношениях (ст. 861 ГК РФ).

В то же время цифровой рубль принципиально отличается от безналичного рубля, который создается банковской системой за счет денежного мультипликатора⁶, тем, что он выпускается благодаря управлению информационным пространством. Поскольку информация обладает свойством парциальности (мозаичности, фрагментарности), мера информации (количественный показатель в битах) позволяет каждой записи в базе данных рассматриваться в качестве уникальной единицы и выступать предметом юридически значимых действий. Как справедливо отмечает Н. В. Разуваев, информационная единица «приобретает свое неповторимое индивидуальное лицо», становясь не только объектом вещных и обязательственных прав участников гражданского оборота⁷. Данный тезис подтверждается правовыми новеллами: поправки, внесенные ст. 6 Закона № 340-ФЗ в ряд федеральных законов и в том числе в ст. 7.1 Закона № 161-ФЗ, устанавливают, что цифровой рубль обладает обязательственной природой: обязательства эмитента цифрового рубля (Банка России) перед их владельцем фиксируются в виде «записи, отражающей размер обязательств оператора платформы цифрового рубля (Банка России) перед пользователями платформы цифрового рубля в сумме цифровых рублей, учитываемых на их счетах цифрового рубля»⁸.

Иное отличие цифрового рубля от безналичного рубля закреплено в новой редакции ст. 30.8 Закона № 161-ФЗ, согласно которой на специальный банковский счет, предназначенный для учета прав владельца на цифровые рубли, не распространяются характерные для безналичных денежных средств (безналичного рубля):

- 1) обязательства из договора банковского вклада (начисление процентов согласно ст. 838 ГК РФ);
- 2) возможное кредитование счета в порядке ст. 850 ГК РФ;
- 3) право на совместное пользование несколькими лицам (так называемый совместный счет, открываемый в порядке ст. 845 ГК РФ несколькими лицам).

Согласно данным новеллам в отличие от безналичных денег (существующих, согласно позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 10.12.2014 № 31-П, в качестве «записи на банковском счете кредитора (их обладателя)» и представляющих собой «обязательственное требование на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт данный счет»⁹), формирующих сберегательную систему, осуществляемую кредитными организациями путем размещения привлеченных во вклады денежных средств «от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, срочности и платности» в порядке ст. 1 и 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и обладающую, по справедливому словам В. В. Литвина, «инвестиционно-производственным потенциалом национальной экономики»¹⁰, цифровые деньги обладают иной экономической природой. Так, Банк России как сторона договора, открывшая владельцу цифровых рублей специальный счет,

⁴ Салимоненко Д. А. Классификация функций денег. Российский гуманитарный журнал, 2013. Т. 2. № 5. С. 439.

⁵ См. Галимова Н., Сироткин К. Глава ВЦИОМ рассказал о 20 миллионах «ушедших в себя» россиян [Электронный ресурс]. Сайт Информационного агентства РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/65181f4d9a79472abaf2d73e?utm_source=yxnews&utm_medium=desktophttps://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/65181f4d9a79472abaf2d73e?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 30.09.2023).

⁶ Зубков И. Как возникают безналичные деньги. Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2020/09/22/kak-voznikaiut-beznalichnye-dengi.html> (дата обращения: 07.09.2023).

⁷ Разуваев Н. В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2021. № 1 (7). С. 25. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-1-18-38

⁸ СЗ РФ, 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5766.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория». Вестник КС РФ, 2015. № 2.

¹⁰ Литвин В. В. Исследование свойств и функций национальной сберегательной системы на основе концепции эмерджентности. Известия УрГЭУ, 2018. Т. 19. № 1. С. 27, 34. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-1-3

не имеет права самостоятельно пользоваться средствами на этом счете, что не позволяет рассматривать цифровой рубль как предмет сбережения и финансового перераспределения.

Несмотря на то что предстоящее к выпуску энное количество цифровых рублей не рассматривается законодателем в качестве обособленного вида денег, регулятор не дает пояснений о месте цифрового рубля в совокупной денежной массе (денежный индикатор M_3), в результате чего за денежной массой, выпущенной в виде цифровых рублей, не закрепляется отличный от безналичной денежной массы денежный агрегат. Данное обстоятельство не позволяет не просто определить необходимое и достаточное количество цифровых денег, а заставляет задаться вопросом о цели, которую преследовали разработчики законодательства о цифровом рубле, вводя в структуру денежной массы такую своеобразную форму российской валюты.

Цель выпуска цифрового рубля: критический обзор позиции авторов законопроекта о цифровом рубле

В пояснительной записке к Законопроекту № 270838-8, внесенному в Государственную Думу РФ 29 декабря 2022 г. группой депутатов и в свою очередь принятому в виде рассматриваемого нами Закона № 340-ФЗ, отмечалось, что «целью законопроекта является **развитие платежной инфраструктуры** в части расширения применения цифровых технологий гражданами, бизнесом и государством, повышения **доступности, скорости, удобства и безопасности расчетов при снижении издержек** (выделено нами. — А. И.) посредством законодательного закрепления подходов к осуществлению перевода цифровых рублей»¹¹.

Однако данные цели нам видятся неоправданными, так как на момент подписания Закона № 340-ФЗ в отношении обращения существующих наличной и безналичной денежной масс отсутствовала ярко выраженная критика со стороны государства, бизнес-сообщества и представителей потребительских организаций.

Утверждение о внедрении в оборот сверхэффективного по сравнению с традиционным наличным и безналичным оборотом денежного инструмента имеет возражение из-за того, что уже к июню 2023 г., по словам первого заместителя председателя правления Банка России О. Н. Скоробогатовой, на долю безналичных расчетов приходится более 80 % всего денежного оборота¹², а у Банка России как регулятора платежного оборота существует инструментарий оперативной регуляции межбанковского обмена информацией в отношении адресатов денежных переводов: с 1 октября 2023 г. Банк России в целях бесперебойности работы платежной системы запретил российским кредитным организациям использовать в переводах внутри страны международную систему SWIFT и рекомендовал пользоваться Системой передачи финансовых сообщений (СПФС) Банка России¹³. Действующие в России ограничения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в использовании наличных денег в пользу безналичного денежного оборота, согласно указаниям Банка России от 09.12.2019 № 5348-У «О правилах наличных расчетов» и от 11.03.2014 № 3210-У «О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства», могут быть продолжены, в результате чего физические лица также будут ограничены в использовании наличных денежных средств, что повлияет на изменение количественных показателей денежной массы¹⁴ и оптимизации скорости обращения.

Сомнение вызывает и такая цель авторов законопроекта, как снижение издержек в банковском обслуживании частных лиц. Как справедливо отмечает д-р юрид. наук А. В. Турбанов, «невозможно уяснить юридическую сущность денег, не учитывая их основные экономические свойства»¹⁵. Таким образом, закон денежного обращения (так называемая формула Фишера), несмотря на его разумную критику¹⁶, отражает непротиворечивую зависимость между показателями ВВП и скоростью обращения денежной массы, заставляя регулятор контролировать как структуру самой денежной массы, так и процентные ставки, а также — вводить прямые количественные ограничения, влияющие на стоимость денег. Данное требование имеет прямое значение для развития всей финансовой системы и, согласно ст. 155 БК РФ, выражается в ежегодной подготовке Банком России совместно с Правительством РФ основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики, представляемых в Государственную Думу России, содержание которой посвящено различным аспектам обращения денежной массы и деятельности кредитных

¹¹ Законопроект № 270838-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8> (дата обращения: 30.08.2023).

¹² Доля безналичных расчетов в платежах в РФ достигла 81,2 % [Электронный ресурс]. Информационное агентство «ТАСС». URL: <https://tass.ru/ekonomika/18034015> (дата обращения: 16.06.2023).

¹³ Чернышова Е. ЦБ запретил банкам использовать SWIFT при переводах внутри России [Электронный ресурс]. Информационное агентство «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/finances/20/03/2023/6418600b9a7947113cc36119> (дата обращения: 02.10.2023).

¹⁴ Казарновский П., Бочарова С. Минфин вновь предложил ограничить расчеты наличными [Электронный ресурс]. Информационное агентство «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58834ff09a7947c6bb9bba872> (дата обращения: 21.01.2017).

¹⁵ Турбанов А. В. Цифровой рубль как объект правоотношений. Актуальные проблемы российского права, 2023. Т. 18. № 9 (154). С. 85. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.079-094

¹⁶ См. Лиференко Ю. В. Исследование «формулы Фишера» и возможность ее применения в виртуальной экономике. Финансы и кредит, 2015. № 3. С. 11. EDN: UEACIP

организаций и демонстрирует функциональную эффективность ЦБ РФ в управлении ценовой стабильностью в российской экономике. Поскольку выпуск Банком России цифровых денег приведет к увеличению совокупной денежной массы и в дальнейшем сможет способствовать развитию инфляции, выпуск Банком России в обращение энного количества цифровых рублей так или иначе должно быть дополнено сокращением количества наличных денег (денежный агрегат M_0) либо заменой Банком России обязательств из корреспондентских счетов, открытых российским кредитным организациям, обязательствами, выраженными в цифровых рублях, с открытием им соответствующего счета и присвоением статуса потребителя платежной платформы. Однако, поскольку наличные рубли, как и средства кредитных организаций на корреспондентском счете в ЦБ РФ признаются согласно п. 2.3 инструкции ЦБ РФ от 29.11.2019 № 199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией» в качестве «активов максимальной ликвидности»¹⁷, кредитные организации еще на стадии обсуждения цифрового рубля как научного проекта (2020 г.) стали рассчитывать возможные убытки, вызванные оттоком ликвидности по причине замены части рублевой массы цифровыми рублями, которые невозможно использовать в сберегательных проектах. Так, по оценкам экспертов Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, в течение трех лет с момента внедрения цифрового рубля банковская система может потерять порядка 9 трлн рублей, а по мнению аналитиков ПАО «Сбербанк», величина «перетока» безналичной денежной массы в цифровую форму составит порядка 2–4 трлн рублей (в качестве примера мы можем привести проведение в Московском метрополитене эксперимента, в котором фокус-группа получила право на приобретение за счет наличных и безналичных ресурсов смарт-карт, номинированных в цифровых рублях и позволяющих пользоваться услугами перевозчика¹⁸, в результате которого банк-плательщик утратил право на соответствующую часть оборотных средств). Несмотря на разные количественные оценки, представители кредитных организаций не делают заявлений о пересмотре маркетинговой политики (сокращения комиссионных вознаграждений за эквайринг) в целях препятствования клиентам выбирать именно цифровой рубль.

Сотрудники Департамента исследований и прогнозирования Банка России В. Грищенко, А. Морозов, Е. Петренева и А. Синяков в подготовленной в январе 2021 г. коллективной аналитической записке «Что изменится для банков и их клиентов с введением цифрового рубля» отмечают, что в случае плавного «перетока» наличных и безналичных средств в цифровой рубль у банков не возникнет принципиального дефицита фондирования, а «распространение цифровой валюты, возможно, подтолкнет банки к большей опоре на собственные средства» (narrow banking). Однако, как следует из аннотации к записке, данные выводы «отражают личную позицию авторов и не совпадают с позицией Банка России»¹⁹. Напротив, представители банковского сектора считают, что ЦБ РФ во всех случаях должен будет осуществить некие контрмеры, защищающие банковский сектор, без которых произойдет ужесточение монетарных условий национальной экономики²⁰, включая повышение стоимости банковских услуг и одновременно сокращение совокупного количества банков с укрупнением банковского сектора, что в целом противоречит позиции авторов законопроекта о цифровом рубле, предполагающей снижение издержек в банковском обслуживании.

Кроме того, сомнение в снижении издержек в банковском обслуживании вызывает вопрос о «сеньораже», связанном с выпуском цифрового рубля. Поскольку «сеньораж» наличных денег, как самой дорогостоящей денежной единицы государства, представляет собой прибыль эмитента, выражаемую в виде разницы между доходом, полученным в результате выпуска в обращение номинального значения банковских билетов (монет), и затратами на их выпуск²¹, и частично передаваемую в бюджет государства, затраты Банка России на выпуск цифровых рублей могут быть более существенны: эксперты инвестиционного банка JP Morgan Chase определили, что в 2022 г. затраты на эмиссию 1 биткойна²² составили 13 тыс. долларов США, необходимых для оплаты издержек, связанных с энергопотреблением майнинга²³. Таким образом, энергозатраты на эмиссию цифровых рублей в объемах, сопоставимых с количеством биткойнов, существующих в информационном пространстве (из 21 млн единиц обнаружено 19 млн), могут привести к дополнительным издержкам Банка России, которые он будет вынужден компенсировать за счет банковского обслуживания кредитных организаций, что приведет к удорожанию сделок с потребителями.

«Ужесточение денежно-кредитной политики» рассматривается также в качестве риска невыполнения подготовленного в 2023 г. Минэкономразвития РФ в порядке ст. 173 БК РФ Прогноза социально-макроэкономического

¹⁷ Вестник Банка России. № 11–12 (2147–2148). 30 января 2020 г.

¹⁸ См. *Заруцкая Н.* Московское метро протестирует цифровой рубль. Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/08/09/989284-moskovskoe-metro-protestiruet-tsifrovoi-rubl> (дата обращения: 20.02.2024).

¹⁹ *Грищенко В., Морозов А., Петренева Е., Синяков А.* Что изменится для банков и их клиентов с введением цифрового рубля: аналитическая записка. М.: Изд. Банка России, 2021. 18 с. [Электронный ресурс]. Сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/118208/analytic_note_20210126_dip.pdf (дата обращения: 15.01.2023).

²⁰ *Литова Е., Шелудченко С.* После внедрения цифрового рубля из банков может утек 9 трлн рублей. Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2021/11/01/893920-iz-bankov-posle-vnedreniya-tsifrovogo-rublya-mozhet-utech-9-trln> (дата обращения: 20.02.2024).

²¹ См. *Смирнова О. В.* Сеньораж и формирование прибыли Центрального банка: теоретико-экономический аспект. Финансы и кредит, 2013. № 1 (529). С. 23. EDN: PLTYZF

²² Bitcoin (англ.).

²³ *Кузьмичева А.* JP Morgan: себестоимость добычи биткойна снизилась до \$13 тыс. [Электронный ресурс]. Информационное агентство «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/62cfea229a7947f4ad2889b8> (дата обращения: 14.07.2022).

развития на 2024 г. и плановый период 2025 и 2026 гг.²⁴, что также не может быть не учтено регулятором как эмитентом цифрового рубля, так как удорожание по причине замены цифровым рублем части наличной и безналичной денежных масс стоимости банковских операций будет противоречить позиции Правительства РФ по поводу текущего бюджетного строительства, предусматривающего ежегодный темп роста экономики «на уровне выше 2 %»²⁵. Кроме того, отсутствие реакции регулятора на риски, связанные с внедрением цифрового рубля в денежно-кредитную систему, поставит под сомнение получение федеральным бюджетом в порядке ст. 42 БК РФ в будущем неналоговых доходов в виде дивидендов от деятельности принадлежащих государству кредитных организаций, сумма которых только по итогам деятельности ПАО «Сбербанк» за 2023 г. составила примерно 375 млн рублей²⁶ и в дальнейшем может быть сокращена из-за снижения ликвидности. Однако пример с ПАО «Сбербанк», приобретенным государством у Банка России в 2020 г., может послужить поводом для принятия решений о введении процедур по добровольной передаче прав собственности на доли в кредитных организациях в пользу государства учредителями банков, которые в силу введения цифрового рубля фактически окажутся на грани неплатежеспособности. Данное решение применялось ранее согласно Федеральному закону от 27.10.2008 № 175-ФЗ «О дополнительных мерах по укреплению стабильности банковской системы в период до 31 декабря 2014 г.», принятому в качестве ответной меры на неспособность банков справиться с последствиями международного финансового кризиса 2008 г. В соответствии с этим законом передаваемый государству банк продолжал свое функционирование даже при условии отрицательного значения уставного капитала, подлежал восстановлению при участии Агентства по страхованию вкладов и в дальнейшем — продаже. Как представляется, подобные процедуры будут способствовать укреплению финансового суверенитета России в условиях валютных ограничений в порядке применения «санкций недружественных государств» в 2022 г.²⁷

Цифровой рубль как средство защиты финансового суверенитета России

Рассматривая в качестве возможного целеполагания законодательства о цифровом рубле защиту финансового суверенитета России от санкций «недружественных государств», следует обратить внимание на заявление, сделанное советником Президента РФ С. Глазьевым в 2017 г. на одном из заседаний Правительства РФ о том, что «этот инструмент (цифровой рубль. — А. И.) очень хорошо подходит нам для деятельности от имени государства. Мы можем совершать расчеты с нашими контрагентами по всему миру, не обращая внимания на санкции <...> криптовалюта будет тем же рублем, но ее обращение будет определенным образом ограничено»²⁸. В то же время, сравнивая цифровой рубль с цифровой валютой Венесуэлы, Центральный банк которой в 2018 г. внедрил в обращение El Petro — государственную цифровую валюту, эмиссия которой была основана на технологии блокчейн и обеспечена добычей нефти, стоит обратить внимание на тезис депутата парламента Венесуэлы Хорхе Мильяна (Jorge Millan) о том, что El Petro представляет собой «инструмент форвардной продажи нефти Венесуэлы, при помощи которого власти страны пытаются обойти международные санкции»²⁹, выражаемые в виде запрета США поставлять в эту страну высокие технологии и совершать сделки с государственными ценными бумагами.

Поскольку «санкции недружественных государств» в отношении российской экономики представляют собой не только ограничение международных валютных потоков, но и связанных с ними товарных потоков, обусловленных документооборотом, совершаемым по правилам, введенным в стране-экспортере, думается, что использование опыта Венесуэлы в виде выпуска в оборот цифрового рубля для некоего «обхода» санкций, выражаемого в качестве ограничения внешнеторговых сделок, едва ли продуктивно. Так, резидент «недружественной» страны, получив по договору от российского предприятия в оплату внешнеэкономической сделки некое количество цифровых рублей, сможет отразить их в балансе только с учетом требований национального валютного законодательства и требований бухгалтерского и налогового учета. Соответственно конвертация цифровых рублей в национальную валюту страны-экспортера потребует признания его в качестве товара на валютной бирже иностранного государства (что было продемонстрировано властями США, вводящими запрет на совершение резидентами США сделок

²⁴ Ткачев И., Гальчева А. Минэкономразвития спрогнозировало курс выше $\text{P}90$ и инфляцию выше цели ЦБ [Электронный ресурс]. Информационное агентство «РБК». URL: https://www.rbc.ru/economics/12/09/2023/650098629a794750b7c22c67?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=preview (дата обращения: 12.09.2023).

²⁵ Кузьмин В. Мишустин ожидает сохранения темпов роста экономики выше 2 % ежегодно в 2024–2026 гг. Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2023/09/22/mishustin-ozhidaet-sohraneniia-tempov-rosta-ekonomiki-vyshe-2-ezhogodno-v-2024-2026-gg.html> (дата обращения: 20.02.2024).

²⁶ Кошкина Ю., Ткачев И. Власти заложили в бюджет прогноз рекордных дивидендов от «Сбера» [Электронный ресурс]. Информационное агентство «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/finances/02/10/2023/651aaf9e9a7947b19057bed3> (дата обращения: 02.10.2023).

²⁷ Executive Order on Prohibiting Certain Imports, Exports, and New Investment with Respect to Continued Russian Federation Aggression. March 11, 2022 [Электронный ресурс]. Белый Дом США (The White House, Washington D.C. USA). URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/03/11/executive-order-on-prohibiting-certain-imports-exports-and-new-investment-with-respect-to-continued-russian-federation-aggression/> (дата обращения: 15.10.2023).

²⁸ Seddon M., Arnold M. Putin considers “cryptorouble” as Moscow seeks to evade sanctions. Financial Times, 2018.

²⁹ Лонг Г. Власти Венесуэлы пытаются спасти экономику с помощью криптовалюты. Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/01/18/748279-venesueli-spasti-ekonomiku-kriptovalyuti> (дата обращения: 20.02.2024).

с El Petro)³⁰, а необоснованный (нелегальный) обмен организацией-экспортером цифрового рубля на национальную валюту может повлечь за собой проблемы, связанные с сомнением государства в налоговой добросовестности организации (несоответствие рыночной стоимости проданных российскому импортеру товаров по фактической стоимости, полученной путем конвертации цифровых рублей в национальную валюту страны-экспортера).

Одновременно с этим Российская Федерация как государство, столкнувшееся с «санкциями недружественных государств», несопоставима с Венесуэлой по территориальным признакам, уровню ВВП и показателям внешнеторгового баланса, существующим стратегическим средствам обороны и успехам в строительстве БРИКС, включая создание Нового банка развития БРИКС и обсуждение проектов по созданию единой цифровой валюты этого международного сообщества, аналогичной Специальным правам заимствования МВФ, но выпущенной в цифровом формате и позволяющей совершать торговые сделки участникам БРИКС³¹.

Благодаря принятым в России указам Президента РФ от 31.03.2022 № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа» и от 08.08.2023 № 589 «О специальном порядке проведения расчетов по внешнеторговым контрактам на поставку российской сельскохозяйственной продукции» к марту 2023 г. доля рубля в международных расчетах России составила 42 %. В июне 2023 г., по словам губернатора Архангельской области А. В. Цыбульского, доля рубля в расчетах с США составила 28 %, со странами ЕС — 54 %, со странами Африканского континента — 44 %, а с КНР «торговля проводится с использованием рубля уже более чем в 80 % сделок»³². Несмотря на то что пользователем платформы цифрового рубля может быть иностранный банк, использование цифрового рубля, ограниченного в своих функциях, будет непопулярным в странах, импортирующих из Российской Федерации товары (работы, услуги).

В то же время использование цифрового рубля как средства, защищающего финансовый суверенитет России, может быть реализовано за счет предположительной оплаты экспортируемого в «недружественные страны» не только природного газа, но и иных необходимых ресурсов в порядке процитированного выше Указа Президента РФ от 31.03.2022 № 172, за счет конвертируемой только в цифровые рубли иностранной валюты через специальные рублевые счета типа «К», в дальнейшем ограничивающие финансовый эффект нерезидентов «недружественных стран» от пользования денежными средствами, не обладающими сберегательной функцией и не позволяющими использовать их для дальнейших инвестиций. Однако такая модель регуляции внешнеторговой деятельности больше соответствует тезису древнеримского теоретика военного дела Флавия Вегетия Рената (Flavius Vegetius Renatus), жившего в IV в. н. э. и опубликовавшего труд «О военном деле» (*De Re Military*), согласно которому «кто желает получить оптимальный результат, пусть ведет войну, опираясь на искусство и знание, а не на случай» (*qui... optat euentus, dimicet arte, non casu*)³³. Данная идея была развита Карлом фон Клаузевицем в XIX в., утверждавшим, что «война — есть продолжение политики **иным способом**» (выделено нами. — *А. И.*). Но такое развитие ситуации нам представляется нереальным из-за того, что в сентябре 2023 г. Верховный комиссар ООН по правам человека Фолькер Турк (Volker Türk) заявил о противоречии «санкций» международному праву и их негативном воздействии на население и права человека, призвав пересмотреть все односторонние санкции, объявленные в отношении суверенных государств³⁴, фактически подтвердив позицию, занятую Конституционным Судом РФ в Постановлении от 09.07.2021 № 34-П, указавшем на то, что «санкции недружественных государств» нарушают международное право, вследствие чего данные акты не только не могут влечь за собой неблагоприятных правовых последствий для участников финансовых правоотношений на территории России, но и напротив — факт применения «санкций» в отношении резидента России должен рассматриваться как действие, нарушающее его права и влечь за собой защиту со стороны Российского государства³⁵. Данные обстоятельства не позволяют нам рассматривать международный конфликт, участником которого стала Российская Федерация, как долгосрочный внешнеэкономический кризис, влекущий за собой описанные нами последствия, и, соответственно, рассматривать процитированное выше заявление С. Глазьева

³⁰ Кондратьева В. Нефтяное проклятие. США лишили Венесуэлу доходов от крупнейших месторождений нефти в мире. Как страна выживает под санкциями [Электронный ресурс]. Информационное агентство «Лента». URL: <https://lenta.ru/articles/2022/06/24/vepuzuela/> (дата обращения: 24.06.2022).

³¹ См. Иванова К. Единую валюту намерены выпустить страны БРИКС, куда направила заявку Беларусь [Электронный ресурс]. Комсомольская правда: [сайт]. URL: <https://www.belarus.kp.ru/online/news/5416041> (дата обращения: 21.08.2023).

³² США и Европа постепенно переходят на рубли: доля российской валюты в расчетах уже превысила 42 % [Электронный ресурс]. Яндекс ДЗЕН: [сайт]. URL: <https://zen.ru/a/ZPiJcL0KujqqwBYJ> (дата обращения: 06.09.2023).

³³ Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела. Кн. 3 / пер. С. П. Кондратьева. Вестник древней истории, 1940. № 1 [Электронный ресурс]. Военно-исторический портал античности и средних веков X-Legio. URL: <http://xlegio.ru/sources/vegetius/book-3.html> (дата обращения: 13.09.2023).

³⁴ См. Почти 100 процентов санкций в мире нарушают право, считают в ООН [Электронный ресурс]. ПРАЙМ: агентство экономической информации: [сайт]. URL: <https://1prime.ru/world/20230917/841765889.html> (дата обращения: 17.09.2023).

³⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2021 № 34-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 15.25 и п. 2 ч. 1 ст. 25.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях, п. 6 ч. 1 ст. 1, ч. 4 и 5 ст. 12 Федерального закона „О валютном регулировании и валютном контроле“, а также ч. 2 ст. 2 Федерального закона „О внесении изменений в Федеральный закон „О валютном регулировании и валютном контроле“ в связи с жалобой гражданина Н. В. Кузнецова» [Электронный ресурс]. Официальный портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107130016> (дата обращения: 10.09.2023).

в отношении цифровой российской валюты как средства, направленного исключительно на защиту финансового суверенитета России.

Правоотношения, предшествующие возможному открытию Банком России счетов в цифровых рублях владельцам из числа валютных резидентов России

Поскольку в теории денежная единица является одновременно и мерой стоимости, и средством оплаты товаров (работ и услуг), продавец вправе выбирать из традиционной формы денег и цифровой оптимально подходящую для удовлетворения его интересов. Исключение из этого правила составляют ограничения для коммерческих структур по использованию наличных денежных средств, указанные нами выше. Выявленное нами отсутствие у цифрового рубля сберегательной функции, а равно — возможность вступления лица (владельца счета цифрового рубля) в правоотношения из цифрового банковского счета только с Банком России, по нашему мнению, не будет способствовать желанию населения получать для оплаты отчуждаемых благ средства, номинированные в цифровой форме, по причине усложнения процедуры использования денег в качестве средства накопления за счет дополнительной транзакции по трансформации в наличную или безналичную форму. В связи с этим физическое лицо, заключая трудовой или гражданско-правовой договор, может не согласиться с предложением плательщика по договору оплачивать отчуждаемые блага в форме цифровых рублей.

Так, в международной практике недоверие общества к цифровой фиатной денежной единице было спровоцировано обозначенной выше низкой статусной функцией (слабостью валюты), недоверием к государственной политике в целом (как пример — Эквадор) либо незаинтересованностью лиц в применении данного средства платежа (как пример — КНР), в результате чего финансовые власти Китая осуществляли в отношении желающих использовать эту валюту дарения некоего количества цифровых юаней, фактически запретив оборот частных криптовалют³⁶. Данные реакции являются частным случаем идеи британского финансиста Роджера Бутла (Roger Bootle), по мысли которого, «люди как социальные существа не могут не реагировать на социальное давление»³⁷.

В связи с тем что традиционное китайское общество строится, в отличие от российского общества, именуемого М. К. Мамардашвили «инфантильной культурой»³⁸, на самостоятельных философских установках, история которых насчитывает не одно тысячелетие³⁹, заявление председателя комитета Государственной Думы РФ по финансовому рынку А. Г. Аксакова, сделанное в интервью Информационному агентству «ТАСС» о заимствовании опыта КНР в сфере выпуска цифрового юаня (так называемое взаимодействие по линии «цифровой рубль — цифровой юань») ⁴⁰, едва ли можно признать оправданным. Кроме того, дарение Банком России по аналогии с опытом КНР лицам, решившим использовать счет цифрового рубля, некоторого количества денежных средств может вызвать прямую аналогию с предложением российских букмекерских контор зачислять на счет нового игрока обусловленную денежную сумму — «фрибет» (*free bet*)⁴¹, а самостоятельная процедура «безусловного базового дохода» требует самостоятельного нормативного регулирования и предполагает, по мнению специалистов, отмену 80 % социальных пособий⁴².

Несмотря на описанные выше сделки продажи потребителям смарт-карт и подтверждающих право использования цифровых рублей, оптимальным способом по размещению среди пользователей денежной массы, номинированной в виде цифрового рубля (причем каждый может иметь только один счет цифрового рубля), может стать способ, основанный на общественном восприятии позиции государства в финансовом обеспечении социальных и экономических благ. Характерной чертой этого является неконфликтное восприятие обществом государственных финансовых инициатив, что было нами показано при изучении восприятия российским обществом правовых новелл пенсионного страхования⁴³.

Так, ст. 2 Закона № 340-ФЗ дополнила Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Банке России» ст. 82.12, согласно которой Центральный банк РФ приобрел полномочия по предоставлению доступа к платформе цифровых рублей органам государственной власти и местного самоуправления, а также иным лицам на основании договора,

³⁶ Паук Н. Цифровой юань быстро вытесняет в Китае криптовалюты. Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2022/04/05/cifrovoy-juan-bystro-vytesniaet-v-kitae-kriptovaluty.html> (дата обращения: 20.02.2024).

³⁷ См. Бутл Р. Искусственный интеллект и экономика: работа, богатство и благополучие в эпоху мыслящих машин. М.: Интеллектуальная литература, 2020. С. 159.

³⁸ Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 23.

³⁹ См. подробнее: Иванюженко А. Б. Влияние традиционной китайской философии на правоприменение в КНР и развитие российско-китайских отношений. Ученые записки юридического факультета СПбГЭУ, 2009. № 15 (25). С. 108–118. EDN: МУНХХ

⁴⁰ См.: Аксаков считает, что Россия может быстрее внедрить цифровой рубль с учетом опыта Китая [Электронный ресурс]. ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18517431> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴¹ Сидоров М. Фрибеты в букмекерской конторе: что это такое, как их получить и какие они бывают [Электронный ресурс]. Sports.ru. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/bettingacademy/3130369.html> (дата обращения: 15.09.2023).

⁴² Игнатова О. Возможно ли появление безусловного базового дохода в России [Электронный ресурс]. Российская газета: [сайт]. Специальный проект «Финансы». URL: <https://rg.ru/2023/06/08/pravo-na-utopiiu.html> (дата обращения: 07.06.2023).

⁴³ См. подробнее: Иванюженко А. Б. Антропоморфизм в русском фольклоре и произведениях А. С. Пушкина как фактор, формирующий позицию россиян в пенсионных правоотношениях. Журнал юридических исследований, 2020. Т. 5. № 3. С. 52–64.

вследствие чего пользователями платформы цифровых рублей могут быть признаны не только частные лица (физические лица и организации), но и государственные структуры и в том числе — Федеральное казначейство, как субъект, счета которого обслуживаются Банком России в порядке ст. 155 и 215.1 БК РФ. В силу этого обстоятельства выпускаемые в обращение цифровые рубли могут быть приоритетно зачислены Банком России на цифровые счета, открываемые Федеральному казначейству, в счет сокращения безналичных средств по количеству бюджетов бюджетной системы РФ, и в дальнейшем — использованы для оплаты государственных (муниципальных) расходов и в первую очередь — труда лиц, получающих финансирование за счет бюджетных ресурсов.

В результате традиционная система оплаты труда сотрудников «бюджетной сферы» путем перечисления средств на текущие счета физических лиц, открываемые ими в кредитных организациях и подкрепленные выпущенными банковскими платежными картами, будет заменена перечислением средств в форме цифрового рубля на счета, открываемые этим же лицам оператором цифрового рубля (Банком России). Применяемая при этом подмена кредитной организации, как получателя средств работников государственных (муниципальных) учреждений и социальных выплат из бюджетов государственных внебюджетных фондов, и далее — финансового посредника при использовании данных счетов Банком России, а также допущение при организации протокола транзакций цифровых рублей элементов «пиринговой» технологии, в основе которой лежит отсутствие финансового посредника, взимающего за организацию расчетов комиссионное вознаграждение, и специальная проверка волеизъявления плательщика, рассматриваются нами как новый шаг в организации деятельности лиц, финансируемых из бюджетов после внедрения в бюджетное финансирование физических лиц платежных инструментов (банковских карт), поддерживающих только Национальную систему платежных карт (НСПК) «Мир». Эта система была введена в действие с 2018 г. согласно требованиям Федерального закона от 01.05.2017 № 88-ФЗ «О внесении изменений в ст. 16.1 Закона РФ «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «О национальной платежной системе»» в качестве ответа на ограничения деятельности международных платежных систем Visa и MasterCard на территории Республики Крым и г. Севастополя. Данное предположение подтверждается позицией финансовых органов РФ: по словам первого заместителя председателя Банка России О. Н. Скоробогатовой, «Банком России совместно с Министерством финансов создана рабочая группа, которая разрабатывает предложения по применению цифрового рубля в бюджетном процессе»⁴⁴, что потребует определенных изменений в бюджетном законодательстве в части регуляции кассового обслуживания бюджетов бюджетной системы в части доходов и бюджетных обязательств.

В последующем, в случае обострения внешнеполитических угроз, провоцирующих кризис ликвидности банковской системы, бюджетное финансирование граждан, номинированное в цифровом рубле, включая выплаты социального характера, можно будет рассматривать не как средство защиты финансового суверенитета, а способами которого писалось выше, а как финансовую гарантию обеспечения Российской Федерации прав человека. Аналогично гарантиям, содержащимся в ст. 190 БК РФ, согласно которым, при отсутствии закона о бюджете, финансовому органу предоставляется право доводить до главных распорядителей бюджетных средств лимиты бюджетных ассигнований в размере 1/12 расходных обязательств за прошлый бюджетный год, поддерживая преемство оплаты труда сотрудников бюджетных организаций, а финансовая система получит коммуникативность нового качества.

Особенности цифрового рубля как средства платежа и обращения

Описанная нами выше финансовая модель использования цифрового рубля в качестве средства оплаты труда работников бюджетной сферы и финансирования социальных обязательств имеет некоторую правовую «неопределенность», так как даже принудительный перевод бюджетного финансирования физических лиц в цифровую форму вызывает вопросы об использовании в дальнейшем этих средств. Как нам представляется, цифровой рубль едва ли обладает разменной функцией. Ст. 27 Федерального закона № 86-ФЗ «О Центральном банке» устанавливает универсальное правило о том, что «один рубль состоит из ста копеек»⁴⁵, обеспечивая разменную функцию части рубля путем уменьшения целого рубля на энное количество сотых долей (копеек) как его части и функцию умножения денежных ресурсов, принадлежащих лицу, путем сложения его сотых долей в единое целое по правилам арифметики. Пользователи биткойна пришли к выводу о том, что 1 биткойн состоит из 1 млн разменных частей, именуемых сатоши (Satoshi), являющихся предметом майнинга или торговли и учитываемых аналогично биткойну в цифровых кошельках владельцев. Напротив, законодательство о цифровом рубле (ст. 6 Закона № 340-ФЗ) устанавливает, что перевод средств, выраженных в цифровых рублях, осуществляется только в «пределах остатка цифровых рублей на счете в соответствии с правилами платформы цифрового рубля», оставляя открытым вопрос о разменной функции в случае оплаты этой формой денег товаров (работ, услуг), стоимость которых определяется неполными рублями. Отсутствие разъяснений по этому поводу является серьезным тормозом в использовании цифровой российской валюты среди населения.

⁴⁴ Заруцкая Н. Когда и как начнет работать цифровой рубль в России. Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/08/10/989379-pilotu-tsvirovogo-rublya-dali-zelenii-svet> (дата обращения: 20.02.2024).

⁴⁵ СЗ РФ, 2002. № 28. Ст. 2790.

Несмотря на систематическую инфляцию, способствующую непопулярности в ценообразовании неполных рублей, а также фактический отказ от использования разменной монеты в налогообложении (согласно п. 6 ст. 52 НК РФ сумма налога исчисляется в полных рублях, а величины в копейках округляются) и предоставленное еще в 1999 г. организациям при ведении бухгалтерского учета право по округлению показателей учета до целых рублей, организации продолжают использовать в оценке объектов неполные рубли. Этому способствует то обстоятельство, что, согласно п. 25 Приказа Минфина РФ от 29.07.1998 № 34н «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации», организации, применяющие в бухгалтерском учете «правило округления», обязаны относить «возникающие суммовые разницы на финансовые результаты» (прибыль или убытки)⁴⁶, а это требует от организации корректировки итоговой финансовой и налоговой отчетности. В розничном товарообороте также встречаются примеры определения стоимости товара в неполных рублях. По наблюдениям автора, маркетинговая политика розничных торговых сетей «Пятерочка», «Магнит», «Дикси», сетей фармацевтической продукции очень часто основывается на дисконтировании либо применении технологии кешбэк, в результате чего цена товара в субъективном розничном правоотношении купли-продажи определяется в рублях и копейках, а платежи осуществляются потребителями путем вручения кассирам необходимого количества банкнот и монет либо путем уменьшения остатка на банковском счете покупателя на соответствующее количество полных рублей и копеек.

В дополнение к выявленной проблеме родовая природа «традиционных» (наличных и безналичных) денег позволяет говорить о том, что приумножение безналичных денежных средств на банковском счете за счет постепенного увеличения остатка на счете или же их накопление в наличной форме по правилам сложения банкнот и копеек некоего достоинства создает предпосылку для исполнения общего суммарного денежного обязательства, равного сумме накопленных ранее слагаемых (меньших по величине денежных средств) в виде единой транзакции, а не в виде нескольких транзакций, каждая из которых будет равна одному слагаемому. Данное свойство имеет длительную историю и связано с зародившейся на Ближнем Востоке теорией чисел, благодаря которой «богатство», определяемое в денежной форме, стало иметь количественное выражение, а деньги стали обладать функцией накопления⁴⁷.

В наше время исполнение денежного обязательства в наличной форме осуществляется путем вручения должником кредитору денежной суммы безотносительно от ее частей (количества банкнот и монет), а надлежащее исполнение денежного обязательства признается после их пересчета, проверки подлинности и сложения номинальных значений каждой банкноты и величин копеек. При исполнении обязательства в безналичной форме средства (денежные обязательства банка) приумножаются на банковском счете лица путем суммирования денежных обязательств банка перед владельцем счета. Перевод средств владельцем счета на счет кредитора осуществляется в виде списания со счета необходимой величины, безотносительно к истории формирования итоговой суммы ее слагаемыми частями.

Признание за каждым из цифровых рублей уникального кода, о наличии которого как признака данных денежных средств пишут процитированные нами выше Н. Г. Андрианова, Н. В. Разуваев и Е. М. Андреева, как представляется, закрепляет за аккумулированной на счете цифровой денежной массой как предметом обязательства признака сформированной из слагаемых частей необходимой суммы, однако транзакция по переводу необходимой суммарной величины на счет кредитора представляет собой сумму транзакций каждого цифрового рубля, составляющего эту сумму. В частности, по нашим представлениям, транзакция « n наличных/безналичных рублей, составляющих сумму, состоящую из $1/n$ сложенных наличных/безналичных рублей = одна транзакция» заменяется новой по содержанию транзакцией « n цифровых рублей, составляющих сумму, состоящую из $1/n$ сложенных цифровых рублей = n транзакций».

Описанное нами изменение содержания механизма транзакции, позволяющее контролировать движение каждого цифрового рубля как части суммарного денежного безналичного обязательства, дополненное запретом принятия цифровых рублей в депозит и на коллективное пользование средствами, размещенными на цифровом счете (так называемый совместный счет), и правилом, предусмотренным п. 3.6 Положения ЦБ РФ от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля», согласно которому Банк России сохраняет «информацию обо всех уменьшениях и увеличениях остатка цифровых рублей, учитываемых на счете цифрового рубля»⁴⁸, позволяет сделать вывод о том, что дополнительной целью проекта «Цифровой рубль» является новая форма организации контроля за финансовыми потоками в безналичной форме и в том числе — за бюджетными.

Цифровой рубль как инструмент финансового контроля

Контрольная функция цифрового рубля подтверждается директором Департамента национальной платежной системы Банка России А. С. Бакиной, которая 20 апреля 2023 г. в интервью изданию «Аргументы и факты»

⁴⁶ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, 1998. № 23.

⁴⁷ *Рассоха И. Н.* Финикийская философия и Библия. Харьков: ХНАМГ, 2009. С. 215.

⁴⁸ Сайт Банка России. URL: <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/2858> (дата обращения 20.08.2023).

повторила практически дословно официальную позицию Банка России: «...Граждане, как и сейчас, смогут самостоятельно выбирать, какую форму рубля использовать — наличную, безналичную или цифровую. Выбор полностью за человеком»⁴⁹. Также она заявила о том, что «механизмы, которые помогают контролировать целевое использование средств, будут применяться и в транзакциях посредством применения цифрового рубля»⁵⁰. Так как в России, как и в практике применения цифровых валют в других государствах, передача цифровых денег от одного владельца к другому будет происходить в виде перемещения (перезаписи) их цифровых кодов с одного счета на другой, на платформе Банка России «каждая транзакция с каждым цифровым рублем будет предметом контроля»⁵¹.

Так, обязательность в использовании цифрового рубля в бюджетных правоотношениях, по нашему мнению, станет новым шагом в реализации существовавшего еще в советскую эпоху института, именуемого «контроль рублем» и осуществляемого в условиях применения хозрасчета «путем учета всех элементов затрат на производство в денежной форме, сравнения полученных данных с соответствующими показателями плана и воздействия на предприятие финансовыми рычагами»⁵². В наше время в современной России «контроль рублем» представляет собой старое явление с новым содержанием, основанное на принципах адресности бюджетного финансирования, целевом характере бюджетных платежей и казначейском сопровождении бюджетных расходов. Этому же мнению придерживается Д. А. Коробейников, отмечающий, что система цифрового рубля, где каждая денежная единица имеет форму цифрового кода, сохраняющего свою уникальность при перемещении между электронными цифровыми кошельками в платежной системе Банка России, «позволяет проследить их движение в финансовой системе, что обеспечивает прозрачность транзакций»⁵³.

Отдельные аспекты данного явления встречаются при предотвращении коррупционных случаев путем оценки органами власти соответствия расходов государственных служащих и членов их семей полученным доходам. Так, к середине 2022 г. с российских государственных служащих, по словам генерального прокурора И. В. Краснова, было взыскано в бюджетную систему в качестве неосновательно полученных средств в размере 250 млрд рублей⁵⁴, а к концу 2023 г. проблема регуляции контроля в данной сфере выходит на новый уровень⁵⁵. В связи с этим учитывая, что каждый владелец цифрового счета будет обязан зарегистрироваться в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА)⁵⁶, превышение расходов, понесенных государственным служащим и выраженных суммарным значением денег в традиционной и цифровой формах над доходами, полученными в цифровой форме с учетом отслеживания транзакции каждого цифрового рубля, позволит оптимизировать процедуру признания средств необоснованно полученными и в дальнейшем изымать со счета чиновника на счет бюджета Социального фонда в порядке ст. 146 БК РФ.

Кроме того, внедрение цифрового рубля как средства контроля позволит пересмотреть методологию оценки стоимости расходов на социальные нужды. Так, начиная с 2022 г., согласно обозначенному Президентом РФ в Ежегодном послании Федеральному собранию в 2021 г., в России при финансировании социальных платежей внедряется принцип «социального казначейства», предполагающий не только цифровизацию оценки величин социальных прав человека, но и индивидуализацию оценки добросовестности получателя данных бюджетных ассигнований. При реализации данного принципа использование цифрового рубля как меры стоимости, оценивающей необходимое и достаточное социальное страховое пособие, выражаемое в индивидуализированных цифровых рублях (то есть денежной массе, не обладающей родовым признаком), позволит определять дальнейшее использование этих средств получателем, а государству — позволит подойти к решению теоретического вопроса о компенсационной функции страховой пенсии и прочих социальных страховых выплат, благодаря контролю не только за обоснованностью величин социальных пособий, выплачиваемых из бюджета Социального фонда в цифровой форме, но и их доле в совокупном доходе получателей пенсий и иных социальных пособий. Это предотвратит злоупотребление получателем названных средств страховыми интересами в обязательном социальном страховании,

⁴⁹ Цифровой рубль [Электронный ресурс]. Банк России: [сайт]. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 10.09.2023).

⁵⁰ **Болотов С.** Все ответы о цифровом рубле: интервью директора Департамента национальной платежной системы Банка России А. Бакиной изданию «Аргументы и факты» [Электронный ресурс]. Банк России: [сайт]. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=14713> (дата обращения: 20.04.2023).

⁵¹ **Ведерина Е.** Банкиры сомневаются в цифровом рубле. Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/12/07/849956-bankiri-somnevayutsya> (дата обращения: 20.02.2024).

⁵² **Иванюженко А. Б.** Государственный и муниципальный финансовый контроль: книга для подконтрольных и контролеров. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 330. EDN: QUDVAJ

⁵³ **Коробейников Д. А.** Информационная функция цифровых денег. Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление, 2023. № 1 (61). С. 12. DOI: 10.26456/2219-1453/2023.1.007-014

⁵⁴ См. **Ковалев П.** С госслужащих России в 2022 году взыскали более 250 млрд рублей неподтвержденных доходов [Электронный ресурс]. Информационное агентство «ТАСС». URL: <https://tass.ru/proisshestiya/18185617> (дата обращения: 04.07.2022).

⁵⁵ См. **Куликов В.** Госдума собирает отзывы на проект закона, который позволит выявлять тайные богатства чиновников [Электронный ресурс]. Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2023/10/02/specsluzhby-smogut-vyaviat-tajnye-bogatstva-chinovnikov.html> (дата обращения: 02.10.2022).

⁵⁶ См. **Заруцкая Н.** Для использования цифровых рублей граждане будут обязаны зарегистрироваться в ЕСИА. Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/07/13/985064-dlya-ispolzovaniya-tsifrovih-rublei-grazhdane-budut-obyazani-registrirovatsya> (дата обращения: 20.02.2024).

что было выявлено нами в проведенных исследованиях⁵⁷. Внедрение в правовую регуляцию социальных страховых выплат принципа «социального казначейства» в условиях введения в обращение цифрового рубля позволит законодателю приблизиться к повторному рассмотрению законопроекта «О государственных минимальных социальных стандартах», создание которого требует п. 4 Указа Президента РФ от 23.05.1996 № 769 «Об организации подготовки государственных минимальных социальных стандартов для определения финансовых нормативов формирования бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов», однако этот законопроект в 1997 г. не прошел законотворческую процедуру. Законопроект № 97023482-2, внесенный Правительством РФ, устанавливал минимальные социальные стандарты как социальные нормы и нормативы, определяющие минимальный уровень гарантий социальной защиты, обеспечивающих удовлетворение важнейших потребностей человека (в том числе в области оплаты труда, пенсионного обеспечения, образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания и жилищно-коммунального хозяйства, но был отклонен по итогам первого чтения)⁵⁸.

Таким образом, в перспективе активного внедрения в оборот цифрового рубля органы власти, участвующие в бюджетном процессе, смогут более детально рассчитывать затраты для оплаты государственных и социальных нужд и контролировать их надлежащее исполнение, так как к осени 2023 г., по словам премьер-министра РФ М. В. Мишустина, «существующие вызовы и дисбалансы в экономике, влияющие на государственные финансы, не пропали, что требует от участников бюджетного процесса при составлении проектировок определенного прагматизма»⁵⁹.

В результате комплексного рассмотрения различных аспектов законодательства о цифровом рубле мы можем сделать вывод, что цифровой рубль является особой формой официальной денежной единицы России, обладающей особыми экономическими качествами, а его внедрение позволит финансовой системе получить коммуникативность нового качества, будет способствовать изменению структуры банковской системы и, возможно, повлияет на регуляцию международных и внутригосударственных финансовых потоков. Поскольку, по мнению автора исследования, заявленные авторами законопроекта «О цифровом рубле» цели внедрения в финансовую систему этого инструмента не соответствуют реалиям сегодняшнего дня в части выполнения рублевой денежной массой своих функций средства платежа, накопления и обращения, реальная цель выпуска данной денежной единицы может заключаться в предполагаемой защите финансового суверенитета при осложнении международной экономической ситуации. До тех пор пока это не произошло, цифровой рубль может выполнять гарантию стабильного финансирования бюджетных обязательств публично-правовых образований. Поскольку законодательство о цифровом рубле не дает ответов на вопрос о его разменной функции, внедрению цифрового рубля в финансирование бюджетных обязательств должна предшествовать оценка практики внедрения в повседневную практику финансовых инструментов, основанного на методе предписаний. Особенности транзакций средств, выраженных в цифровом рубле, позволяющие не только внедрить новые средства контроля за полнотой, адресностью и целевым использованием бюджетных средств, а также коррупционными проявлениями, но и подойти к решению более глобальных вопросов, стоящих перед оптимизацией финансовой системы, таких как, например, количественное значение необходимых и достаточных социальных пособий, основанных на экономике страхования.

Цифровой рубль является очередным шагом к внедрению в обществе «цифровых прав», которые председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин определил как регламентированные законом права человека в обществе, основанном на информации⁶⁰. До тех пор пока «цифровое право» остается теоретико-правовой конструкцией, участникам финансового правоотношения в материальном мире, использующем цифровой рубль, придется признавать используемую за счет него новую систему финансового контроля, государству — постоянно задумываться о поиске баланса интересов частных лиц и публично-правовых образований, дабы строительство общества, основанного на информации, не начиналось с нарушения принципа «признания за лицом тождества прав в киберпространстве и реальном мире»⁶¹, а цифровой рубль как явление не отождествлялся бы при этом с новым «шагом к тотальному контролю государства над личностью»⁶².

Устранение государства и Банка России от ответа на эти вопросы может спровоцировать ситуацию с признанием цифрового рубля мертворожденным проектом из-за отказа общества, лояльно воспринимающего финансовые

⁵⁷ См. подробнее: *Иванюженко А. Б.* Принципы «социального казначейства» и добросовестности застрахованного как предпосылки устранения риска неосновательного обогащения в обязательном пенсионном страховании. Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС, 2023. Т. 14. № 3 (60). С. 59.

⁵⁸ О государственных минимальных социальных стандартах: законопроект № 97023482-2 [Электронный ресурс]. Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97023482-2> (дата обращения 30.09.2023).

⁵⁹ *Кузьмин В.* Мишустин призвал к прагматичному подходу при составлении экономических прогнозов. Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2023/09/08/mishustin-prizval-k-pragmaticnomu-podhodu-pri-sostavlenii-ekonomicheskikh-prognozov.html> (дата обращения: 21.02.2024).

⁶⁰ *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире: размышление на полях Петербургского международного юридического форума. Гражданский экзамен. Интеллектуальная платформа: [сайт]. URL: <https://xn--80aaajidkikj2ahi8aw3t.xn--p1ai/2018/05/30/valerij-zorkin-pravo-v-cifrovom-mire/> (дата обращения: 20.02.2024).

⁶¹ См. подробнее: *Иванюженко А. Б.* О возможных принципах государственной регуляции цифровых прав в Российской Федерации. Журнал юридических исследований, 2021. Т. 6. № 4. С. 20. EDN: TLZOFU

⁶² Правовое регулирование цифровых денег: монография / Е. Н. Абрамова, Е. М. Андреева, А. Ю. Брагинец и др.; под ред. Е. Н. Абрамовой. М.: Юстицинформ, 2022. С. 68. EDN: IBJEAJ

новации, предлагаемые публичной властью, использовать его в качестве средства платежа, а вопрос о внедрении в оборот этой формы денег станет перед Конституционным Судом РФ по причине признания получения, передачи и распространения информации (к которой относится цифровой рубль) — «правом человека и гражданина», защита которого «всеми способами, не запрещенными законом», включая отказ использования данной формы денег, закреплена в Основном законе России.

Литература

1. *Андрианова Н. Г.* Цифровой рубль: особенности финансово-правового регулирования. Юридические исследования, 2023. № 8. С. 31–38. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.8.43816
2. *Андреева Е. М.* Модель и правовая природа цифрового рубля. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции юридического факультета СПбГЭУ. Санкт-Петербург, 7 апреля 2022 г. СПб.: СПбГЭУ, 2022. С. 137–140.
3. *Бутл Р.* Искусственный интеллект и экономика: работа, богатство и благополучие в эпоху мыслящих машин. М.: Интеллектуальная литература, 2020. 426 с.
4. *Иванюженко А. Б.* Принципы «социального казначейства» и добросовестности застрахованного как предпосылки устранения риска неосновательного обогащения в обязательном пенсионном страховании. Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС, 2023. Т. 14. № 3 (60). С. 57–68.
5. *Иванюженко А. Б.* Государственный и муниципальный финансовый контроль: книга для подконтрольных и контролеров. СПб.: Нестор-История, 2010. 397 с. EDN: QUDVAJ
6. *Иванюженко А. Б.* О возможных принципах государственной регуляции цифровых прав в Российской Федерации. Журнал юридических исследований, 2021. Т. 6. № 4. С. 16–26. EDN: TLZOFU
7. *Иванюженко А. Б.* Антропоморфизм в русском фольклоре и произведениях А. С. Пушкина как фактор, формирующий позицию россиян в пенсионных правоотношениях. Журнал юридических исследований, 2020. Т. 5. № 3. С. 52–64.
8. *Иванюженко А. Б.* Влияние традиционной китайской философии на правоприменение в КНР и развитие российско-китайских отношений. Ученые записки юридического факультета СПбГЭУ, 2009. № 15 (25). С. 108–118. EDN: МУНХХ
9. *Коробейников Д. А.* Информационная функция цифровых денег. Вестник Тверского государственного университета, 2023. Серия: Экономика и управление. № 1 (61). С. 7–14. DOI: 10.26456/2219-1453/2023.1.007-014
10. *Литвин В. В.* Исследование свойств и функций национальной сберегательной системы на основе концепции эмерджентности. Известия УрГЭУ. Екатеринбург, 2018. Т. 19. № 1. С. 26–37. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-1-3
11. *Лиференко Ю. В.* Исследование «формулы Фишера» и возможность ее применения в виртуальной экономике. Финансы и кредит, 2015. № 3. С. 2–14. EDN: UEACIP
12. *Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 416 с.
13. Правовое регулирование цифровых денег: монография / Е. Н. Абрамова, Е. М. Андреева, А. Ю. Брагинец и др.; под ред. Е. Н. Абрамовой. М.: Юстицинформ, 2022. 236 с. EDN: IBJEAJ
14. *Разуваев Н. В.* Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2021. № 1 (7). С. 18–38. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-1-18-38
15. *Рассоха И.* Финикийская философия и Библия. Харьков: ХНАМГ, 2009. 410 с.
16. *Салимоненко Д. А.* Классификация функций денег. Российский гуманитарный журнал, 2013. Т. 2. № 5. С. 435–447.
17. *Смирнова О. В.* Сеньораж и формирование прибыли Центрального банка: теоретико-экономический аспект. Финансы и кредит, 2013. № 1 (529). С. 22–28. EDN: PLTYZF
18. *Турбанов А. В.* Цифровой рубль как объект правоотношений. Актуальные проблемы российского права, 2023. Т. 18. № 9 (154). С. 79–94. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.079-094

References

1. Andrianova, N. G. Digital ruble: peculiarities of financial and legal regulation [Cifrovoy rubl': osobennosti finansovopravovogo regulirovaniya. YUridicheskie issledovaniya]. Legal research, 2023. No. 8. Pp. 31–38. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.8.43816
2. Andreeva, E. M. Model and legal nature of the digital ruble [Model' i pravovaya priroda cifrovogo rublya]. Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference of the Law Faculty of St. Petersburg State University. Saint Petersburg, 2022. Pp. 137–140.
3. Bootle, R. The AI Economy: Work, Wealth and Welfare in the Age of the Robot [Iskusstvennyj intellekt i ekonomika: rabota, bogatstvo i blagopoluchie v epohu myslyashchih mashin]. Intellectual literature [Intellektual'naya literatura], 2020. 426 p.

4. Ivanyuzhenko, A. B. The principles of “Social treasury” and the integrity of the insured as prerequisites for eliminating the risk of unjustified enrichment in mandatory pension insurance [Principy “social’nogo kaznachejstva” i dobrosovestnosti zastrahovannogo kak predposylki ustraneniya riska neosnovatel’nogo obogashcheniya v obyazatel’nom pensionnom strahovanii]. Nauchnye trudi of The North-West Institute of management — the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANHiGS], 2023. Vol. 14. No. 3 (60). Pp. 57–68.
5. Ivanyuzhenko, A. B. State and Municipal Financial Control: Book for Controlled and Controllers [Gosudarstvennyj i municipal’nyj finansovyj kontrol’: kniga dlya podkontrol’nyh i kontrolerov]. Saint Petersburg: Nestor-History [Nestor-Istoriya], 2010. 397 p.
6. Ivanyuzhenko, A. B. The possible principles of state regulation of digital rights in the Russia [O vozmozhnyh principah gosudarstvennoj regulyacii cifrovyyh prav v Rossijskoj Federacii]. Journal of Legal Research [Zhurnal yuridicheskikh issledovanij], 2021. Vol. 6. No. 4. Pp. 16–26.
7. Ivanyuzhenko, A. B. Anthropomorphism in Russian folklore and the works of A. S. Pushkin, as a factor shaping the position of Russians in pension legal relations [Antropomorfizm v russkom fol’klore i proizvedeniyah A. S. Pushkina kak faktor, formiruyushchij pozitsiyu rossiyan v pensionnyh pravootnosheniyah]. Journal of Legal Research [Zhurnal yuridicheskikh issledovanij], 2020. Vol. 5. No. 3. Pp. 52–64.
8. Ivanyuzhenko, A. B. Influence of the traditional Chinese philosophy on law enforcement in PRC and the evolution of Russian-Chinese relations [Vliyanie tradicionnoj kitajskoj filosofii na pravoprimerenie v KNR i razvitie rossijsko-kitajskih odnoshenij]. Scientific Notes of the Faculty of Law of the State University of Economics [Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul’teta SPb GEU]. Saint Petersburg. 2009. No. 15 (25). Pp. 108–118.
9. Korobeynikov, D. A. Information function of digital money [Informacionnaya funkciya cifrovyyh deneg]. Bulletin of Tver State University [Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta]. Economics and Governance, 2023. No. 1 (61). Pp. 7–14. DOI: 10.26456/2219-1453/2023.1.007–014
10. Litvin, V. V. The study of the properties and functions of the national savings system based on the concept of emergence. Journal of New Economy [Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. Yekaterinburg, 2018. Vol. 19. No. 1. Pp. 26–37.
11. Liferenko, U. V. Research into Fisher’s formula and the possibility of its application in the virtual economy [Issledovanie “formuly Fishera” i vozmozhnost’ ee primeneniya v virtual’noj ekonomike]. Finance and Credit [Finansy i kredit], 2015. No. 3. Pp. 2–14.
12. Mamardashvili, M. K. Aesthetics of thinking [Estetika myshleniya]. Moscow: Moscow School of Political Studies, 2000. 416 p.
13. Legal regulation of digital money / E. N. Abramova, E. M. Andreeva, A. Yu. Braginets et al. ; ed. by E. N. Abramova. Moscow: Yustitsinform (Publishing House) [Yusticinform], 2022. 236 p.
14. Razuvaev, N. V. Digital Transformation of Subjective Civil Rights: Problems and Prospects [Cifrovaya transformaciya sub”ektivnyh grazhdanskih prav: problemy i perspektivy]. Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya], 2021. No. 1 (7). Pp. 18–38. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-1-18-38
15. Rassokha, I. Phoenician philosophy and the Bible [Finikijskaya filosofiya i Bibliya]. Kharkov: KHNAMG, 2009. 410 p.
16. Salimonenko, D. A. Classification of Money Functions [Klassifikaciya funkciy deneg]. Liberal Arts in Russia [Rossijskij gumanitarnyj zhurnal], 2013. Vol. 2. No. 5. Pp. 435–447.
17. Smirnova, O. V. Seigniorage and profit formation of the Central Bank: theoretical and economic aspect [Sen’orazh i formirovanie pribyli Central’nogo banka: teoretiko-ekonomicheskij aspect]. Finance and Credit [Finansy i kredit], 2013. No. 1 (529). Pp. 22–28.
18. Turbanov, A. V. The Digital Ruble as an Object of Legal Relations. Actual Problems of Russian Law [Aktual’nye problemy rossijskogo prava], 2023. Vol. 18. No. 9 (154). Pp. 79–94. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.079-094

Правовое регулирование наследования невзаимозаменяемых токенов

Лескина Элеонора Игоревна, Саратовская государственная юридическая академия (Саратов, Российская Федерация)
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, кандидат юридических наук;
e-mail: elli-m@mail.ru.

Аннотация

Развитие цифровых технологий пронизывает практически все сферы общественных отношений. При этом отдельные области остаются более консервативными, отстает и нормативно-правовое регулирование от темпов всеобщей цифровизации. Особенно наглядно это прослеживается в области наследования цифровых активов. Предметом настоящей статьи является исследование возможностей и рисков, связанных с наследованием NFT. Цель статьи состоит в определении алгоритмов наследования NFT в условиях недостаточного нормативно-правового регулирования этой процедуры в Российской Федерации. В работе использованы методы как эмпирического (анализ и синтез, индукция и дедукция, систематизация), так и теоретического (методы построения и исследования объекта исследования и методы построения и оправдания теоретического знания) уровня. В ходе исследования сделаны следующие выводы: при наследовании токена передается уникальная запись, и при этом прежний владелец NFT утрачивает токен после его передачи. Это роднит NFT с материальными объектами и вызывает необходимость отдельного правового регулирования прав, связанных с NFT. По наследству передается NFT, а не цифровой объект, например, искусства. Основная проблема, связанная с наследованием NFT заключается в том, что эти объекты нематериальны. Их нельзя хранить физически, например в банковской ячейке, нельзя передать. Поэтому наследники могут даже не знать о существовании токена. Для наследования NFT требуется, чтобы в завещании были указаны NFT и содержалось разъяснение, где они хранятся. Также должен быть доступен пароль наследодателя. Трудности могут возникнуть в связи с обязательной долей в наследстве — из-за проблем с доступом и оценкой, так как стоимость NFT динамически меняется. Также оценка NFT будет влиять на размер государственной пошлины за выдачу свидетельства о праве на наследство. Практической реализации наследования NFT способствует развитие соответствующих цифровых технологий, оптимизирующих процедурные моменты.

Ключевые слова: наследование, цифровые активы, NFT, невзаимозаменяемый токен, блокчейн, цифровые технологии, цифровизация.

Для цитирования: Лескина Э. И. Правовое регулирование наследования невзаимозаменяемых токенов. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 37–43. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-37-43. EDN: DINLQQ

Legal Regulation of Inheritance of Non-Fungible Tokens

Eleonora I. Leskina, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russian Federation)
Associate Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, PhD in Jurisprudence;
e-mail: elli-m@mail.ru.

Abstract

The development of digital technologies permeates almost all areas of public relations. At the same time, certain areas remain more conservative, and legal regulation also lags behind the pace of general digitalization. This situation is especially clearly visible in the field of inheritance of digital assets. The subject of this article is to explore the opportunities and risks associated with inheriting NFTs. The purpose of the article is to determine algorithms for inheriting NFTs in the context of insufficient legal regulation of this procedure in the Russian Federation. The work uses methods of both empirical (analysis and synthesis, induction and deduction, systematization) and theoretical (methods of constructing and studying the object of study and methods of constructing and justifying theoretical

knowledge) levels. When transferring a token, a unique record is transferred, and the previous owner of the NFT loses the token after it is transferred. This makes NFTs similar to material objects and necessitates separate legal regulation of the rights associated with NFTs. An NFT is inherited, not a digital object such as art. The main problem with inheriting NFTs is that these objects are intangible. They cannot be physically materialized, stored, for example, in a safe deposit box, or transferred physically. Therefore, if the owners do not have specific heirs, it will even be difficult to include NFT in the inheritance or find out about the token. Inheriting an NFT requires that the will name the NFT and include an explanation of where the NFT is held. The testator's password must also be available. There may be problems associated with the compulsory share in the inheritance, related both to access and to the assessment and dynamically changing value of the NFT. Also, the valuation of the NFT will influence the amount of the state fee for issuing a certificate of inheritance. The practical implementation of NFT inheritance is facilitated by the development of appropriate digital technologies that optimize procedural aspects.

Keywords: inheritance, digital assets, NFT, non-fungible token, blockchain, digital technologies, digitalization.

For citation: Leskina E. I. Legal Regulation of Inheritance of Non-Fungible Tokens. Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya], 2024. No. 1. Pp. 37–43. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-37-43. EDN: DINLQJ

Повсеместное распространение цифровых технологий приводит к формированию новой формы цифрового пространства, где меняются субъектно-объектные отношения, методология исследований, понимание привычных терминов и концепций. Все это отражается на таких сферах, как образование, трудовые отношения, медицина, коммерция. Не остается в стороне и область наследования. Здесь применение цифровых технологий может влиять как на процедурные аспекты наследования, так и на состав наследства. Развитие цифрового пространства, возможностей по обороту различных объектов рождает вопросы теоретического и практического характера. Возрастает спрос на передачу активов различного характера по наследству, при этом запрос делается на сохранение сведений о таком распоряжении в тайне, а также об обеспечении защиты как от человеческого фактора, так и в плане информационной безопасности, кибербезопасности. Однако не все объекты, которыми обладает потенциальный наследодатель, могут быть беспрепятственно унаследованы. В частности, вызывает интерес обращение к особенностям наследования NFT¹.

Понятие NFT и развитие гражданского оборота NFT

NFT — это невзаимозаменяемые токены, цифровые активы, представляющие предметы реального мира, например, произведения искусства, музыки, предметы коллекционирования. NFT не является объектом цифрового искусства сам по себе. Он лишь цифровая запись в блокчейне, которая представляет собой цифровой сертификат подлинности. NFT подтверждает право на цифровой объект.

NFT обладает следующими признаками:

1. **Уникальность.** Она относится к объектам, права на которые удостоверяет токен.
2. **Неделимость.** NFT не может быть разделен на части либо соединен из нескольких частей.
3. **Удостоверение записью в распределенном реестре².**

Технологии NFT были созданы в 2017 г. на основе смарт-контрактов, существенно развивая их юридическую конструкцию³, позволяя развивать новые варианты использования блокчейна⁴. Покупка и хранение этих объектов происходят с помощью технологии блокчейна. В связи с развитием метавселенной создается, используется и предлагается к покупке всё больше NFT. Возникают споры, связанные с различными аспектами использования и охраной NFT. Так, компания, владеющая брендом «Биркин», подала в суд на художника, создавшего в NFT сумку, похожую на «Биркин», который продавал в метавселенной каждую сумку по цене, эквивалентной 1000 евро. Художник ссылался на то, что NFT — это художественное изображение воображаемых сумок «Биркин», а не реальных, тем не менее суд встал на сторону бренда. Под приобретаемыми NFT в метавселенной присутствует и связь с реальными товарами. Так, «Макдональдс» предлагает к заказу реальные продукты через рестораны в метавселенной. Еще одно разбирательство с участием Nike и StockX осложняется тем, что StockX, продавая NFT, привязывал их к реальной обуви Nike, но при этом убеждал пользователей оставить NFT, не обменивая их на реальный товар.

¹ Non-fungible token — невзаимозаменяемый токен.

² *Кашеварова Н. А., Старикова И. С.* Невзаимозаменяемый токен: перспективный цифровой инструмент для бизнеса. Вестник университета, 2022. № 3. С. 46.

³ *Арсланов К. М.* Смарт-контракт: вид классического договора, компьютерная программа (код) или электронная форма договора? Гражданское право, 2021. № 6. С. 18–23.

⁴ *Regner F., Schweizer A., Urbach N.* NFTs in Practice — Non-Fungible Tokens as Core Component of a Blockchain-based Event Ticketing Application. 40th International Conference on Information Systems (ICIS 2019). At: Munich, 2019. Pp. 1–17.

В любом случае такие активы становятся достаточно просто приобретать, они имеют ценность. Подобно произведениям искусства или объектам коллекционирования, цены на NFT могут зависеть от множества зачастую субъективных факторов. Незаменяемость NFT означает их уникальность и придает им высокую цену. Речь идет о сотнях, тысячах и даже миллионах долларов. Например, самая дорогая на сегодняшний день цифровая картина — *The Merge* художника Пака. Ее продали за 91,8 млн долл.

Подобно криптовалюте, цены на NFT нестабильны, но все же считается, что стоимость этих цифровых активов будет только расти. Учитывая прогнозы по экспоненциальному росту количества сделок с цифровыми активами⁵, бесконечные возможности и прямое влияние на децентрализованный валютный рынок⁶, создание необходимых нормативно-правовых условий для таких сделок видится необходимым.

Таким образом, сегодня любое лицо может купить или продать NFT посредством смарт-контрактов. Отношения автора и торговой площадки будут регулироваться путем предоставления неисключительной лицензии; торговая площадка получит право на публикацию цифрового произведения, при этом права создателя NFT как собственника не ограничиваются⁷. В большинстве случаев автор сохраняет за собой интеллектуальные права на цифровой объект, предоставляя именно лицензию на использование созданного цифрового объекта⁸. NFT реализуется посредством внесения в распределительный реестр сведений о передаче прав приобретателю⁹.

Проблемы наследования NFT

Мы не случайно рассматривали правовую природу NFT, это имеет прямое отношение к возможности его наследования. Вместе с тем следует указать, что по наследству передается именно NFT, а не цифровой объект, например, искусства. Цифровой объект не является вещью, материальным предметом, а значит, на него не распространяется право собственности. Не относится он и к нематериальным объектам, на которых распространяется право интеллектуальной собственности¹⁰. Таким образом, объектом наследования является не сам цифровой объект (например, предмет искусства, другие объекты цифрового пространства), а именно токен, в который предварительно такие объекты конвертировались¹¹. В иностранной литературе NFT рассматриваются в качестве доказательства права собственности на цифровой актив¹². Токен идентифицирует владельца, выполняет функцию определения уполномоченного лица¹³, NFT удостоверяет природу объекта, опосредует совершение сделок и т. д.¹⁴ Интересно, что при передаче токена передается уникальная запись, и при этом прежний владелец NFT утрачивает токен после его передачи. Конечно, это роднит NFT с материальными объектами.

Основная проблема, связанная с наследованием NFT, заключается в том, что эти объекты нематериальны. Их невозможно хранить физически, например в банковской ячейке, или передать. Поэтому владельцы должны иметь конкретных наследников, иначе NFT сложно будет включить в наследство, наследники могут даже не знать о нем.

Итак, первая проблема заключается в том, что, в отличие от недвижимости, наличие NFT не является очевидным, а значит, проблемы могут возникнуть уже на стадии включения имущества в наследство. Это будет невозможно, если наследники или иные лица не знали о наличии NFT.

Далее блокчейн-платформы, на которых хранятся NFT, требуют пароль для доступа. То есть для наследования NFT требуется, чтобы в завещании были указаны NFT и содержалось разъяснение, где они хранятся. Также должен быть доступен пароль наследодателя.

Получается, что при отсутствии завещания или указания в завещании на NFT наследовать NFT становится невозможно. Для объяснения этой ситуации можно использовать следующую аналогию. Представим, что картина

⁵ *Городнова Н. В.* Цифровая экономика: развитие NFT-рынка и смарт-контрактов. Вопросы инновационной экономики, 2022. Т. 12. № 2. С. 949–965.

⁶ *Limbu P., Gupta R.* Critique of Non-fungible Token (NFT): Innovation, Analysis and Security Issues. International Conference on Innovative Computing and Communications, 2022. Vol. 1. Pp. 807–822.

⁷ Terms of Service. OpenSea: official website. URL: <https://opensea.io/tos> (accessed data: 13.02.2024).

⁸ *Рожкова М. А.* NFT и иные токены: право на запись и право из записи. Журнал Суда по интеллектуальным правам, 2022. Вып. 4 (38). С. 29–39.

⁹ *Карцкия А. А.* Цифровое право как будущее классической цивилистики. Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. № 1. С. 37.

¹⁰ *Рожкова М. А.* Об имущественных правах на нематериальные объекты в системе абсолютных прав (часть вторая — общее о правах на новые объекты, деловая репутация и некоторые «нематериальные блага») [Электронный ресурс]. Закон.ру, 2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/12/23/ob_imuschestvennyh_pravah_na_nematerialnye_bлага [Электронный ресурс]. Закон.ру, 2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/12/23/ob_imuschestvennyh_pravah_na_nematerialnye_bлага (дата обращения: 14.02.2024); *Рожкова М. А.* Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав. Право цифровой экономики — 2020 (16): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2020. С. 5–78.

¹¹ *Брисов Ю. В., Победкин А. А.* Правовой режим NFT (non-fungible token) в России: как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? Цифровое право, 2022. № 3 (1). С. 44–66.

¹² *Lohar P., Rathi K.* Evaluation of Non-Fungible Token (NFT). International Conference on Recent Advancements in Science, Engineering & Technology, and Management. At: Jaipur, India, 2021.

¹³ *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права. Актуальные проблемы российского права, 2019. № 5. С. 114.

¹⁴ *Ситник А. А.* NFT как объект правового регулирования. Актуальные проблемы российского права, 2022. Т. 17. № 12. С. 84–93.

«Черный квадрат» Казимира Малевича, оцениваемая в десятки миллионов долларов, хранится не в Третьяковской галерее, а в частной коллекции в сейфе, оснащенный особой кодовой комбинацией и самыми надежными средствами защиты, неизвестными никому, кроме владельца. После смерти владельца картины, если он не оставил коды доступа к сейфу, даже при наличии информации о том, что картина в нем находится, будут большие сложности с тем, чтобы физически получить эту картину. Но в физическом мире сейф можно просверлить и картину достать. Ситуация с блокчейном — другая.

Приведем другой пример. Картина Криптопанк #7804, изображающая инопланетянина в шляпе, солнцезащитных очках и курящего трубку, была продана за 7,57 млн долл. Допустим, покупатель этой картины хранит ее в цифровом кошельке, защищенном паролем, который известен лишь владельцу. Владелец составил завещание, где указал наследника для NFT, но при этом не сообщил пароль от цифрового кошелька. Здесь уже не получится просверлить или распилить сейф, чтобы получить произведение искусства. Цифровая картина, находящаяся в блокчейне, не может быть извлечена без пароля. Без пароля восстановление является невозможным ни с юридической, ни с технической точки зрения.

Несмотря на популярность связи NFT с предметами цифрового искусства, говорить о том, что владельцу NFT принадлежат интеллектуальные права, неправильно. NFT не является объектом интеллектуальной собственности, а удостоверяет права на различные объекты. Однако иногда возможно посредством NFT передать право на интеллектуальную собственность, в частности, когда к нему привязан объект, изначально созданный в цифровой форме¹⁵. В этом случае исключительные права могут переходить по наследству. Вместе с тем, вследствие неурегулированности вопросов по регистрации результатов интеллектуальной собственности в блокчейне¹⁶, возможны дополнительные споры, связанные с наследованием таких прав. При этом такие права нельзя рассматривать в качестве интеллектуальных в отношении объектов цифрового искусства. NFT может относиться к «иным вещам»¹⁷, удостоверяет иные имущественные права на предметы, определяя их местонахождение в цифровом или интернет-пространстве, авторство, передачу и принадлежность прав.

Поэтому NFT на десятки и сотни миллионов долларов являются потенциально ненаследуемыми, если их собственники четко не пропишут все нюансы в завещании. При отсутствии пароля доступ к NFT будет утерян безвозвратно. Считаем, что наиболее предпочтительным будет оформление закрытого завещания по правилам ст. 1126 ГК РФ.

По аналогии здесь можно привести пример Джеральда Коттена, который скончался в декабре 2018 г. в возрасте 30 лет, что привело к потере 250 млн долл. и банкротству биржи биткоинов, поскольку у наследодателя не было ни плана наследования, ни каких-либо инструкций, как получить доступ к активам в криптовалюте. Похожий случай произошел в апреле 2018 г. с наследством Мэтью Меллона, который держал примерно 1 млрд долл. в Ripple (XRP), все это также осталось недоступно для наследников¹⁸.

Далее обратимся к п. 1 ст. 1149 ГК РФ, которая регулирует право на обязательную долю в наследстве. Благодаря указанной норме получают защиту лица, которые нуждаются в таковой по состоянию возраста или здоровья. Здесь опять возникают упомянутые проблемы, связанные с процедурными вопросами (например, отсутствие доступа к NFT). Поскольку обязательные наследники должны получить строго определенную долю, то может возникнуть ситуация, когда на стоимость NFT приходится 90 % имущества наследодателя, а оставшиеся 10 % составляют недвижимость и деньги. И несмотря на фактическую неравнозначность этих частей, получится ситуация, когда, например, лицу, получившему в наследство недвижимость и денежные средства, наследник, которому переходит по наследству NFT, должен будет выплачивать компенсацию по правилам ст. 1177 ГК РФ.

Интересно рассмотреть позицию правоприменителя по вопросам о возможности наследования NFT. Судебная практика в Российской Федерации относительно наследования NFT отсутствует. Это объясняется процедурной сложностью наследования таких активов в отсутствие информации о входных данных, а также проблемами в позиции законодателя в области наследования NFT. Судебная практика зарубежных стран рассматривает споры, связанные с NFT, определяет сущность невзаимозаменяемых токенов. В отсутствие прямых судебных разбирательств по наследованию NFT отдельные дела косвенно подтверждают позицию юридического сообщества в различных юрисдикциях о возможном наследовании NFT. Так, позиция Высокого суда Великобритании такова, что права на NFT обладают признаками права собственности. А значит, суды могут защищать правообладателей способами для защиты права собственности¹⁹. Например, суды выдают судебные запреты для лиц, которые предположительно владеют или пользуются NFT²⁰. Кроме того, суд обязал платформу раскрыть информацию о лицах, фактически владеющих NFT,

¹⁵ *Вавилин Е. В.* NFT-токены: гражданско-правовой и процессуальный режим. Вестник гражданского процесса, 2023. № 1. С. 62–78.

¹⁶ *Харитонов Ю. С.* Токенизация искусства и право интеллектуальной собственности. Юрист, 2021. № 9. С. 65–73.

¹⁷ *Емельянов Д. С., Емельянов И. С.* Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования. Имущественные отношения в РФ, 2021. № 10 (241). С. 73.

¹⁸ Cryptocurrency Billionaire, 53, Dies in Drug Rehab in Mexico After Battle With Addiction. FORTUNE. URL: <https://fortune.com/2018/04/17/matthew-mellon-crypto-billionaire/> (дата обращения: 25.06.2023).

¹⁹ *Lavinia Deborah Osbourne v Persons Unknown Category A & Ors.* [2023] EWHC 39 (KB). URL: <https://caselaw.nationalarchives.gov.uk/ewhc/kb/2023/39> (дата обращения: 14.02.2024).

²⁰ Там же.

а такая позиция может принципиально изменить процедурные вопросы по наследованию невзаимозаменяемых токенов. Аналогичная судебная практика наблюдается и в Сингапуре²¹.

Федеральный суд в Германии еще в 2018 г. постановил о возможности наследования любых активов и даже данных²². Повторимся, речь идет о принципиальной возможности наследования NFT в зарубежных юрисдикциях, но не об иных проблемах, возникающих при наследовании рассматриваемых объектов (например, вопросов обязательной доли).

Также при наследовании NFT важно не упускать из вида вопросы налогообложения. Дата открытия наследства является определяющей для целей налогообложения на имущество физических лиц, так как принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия (п. 4 ст. 1152 ГК РФ).

В соответствии со ст. 217 Налогового кодекса РФ освобождаются от налогообложения доходы в денежной и натуральной формах, получаемые от физических лиц в порядке наследования, за исключением вознаграждения, выплачиваемого наследникам (правопреемникам) авторов произведений науки, литературы, искусства, а также вознаграждения, выплачиваемого наследникам патентообладателей на изобретения, полезные модели, промышленные образцы.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 333.24 Налогового кодекса РФ, наследнику за выдачу свидетельства о праве на наследство необходимо уплатить государственную пошлину в размере 0,3 % от стоимости наследуемого имущества для детей, супруга, родителей, полнородных братьев и сестер наследодателя (эта сумма не может превышать 100 тыс. рублей) и в размере 0,6 % — для других категорий наследников (но не более 1 млн рублей).

В общем случае временем открытия наследства является момент смерти гражданина (п. 1 ст. 1114 ГК РФ). Соответственно днем открытия наследства следует считать дату, на которую приходится момент смерти наследодателя, то есть дату его смерти. Ее и нужно учитывать при исчислении и уплате государственной пошлины.

В случае определения размера государственной пошлины и применения правил обязательной доли в наследстве возникают вопросы об определении стоимости NFT. Поскольку на NFT формируется спрос и предложение, они являются предметом сделок, то определение их стоимости возможно. Более того, такие услуги предлагают различные платформы и компании. Но здесь же будут возрастать риски для наследников, в том числе и обязательных, поскольку колебание стоимости NFT может негативно отразиться на правах и обязанностях наследников.

Интересно использование информационных технологий при наследовании NFT. Так, израильская фирма Kirobo разработала смарт-контракт, с помощью которого осуществляется передача NFT по наследству без посредников²³. Держатели NFT в кошелеке Liquid Vault смогут назначать до восьми различных адресов, на которые будут переведены средства наследодателя после смерти. В смарт-контракте активизируется таймер, который при сбрасывании запускает процесс наследования. Наследники автоматически получают уведомление и должны ввести пароль для получения цифрового актива. Вместе с тем само по себе такое техническое решение, не подкрепленное завещанием, может привести в будущем к спорам, вызвать возражения нотариусов и наследников²⁴.

Итак, по всему миру NFT признается в качестве востребованного объекта имущественного оборота в цифровом пространстве²⁵. NFT, несомненно, должен входить в состав наследства. Однако многие процедурные моменты наследования реализовать достаточно тяжело при таком предмете наследства вследствие пробелов в гражданском законодательстве. Без специальных распоряжений наследодателя, включая вопросы наличия NFT, доступа к нему, невозможно на практике передать его наследнику. Внедрение существующих технических средств, позволяющих автоматическую передачу NFT через смарт-контракт, будет противоречить действующему законодательству в области наследования. Проблемы могут возникнуть на стадии определения наследства, проведения оценивания имущества, определения долей, раздела наследства и т. д. Оформление закрытого завещания на сегодняшний день способно решить ряд вопросов, но без правового регулирования наследования цифровых активов сложно говорить о надежности и предсказуемости распоряжения имуществом на случай смерти.

Литература

1. *Арсланов К. М.* Смарт-контракт: вид классического договора, компьютерная программа (код) или электронная форма договора? *Гражданское право*, 2021. № 6. С. 18–23.

²¹ Janesh s/o Rajkumar v Unknown Person ("CHEFPIERRE"). [2022] SGHC 264. URL: https://www.elitigation.sg/gd/gd/2022_SGHC_264/pdf (дата обращения: 14.02.2024).

²² Urteil des III. Zivilsenats vom 12.7.2018 — III ZR 183/17. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&Datum=Aktuell&nr=86602&linked=urt&Blank=1&file=dokument.pdf> (дата обращения: 14.02.2024).

²³ Новая технология позволит передавать криптовалюты и NFT по наследству. *Rbc.ru*. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/62976a0a9a79473e522e9a58> (дата обращения: 14.02.2024).

²⁴ *Волос А. А.* Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2022. Т. 15. № 3. С. 57.

²⁵ *Вавилин Е. В.* NFT-токены: гражданско-правовой и процессуальный режим. *Вестник гражданского процесса*, 2023. Т. 13. № 1. С. 62–78.

2. *Брисов Ю. В., Победкин А. А.* Правовой режим NFT (non-fungible token) в России: как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? *Цифровое право*, 2022. № 3 (1). С. 44–66. DOI: 10.38044/2686-9136-2022-3-1-44-66
3. *Вавилин Е. В.* NFT-токены: гражданско-правовой и процессуальный режим. *Вестник гражданского процесса*, 2023. № 1. С. 62–78.
4. *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права. *Актуальные проблемы российского права*, 2019. № 5. С. 111–118. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.102.5.111-119>.
5. *Волос А. А.* Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2022. Т. 15. № 3. С. 51–71.
6. *Городнова Н. В.* Цифровая экономика: развитие NFT-рынка и смарт-контрактов. *Вопросы инновационной экономики*, 2022. Т. 12. № 2. С. 949–965. DOI: 10.18334/vinesc.12.2.114328
7. *Емельянов Д. С., Емельянов И. С.* Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования. *Имущественные отношения в РФ*, 2021. № 10 (241). С. 71–76. DOI: 10.24412/2072-4098-2021-10-71-76
8. *Карцция А. А.* Цифровое право как будущее классической цивилистики. *Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет*, 2018. № 1. С. 26–40.
9. *Кашеварова Н. А., Старикова И. С.* Невзаимозаменяемый токен: перспективный цифровой инструмент для бизнеса. *Вестник университета*, 2022. № 3. С. 44–51. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-3-44-51
10. *Рожкова М. А.* Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав. *Право цифровой экономики — 2020 (16): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2020. С. 5–78.*
11. *Рожкова М. А.* Об имущественных правах на нематериальные объекты в системе абсолютных прав (часть вторая — общее о правах на новые объекты, деловая репутация и некоторые «нематериальные блага») [Электронный ресурс]. *Закон.ру*, 2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/12/23/ob_imuschestvennyh_pravah_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnyh_prav_chast_vtoraya_obschee (дата обращения: 14.02.2024).
12. *Рожкова М. А.* NFT и иные токены: право на запись и право из записи. *Журнал Суда по интеллектуальным правам*, 2022. Вып. 4 (38). С. 29–39. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_29
13. *Ситник А. А.* NFT как объект правового регулирования. *Актуальные проблемы российского права*, 2022. Т. 17. № 12. С. 84–93. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.084-093
14. *Харитонов Ю. С.* Токенизация искусства и право интеллектуальной собственности. *Юрист*, 2021. № 9. С. 65–73.
15. *Limbu P., Gupta R.* Critique of Non-fungible Token (NFT): Innovation, Analysis and Security Issues. *International Conference on Innovative Computing and Communications*, 2022. Vol. 1. Pp. 807–822.
16. *Lohar P., Rath K.* Evaluation of Non-Fungible Token (NFT). *International Conference on Recent Advancements in Science, Engineering & Technology, and Management*. At: Jaipur, India, 2021.
17. *Regner F., Schweizer A., Urbach N.* NFTs in Practice — Non-Fungible Tokens as Core Component of a Blockchain-based Event Ticketing Application. *40th International Conference on Information Systems (ICIS 2019)*. At: Munich, 2019. Pp. 1–17.

References

1. Arslanov, K. M. Smart contract: a type of classic contract, a computer program (code) or an electronic form of the contract? [Smart-kontrakt: vid klassicheskogo dogovora, kompyuternaya programma (kod) ili elektronnyaya forma dogovora?]. *Civil Law [Grazhdanskoye pravo]*, 2021. No. 6. Pp. 18–23.
2. Brisov, Y. V., Pobedkin, A. A. Legal regime of NFT (non-fungible token) in Russia: How to work in the absence of special legislative regulation? [Pravovoj rezhim NFT (non-fungible token) v Rossii: kak rabotat' v otsutstvie spetsial'nogo zakonodatel'nogo regulirovaniya?]. *Digital Law Journal [Tsifrovoye pravo]*, 2022. Vol. 3. No. 1. Pp. 44–66. DOI: 10.38044/2686-9136-2022-3-1-44-66
3. Vavilin, E. V. NFT tokens: civil law and procedural regime [NFT-tokeny: grazhdansko-pravovoj i processual'nyj rezhim]. *Herald of Civil Procedure [Vestnik grazhdanskogo protsesssa]*, 2023. Vol. 13. No. 1. Pp. 62–78.
4. Vasilevskaya, L. Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law [Token kak novyj ob'ekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii tsifrovogo prava]. *Actual Problems of Russian Law [Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava]*, 2019. No. 5. Pp. 111–119. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.102.5.111-119>.
5. Volos, A. A. Digitalization of society and objects of hereditary succession [Cifrovizaciya obshchestva i ob'ekty nasledstvennogo pravopreemstva]. *Law. Journal of the Higher School of Economics [Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki]*, 2022. Vol. 15. No. 3. P. 57.
6. Gorodnova, N. V. Digital economy: NFT market and smart contracts development [Cifrovaya ekonomika: razvitie NFT-rynka i smart-kontraktov]. *Russian Journal of Innovation Economics [Voprosy innovatsionnoy ekonomiki]*, 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 949–965. DOI: 10.18334/vinesc.12.2.114328

7. Emelyanov, D. S., Emelyanov, I. S. Non-fungible tokens (NFT) as a separate object of legal regulation and an example of the need to establish the legal status of digital items [Nevzaimozamenyaemye tokeny (NFT) kak samostoyatel'nyj ob"ekt pravovogo regulirovaniya]. *Property Relations in the Russian Federation [Imushchestvennyye otnosheniya v RF]*, 2021. No. 10 (241). Pp. 71–76. DOI: 10.24412/2072-4098-2021-10-71-76
8. Kartskhiya, A. A. Digital law as the future of classical civil law [Cifrovoe pravo kak budushchee klassicheskoy civilistiki]. *Law of the future: Intellectual property, innovation, Internet [Pravo budushchego: Intellektual'naya sobstvennost', innovatsii, Internet]*, 2018. No. 1. Pp. 26–40.
9. Kashevarova, N. A., Starikova, I. S. Non-fungible token: a promising digital tool for business [Nevzaimozamenyaemyj token: perspektivnyj cifrovoy instrument dlya biznesa]. *Bulletin of the University [Vestnik universiteta]*, 2022. No. 3. Pp. 44–51. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-3-44-51
10. Rozhkova, M. A. Property rights to new intangible objects in the system of absolute rights [Imushchestvennyye prava na novye nematerial'nye ob"ekty v sisteme absolyutnyh prav]. *Digital Economy Law — 2020 (16): Yearbook-anthology [Pravo tsifrovoy ekonomiki — 2020]*. Director. and scientific ed. M. A. Rozhkova. M.: Statut, 2020. Pp. 5–78.
11. Rozhkova, M. A. On property rights to intangible objects in the system of absolute rights (part two — general about rights to new objects, business reputation and some “intangible benefits”) [Ob imushchestvennyh pravah na nematerial'nye ob"ekty v sisteme absolyutnyh prav (chast' vtoraya — obshchee o pravah na novye ob"ekty, delovaya reputaciya i nekotorye “nematerial'nye blaga”)] [Electronic resource]. *Zakon.ru*. URL: https://zakon.ru/blog/2018/12/23/ob_imushchestvennyh_prahah_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnyh_prah_chast_vtoraya_obschee (accessed: June 25, 2023).
12. Rozhkova, M. A. NFT and other tokens: right to record and right under [NFT i inye tokeny: pravo na zapis' i pravo iz zapisi]. *Journal of the Intellectual Property Rights Court [Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam]*, 2022. Iss. 4 (38). Pp. 29–39. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_29
13. Sitnik, A. A. NFT as an object of legal regulation [NFT kak ob"ekt pravovogo regulirovaniya]. *Actual Problems of Russian Law [Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava]*, 2022. Vol. 17. No. 12 (145). Pp. 84–93. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.084-093
14. Kharitonova, Yu. S. Tokenization of art and intellectual property law [Tokenizaciya iskusstva i pravo intellektual'noj sobstvennosti]. *Lawyer [Yurist]*, 2021. No. 9. Pp. 65–73.
15. Limbu, P., Gupta, R. Critique of Non-fungible Token (NFT): Innovation, Analysis and Security Issues. *International Conference on Innovative Computing and Communications*, 2022. Vol. 1. Pp. 807–822.
16. Lohar, P., Rathi, K. Evaluation of Non-Fungible Token (NFT). *International Conference on Recent Advancements in Science, Engineering & Technology, and Management*. At: Jaipur, India, 2021.
17. Regner, F., Schweizer, A., Urbach, N. NFTs in Practice — Non-Fungible Tokens as Core Component of a Blockchain-based Event Ticketing Application. *40th International Conference on Information Systems (ICIS 2019)*. At: Munich. 2019. Pp. 1–17.

Некоторые вопросы государственного управления в эпоху цифровизации

Мазаев Олег Александрович, Адвокатская консультация «Мазаев и партнеры» Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов; Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

адвокат, заведующий АК «Мазаев и партнеры»; преподаватель;

e-mail: office@mazaev.partners.

Аннотация

Предметом исследования выступает возможность участия граждан в публичном управлении посредством использования современных информационных технологий (далее — ИТ). В статье подробно проанализированы вопросы отношения населения к использованию ИТ. Показывается, как в условиях возрастающего влияния активно развивающихся ИТ, играющих центральную роль в формировании современной экономики и оказывающих значительное воздействие на различные аспекты экономического роста, производительности и инноваций, несмотря на отсутствие общепризнанного определения категории «публичное управление», в явном виде усматривается готовность людей использовать ИТ для участия в публичном управлении. В то же время законодатели воспринимают это как некие частные новеллы, а не как системообразующую силу, способную внести качественные улучшения в процесс управления государством. Методологической основой работы послужили общенаучные методы системного анализа и обобщения нормативных, научных и практических материалов и др. Научная новизна статьи определяется тем, что она представляет собой комплексное исследование возможности граждан использовать информационные технологии и системы в публичном управлении. К числу наиболее значимых результатов следует отнести сформулированные предложения по совершенствованию действующего законодательства, а также сложившейся правоприменительной практики.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровизация государства, цифровизация права.

Для цитирования: Мазаев О. А. Некоторые вопросы государственного управления в эпоху цифровизации. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 44–50. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-44-50. EDN: DISEZI

Issues of Public Administration in the Age of Digitalization

Oleg A. Mazaev, Mazaev and Partners Lawyer Consultancy of the Saint Petersburg City Bar Association; North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

lawyer, head of the Mazaev and Partners Lawyer Consultancy, lecturer;

e-mail: office@mazaev.partners.

Abstract

The subject of the study is the possibility of citizens' participation in public administration through the use of modern information technologies (hereinafter — IT). The article analyzes in detail the issues of public attitudes towards the use of IT. It is shown how in the conditions of increasing influence of actively developing IT, which plays a central role in the formation of modern economy and has a significant impact on various aspects of economic growth, productivity and innovation, despite the lack of a universally recognized definition of the category "public administration", the readiness of people to use IT to participate in public administration is clearly seen, while at the same time the legislators perceive it as some private novelties, but not as a system-forming force, capable of using IT in public administration. The methodological basis of the work was the general scientific methods of system analysis and generalization of normative, scientific and practical materials and others. The scientific novelty of the article is determined by the fact

that it is a comprehensive study of the possibility of citizens to use information technologies and systems in public administration. The most significant results include the formulated proposals to improve the current legislation, as well as the existing law enforcement practice.

Keywords: information technology, digitalization of the state, digitalization of law.

For citation: Mazaev O. A. Issues of Public Administration in the Age of Digitalization. Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya], 2024. No. 1. Pp. 44–50. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-44-50. EDN: DISEZI

Влияние информационных технологий (ИТ) на экономическое развитие стало в настоящее время глубоким и преобразующим. ИТ играют центральную роль в формировании современной экономики и оказывают значительное воздействие на различные аспекты экономического роста, производительности и инноваций.

Обычно выделяют следующие ключевые аспекты влияния ИТ на экономическое развитие.

Во-первых, это повышение производительности труда: средства ИТ, такие как компьютеры, программное обеспечение и Интернет, произвели революцию в работе предприятий. Технологии позволили автоматизировать задачи, оптимизировать процессы и повысить эффективность, что привело к росту производительности труда в различных отраслях.

Во-вторых, это вопросы, связанные с глобализацией, расширением коммуникаций и сотрудничества. ИТ позволяют компаниям вести бизнес за пределами страны. Интернет и цифровые средства коммуникации облегчили предприятиям доступ к международным рынкам, что привело к увеличению объемов торговли и экономическому росту. ИТ позволили улучшить взаимодействие между предприятиями, сотрудниками и потребителями. Это способствовало ускорению процесса принятия решений, обмену знаниями, привлечению клиентов и, как следствие, экономическому росту. Интернет демократизировал доступ к информации, позволив частным лицам и компаниям легко приобретать знания и навыки. Такой доступ к информации стимулирует развитие человеческого капитала и экономический рост. ИТ играют важную роль в образовании и развитии трудовых ресурсов. Электронные учебные платформы и возможности удаленной работы расширили доступ к образованию и рабочим местам, что привело к повышению уровня доходов и экономическому развитию.

ИТ-сектор создал миллионы рабочих мест по всему миру — от разработчиков программного обеспечения и ИТ-поддержки до аналитиков данных и специалистов по кибербезопасности. Кроме того, ИТ способствовали созданию рабочих мест в других отраслях, таких как электронная коммерция, цифровой маркетинг и создание онлайн-контента. ИТ влияют на развитие культуры инноваций и предпринимательства. Стартапы и малые предприятия могут использовать технологии, чтобы конкурировать с крупными корпорациями, что приводит к созданию более динамичной и конкурентоспособной бизнес-среды. Развитие электронной коммерции изменило розничную торговлю и поведение потребителей. Возможности совершать покупки в Интернете открыли новые горизонты для бизнеса и расширили охват рынка, что привело к росту продаж и экономической активности. С помощью больших данных и их аналитики предприятия получают ценные сведения о поведении потребителей, тенденциях рынка и эффективности работы, что позволяет принимать правильные решения и оптимизировать бизнес-процессы.

Кроме того, ИТ существенно повысили эффективность государственных услуг и управления. Инициативы по созданию электронного правительства упростили доступ граждан к государственным услугам, уменьшив бюрократизм и коррупцию. Многие страны вкладывают средства в развитие ИТ, включая широкополосный Интернет, центры обработки данных и цифровые экосистемы. Такие инвестиции в инфраструктуру могут стимулировать экономический рост и привлечь предприятия, связанные с ИТ. Иными словами, развитие ИТ — один из основных факторов экономического роста в современную эпоху, который влияет на различные отрасли, повышая производительность, содействуя инновациям и глобальным связям. Поэтому переход на цифровые технологии необходим — как в бизнесе, так и в публичном управлении.

В рамках данной работы исследовалось применение ИТ в публичном управлении. Для этого в течение 2020–2023 гг. была проведена экспертная оценка по сегментам населения — отношение к ИТ и возможности их использования. При этом не стояла задача дать количественные оценки, но важно было выявить тенденции и подтвердить возможность применения ИТ как инструмента реализации прав.

ИТ привели к формированию новой модели управления, которую часто называют электронным или цифровым управлением. Однако, наряду с преимуществами, эта модель несет с собой и ряд проблем.

Информационные технологии повысили эффективность и производительность государственного управления. Цифровые инструменты и системы оптимизируют различные административные процессы, сокращая объем бумажной работы и ручного труда, обеспечивают прозрачность государственной деятельности. В свою очередь, граждане получают доступ к публичной информации, могут отслеживать деятельность правительства (органов государственной власти) и принимать участие в принятии решений. ИТ позволяют правительству взаимодействовать

с гражданами через онлайн-платформы, социальные сети и мобильные приложения, что улучшает коммуникацию, получение обратной связи и участие в государственных делах. «Основными принципами является открытая деятельность всех его [государства] участников — от министерств до региональных органов власти, благодаря этому усиливается подотчетность органов государственной власти перед обществом»¹, «цель Открытого правительства — повышение качества принимаемых решений, достижение баланса интересов»².

Государственные органы могут использовать большие данные и аналитику для принятия решений на их основе, что помогает распределять ресурсы, разрабатывать политику и прогнозировать тенденции. Благодаря переводу процессов в цифровой формат сокращаются расходы, связанные с бумажным администрированием и ручным вводом данных. Это особенно важно в условиях ограниченных ресурсов. Развитие технологий кибербезопасности помогает защищать конфиденциальную информацию и обеспечивать сохранность конфиденциальности данных граждан.

Все мы имеем возможность оценить современные решения и преобразования, связанные с развитием онлайн-сервисов, предоставляющих гражданам доступ к таким услугам, как подача налоговых деклараций, разрешений и лицензий, через веб-порталы и мобильные приложения. Необходимо отметить инициативы в области открытых данных, такие как программы открытых данных, предоставление публичных данных для анализа и использования предприятиями, исследователями и населением. Порталы электронного правительства централизуют доступ к государственным услугам и информации, упрощая взаимодействие граждан с органами власти. В настоящее время технологии используются также для городского планирования, управления транспортом и мониторинга окружающей среды.

Однако в стадии решения находятся такие вопросы, как бюрократическая инерция и сопротивление изменениям, защита данных граждан от утечек и обеспечение конфиденциальности, «цифровое неравенство», которое может лишить часть населения возможности пользоваться государственными услугами и участвовать в управлении.

Информационные технологии позволили значительно улучшить государственное управление, однако при этом существенно повысились требования к административному аппарату и нормативно-правовой базе.

Общество сталкивается с рядом проблем, которые затрудняют полное удовлетворение интересов и потребностей всех социальных групп. Эти проблемы обусловлены сложной и многообразной природой человеческих обществ, а также ограниченностью ресурсов и противоречивостью приоритетов.

Причины, по которым общество не может в полной мере удовлетворить интересы и потребности, кроются как в неизбежном дефиците ресурсов (пища, вода, энергия, здравоохранение и образование), когда невозможно обеспечить неограниченное предложение всем социальным группам, так и в том, что социальные группы часто имеют противоречивые интересы и потребности. Общество состоит из различных культурных, религиозных и ценностных систем. То, что считается важным в одной группе, может быть противопоказано другой. Дилеммы распределения, уравнивание противоречивых интересов ложатся в целом на плечи всего общества. Хотя общество стремится удовлетворить потребности и интересы всех социальных групп с помощью политики, программ и нормативных актов, эти проблемы делают практически невозможным полное удовлетворение всех потребностей.

В то же время общество часто стремится создавать максимально честные, инклюзивные и справедливые системы, чтобы минимизировать неравенство и обеспечить удовлетворение самых насущных потребностей. Это предполагает постоянный диалог, компромисс и адаптацию к изменяющимся условиям.

Государство играет важнейшую роль в удовлетворении общественных потребностей и, располагая ограниченными ресурсами, принимает сложные решения об их распределении. Зачастую лица, принимающие решения, имеют неполную и неточную информацию о потребностях и интересах каждой социальной группы, что может привести к неадекватной политике или распределению ресурсов.

«Именно поэтому публичное управление призвано служить легальным и легитимным институтом, сглаживающим противоречия и регулирующим общественные отношения на основе существующих законов и норм права путем непосредственного участия всех заинтересованных сторон (гражданского общества, бизнес- и независимого экспертно-аудиторского сообщества) в управлении делами государства»³.

Обратная связь (далее — ОС) играет важнейшую роль в системах управления, и ее влияние весьма значительно. В теории система управления — это механизм, который регулирует поведение системы или процессы. Обратная связь в контексте публичного управления подразумевает использование информации о результатах работы системы для ее корректировки. Известно, что обратная связь помогает поддерживать стабильность системы и дает возможность сравнивать желаемый или эталонный выход с фактическим выходом. В случае отклонения система управления может внести коррективы, чтобы вернуться в целевое состояние. Это особенно важно для систем, подверженных

¹ *Никитин А. А.* Информационная трансформация в управлении государственными финансами. Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию, 2018. № 1. С. 360.

² *Баланова С.* Иллюзорный мир: пять главных мифов цифровой экономики [Электронный ресурс]. Журнал Forbes: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/kompanii/350323-illyuzornyy-mir-pyat-glavnyh-mifov-cifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 23.10.2023).

³ *Фадеекина Н. В.* Предпосылки создания в России эффективной системы публичного управления устойчивым социально-экономическим развитием публично-правовых образований на основе современных моделей электронного правительства и электронного бюджета. Сибирская финансовая школа, 2013. № 4. С. 45.

возмущениям или изменениям. ОС уменьшает ошибку или разницу между желаемым и фактическим результатами. Регулируя систему управления на основе обратной связи, можно быстрее и точнее реагировать на изменения. При изменении условий или требований система управления корректирует свою стратегию, обеспечивая дальнейшую эффективную работу публичного управления и его надежность. Такая система должна быть реализована за счет применения новых по своему качественному содержанию форм взаимодействия субъектов и объектов публичного управления — на основе ИТ.

Готовность людей применять ИТ для участия в управлении может варьироваться в зависимости от различных факторов, включая культурные, социальные, экономические и индивидуальные (рис. 1).

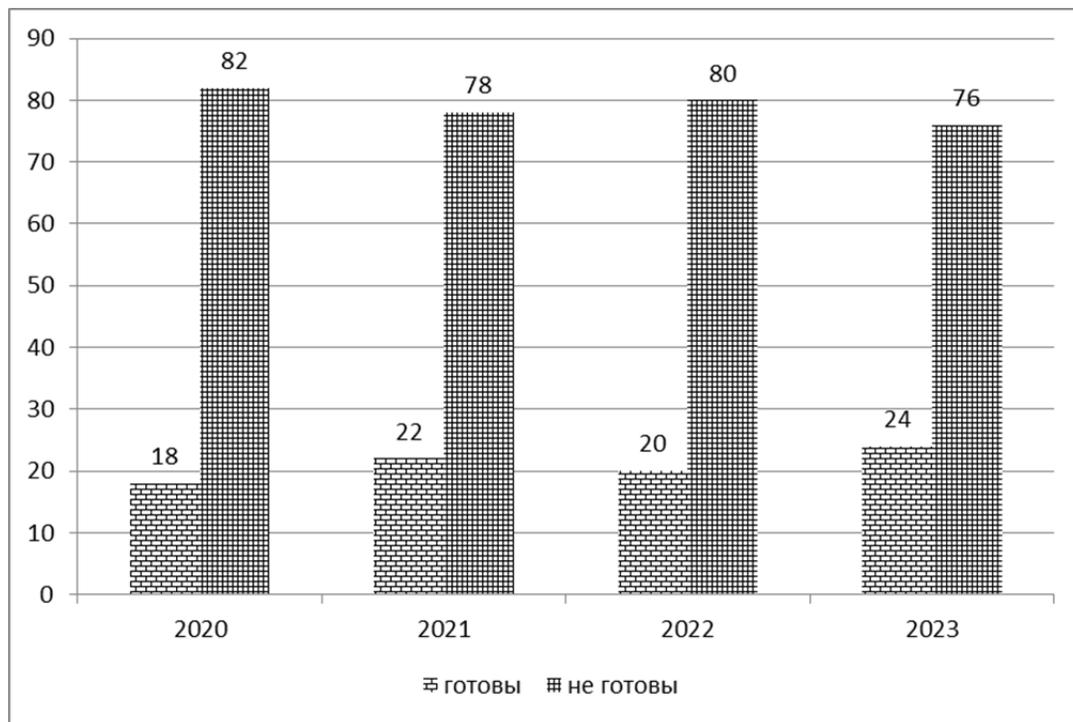

Рис. 1. Готовность использовать ИТ для участия в управлении по результатам опросов респондентов, % от общего числа опрошенных. Источник: график составлен автором

Существенную роль респонденты отвели доступности и дешевизне ИТ-устройств и подключения к Интернету. В регионах с ограниченным доступом к технологиям люди в меньшей степени готовы использовать ИТ для реализации своих прав.

Важно отметить, что большое влияние на результаты опросов оказывает возраст респондентов. Так, люди старшего возраста в меньшей степени готовы использовать ИТ для реализации своих прав, тогда как люди более молодого возраста более просвещены и готовы к реализации своих прав посредством ИТ.

Способность людей эффективно использовать ИТ также зависит от их цифровой грамотности. Те, кто увереннее владеет технологиями, с большей вероятностью будут применять их для различных целей. При этом удобство ИТ-платформ и приложений имеет большое значение. Если технология проста и доступна, люди будут ее использовать. Кампании по повышению осведомленности и образовательные программы положительно влияют на готовность людей применять ИТ для реализации своих прав. Когда пользователи проинформированы о преимуществах и потенциальных рисках, они лояльнее относятся к технологиям (см. рис. 2).

Доверие к безопасности и надежности ИТ-систем имеет решающее значение. Когда люди имеют опасения по поводу безопасности персональных данных или целостности онлайн-платформ, они могут не решиться использовать ИТ.

Таким образом, на готовность использовать информационные технологии для участия в публичном управлении влияет сложное взаимодействие факторов. Усилия по стимулированию использования ИТ должны учитывать эти факторы и устранять барьеры, связанные с доступом, цифровой грамотностью, доверием и конфиденциальностью, чтобы обеспечить эффективное использование технологий в современную цифровую эпоху.

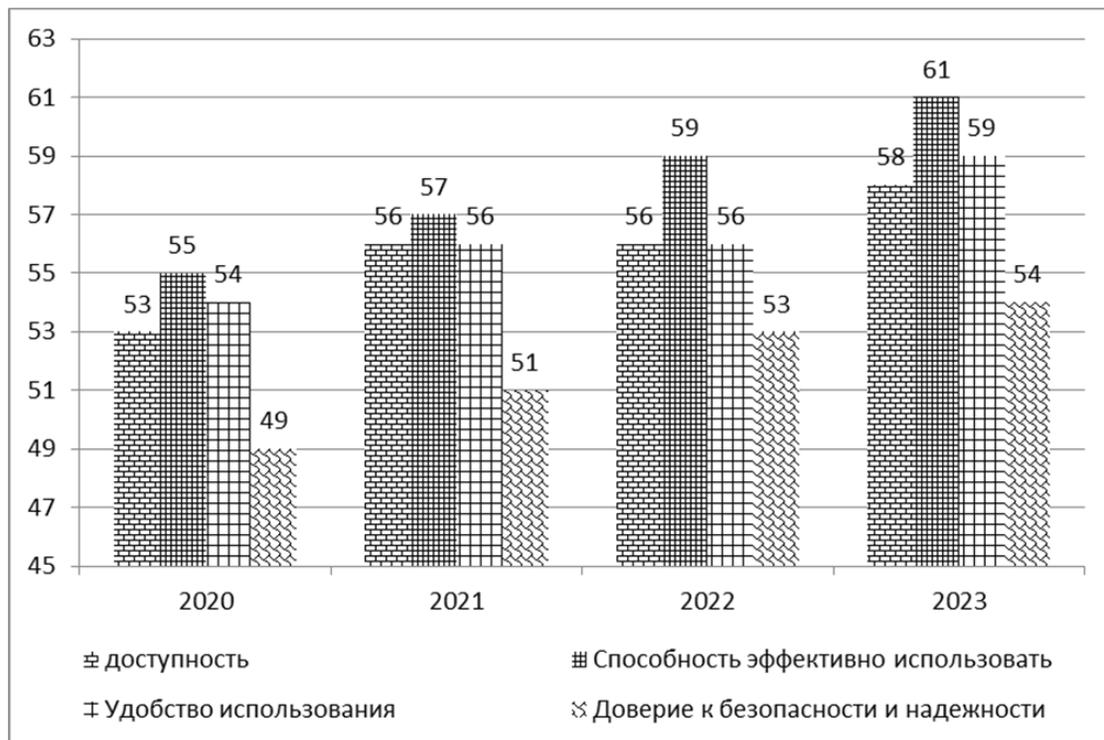

Рис. 2. Готовность инфраструктуры ИТ для участия в управлении по результатам опросов респондентов, % от общего числа опрошенных. Источник: график составлен автором

Исследование показало высокую готовность и наличие опыта по использованию ИТ для участия в публичном управлении (см. рис. 3).

Исходя из работ российских ученых, термин «публичное управление» (public administration) отождествляется многими авторами с государственным управлением. Например:

- П. А. Минаков⁴ отмечает, что с принятием Конституции РФ «публичное управление» стало употребляться в качестве объединяющего и обобщающего — государственного федерального, субфедерального управления и местного самоуправления;
- В. Е. Севрюгин⁵ говорит о публичном управлении как о виде государственного управления, как формы реализации исполнительной власти;
- С. М. Дубонос⁶ считает, что публичное управление есть разновидность еще одной формы реализации государственной власти — социального управления, то есть категории государственного управления, направленной на удовлетворение общественных потребностей, но опять же без участия в принятии решения населения. При этом автор в качестве характерных свойств выделяет: прозрачность, легитимность и демократичность, что в итоге вновь отсылает нас к формулировке Т. Ф. Ефремовой.

Тем не менее именно публичное управление, в том числе с использованием ИТ, позволяет обеспечить согласование целей и интересов социума с интересами органов государственной власти, местного самоуправления и бизнес-сообщества. Безусловно, согласование интересов возможно лишь при использовании эффективных инструментов регулирующего характера (институциональных, экономических, финансовых, социальных, законодательно-правовых, информационно-коммуникационных и т. п.), обеспечивающих публичное регулирование совокупности процессов в социально-экономических системах⁷.

⁴ Минаков П. А. Публичная власть: политологический аспект. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 7.

⁵ Севрюгин В. Е. О доктрине публичного управления в административном праве Российской Федерации. Вестник Тюменского государственного университета, 2011. № 3. С. 18.

⁶ Дубонос С. М. Становление исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления как института публичного управления: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2001. С. 9.

⁷ ГлушакOVA О. В., Вайсберг Я. А. О сущности, содержании и соотношении понятий «государственное управление», «социальное управление», «публичное управление». Сибирская финансовая школа, 2013. № 6 (101). С. 4.

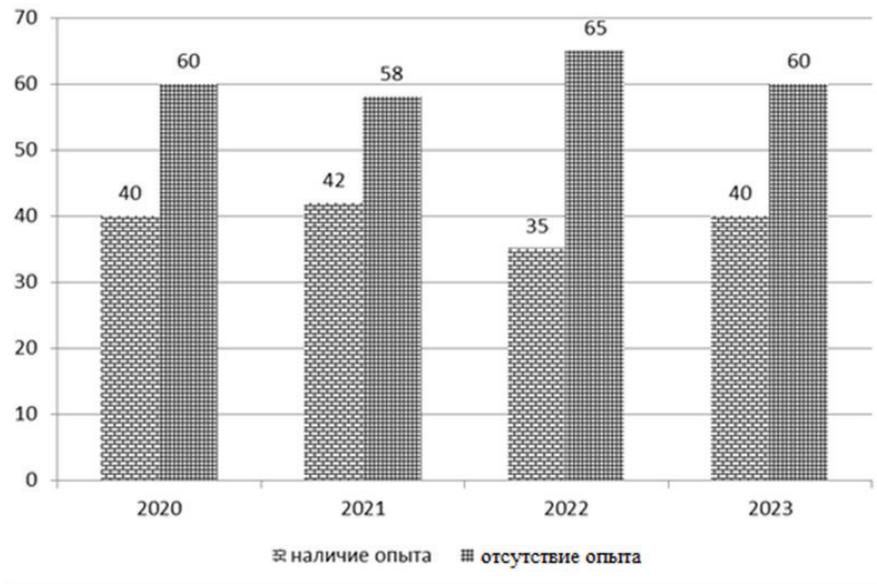

Рис. 3. Наличие опыта реализации прав с помощью правовых механизмов по результатам опросов респондентов, % от общего числа опрошенных. Источник: график составлен автором

К сожалению, значительные трудности для публичного управления представляет то, что «поведение многих внешних участников управленческого процесса часто находится под воздействием синдрома „советского человека“, за которого все должно решать государство»⁸.

В то же время мы видим многочисленные попытки населения принять участие в процессах улучшения государственного управления с помощью ИТ, в частности, путем отправки информации на различные платформы обратной связи. Внимание законодателя, рассматривающего привлечение населения к процессам государственного управления с помощью ИТ, также находится в тренде инициатив, например, решение вопроса с введением нового вида обращения гражданина, оформленного в виде электронного документа, — обращения, оформленного с использованием ПОС портала «Госуслуги»⁹. То есть законодатель воспринимает это как некие частные новеллы, а не как системообразующую силу, способную внести качественные улучшения в процесс управления.

Сегодня в условиях возрастающего влияния активно развивающихся ИТ на экономическое развитие, несмотря на отсутствие общепризнанного определения категории «публичное управление», в явном виде усматривается готовность людей использовать ИТ для участия в публичном управлении, как минимум в форме обратной связи, что может стать легитимным институтом, сглаживающим противоречия и регулирующим общественные отношения на основе существующих законов и норм права путем непосредственного участия всех заинтересованных сторон в процессе управления.

Литература

1. *Никитин А. А.* Информационная трансформация в управлении государственными финансами. Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию, 2018. № 1. EDN: XVIMDZ
2. *Баланова С.* Иллюзорный мир: пять главных мифов цифровой экономики [Электронный ресурс]. Журнал Forbes: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/kompanii/350323-illyuzornyy-mir-pyat-glavnyh-mifov-cifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 23.10.2023).
3. *Фадеекина Н. В.* Предпосылки создания в России эффективной системы публичного управления устойчивым социально-экономическим развитием публично-правовых образований на основе современных моделей электронного правительства и электронного бюджета. Сибирская финансовая школа, 2013. № 4 (99). С. 43–54. EDN: RBJYAN
4. *Минаков П. А.* Публичная власть: политологический аспект. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 20 с. EDN: ZNKNOJ

⁸ *Матвишин Е. Г., Матвишин И. Л.* Оценка факторов развития доверия как основы экономического роста в регионах Украины. Публичное управление: теория и практика: сб. науч. работ Ассоц. д-ров наук гос. упр. Харьков, 2010. № 3–4. С. 230.

⁹ О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» [Электронный ресурс]: Федер. закон от 4 авг. 2023 г. № 480-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Сеvрюгин В. Е.* О доктрине публичного управления в административном праве Российской Федерации. Вестник Тюменского государственного университета, 2011. № 3. С. 92–97. EDN: OXESRN
6. *Дубонос С. М.* Становление исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления как института публичного управления: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2011.
7. *Глушакова О. В., Вайсберг Я. А.* О сущности, содержании и соотношении понятий «государственное управление», «социальное управление», «публичное управление». Сибирская финансовая школа, 2013. № 6 (101). С. 3–9. EDN: RTJANB
8. *Матвишин Е. Г., Матвишин И. Л.* Оценка факторов развития доверия как основы экономического роста в регионах Украины. Публичное управление: теория и практика: сб. науч. работ Ассоц. д-ров наук гос. упр. Харьков, 2010. № 3–4. С. 230–235.

References

1. Nikitin, A. A. Information Transformation in the Management of State Finance [Informatsionnaya transformatsiya v upravlenii gosudarstvennymi finansami]. Intellectual resources for regional development [Intellektual'nye resursy — regional'nomu razvitiyu], 2018. No. 1.
2. Balanova, S. Illusory world: five main myths of the digital economy [Electronic resource]. Forbes Magazine: [website]. URL: <https://www.forbes.ru/kompanii/350323-illyuzornyy-mir-pyat-glavnyh-mifov-cifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 23.10.2023).
3. Fadeykina, N. V. Preconditions for creation of an effective public administration system via stable socio-economic development of public-law entities on basis of up-to-date e-government and e-budgeting systems [Predposylki sozdaniya v Rossii ehfektivnoj sistemy publichnogo upravleniya ustojchivym sotsial'no-ehkonomicheskim razvitiem publichno-pravovykh obrazovaniy na osnove sovremennykh modelej ehlektronного pravitel'stva i ehlektronного byudzheta]. Siberian financial school [Sibirskaya finansovaya shkola], 2013. No. 4 (99). Pp. 43–54.
4. Minakov, P. A. Public power: political science aspect [Publichnaya vlast': politologicheskij aspekt]. Ufa: Bashkir State University editorial and publishing center [RITS BashGU], 2008. 20 p.
5. Sevryugin, V. E. Public governance doctrine in the administrative law of the Russian Federation [O doktrine publichnogo upravleniya v administrativnom prave Rossijskoj Federatsii]. Tyumen State University Herald [Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta], 2011. No. 3. Pp. 92–97.
6. Dubonos, S. M. Formation of executive and administrative bodies of local self-government as an institution of public administration: abstract of the dissertation of a PhD of political sciences [Stanovlenie ispolnitel'no-rasporyaditel'nykh organov mestnogo samoupravleniya kak instituta publichnogo upravleniya: avtoref. dis. kand. polit. nauk]. Stavropol, 2011.
7. Glushakova, O. V., Vaysberg, Ya. A. On essence, content and correlation of concepts of state administration, social administration and public administration [O sushhnosti, soderzhanii i sootnoshenii ponyatij "gosudarstvennoe upravlenie", "sotsial'noe upravlenie", "publichnoe upravlenie"]. Siberian financial school [Sibirskaya finansovaya shkola], 2013. No. 6 (101). Pp. 3–9.
8. Matviishin, E. G., Matviishin, I. L. Assessment of factors of trust development as a basis for socio-economic growth in the regions of Ukraine [Otsenka faktorov razvitiya doveriya kak osnovy ehkonomicheskogo rosta v regionakh Ukrainy]. Public administration: theory and practice [Publichnoe upravlenie: teoriya i praktika], 2010. No. 3–4. Pp. 230–235.

Правовое положение избирателей и наблюдателей в системе дистанционного электронного голосования в России

Ржановский Валерий Александрович, Адвокатская палата г. Москвы (Москва, Российская Федерация)

адвокат;

e-mail: v.rzhanovskii@rambler.ru.

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные элементы в системе дистанционного электронного голосования. Программно-технические средства, применяющиеся в дистанционном электронном голосовании, внесли существенные изменения в деятельность традиционных участников избирательного процесса: избирателей и наблюдателей. Выявлен ряд рисков вмешательства в электронную систему голосования.

Автором предпринята попытка рассмотреть гарантии, обеспечивающие тайну голосования и препятствующие искажению волеизъявления избирателей, которые реализуются на федеральной платформе дистанционного электронного голосования. Кроме того, выявлены дополнительные гарантии, которые отсутствуют в традиционных формах голосования. Одной из них является возможность избирателя проверить учет и неизменность своего бюллетеня в системе. Сделан вывод о наличии технических решений, обеспечивающих проведение голосования в соответствии с основными принципами выборов. Предложено разработать механизм повторного подсчета голосов избирательными комиссиями при проведении дистанционного электронного голосования.

В связи с цифровым характером электронного голосования дополнительных механизмов защиты требует институт наблюдения. Сделан вывод, что электронное голосование преобразило деятельность наблюдателя. Наличие «цифрового следа» предоставляет наблюдателю возможность отслеживать изменения в системе блокчейн. Автором предложено новое определение «наблюдатель за дистанционным электронным голосованием», поскольку определение наблюдателя, изложенное в законодательстве, в полной мере не учитывает специфику наблюдения в дистанционном электронном голосовании. Новый формат наблюдения за электронным голосованием предполагает принятие релевантных гарантий для достижения целей наблюдения.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, правовое регулирование, техническое развитие, программно-технический комплекс, наблюдатель, избиратель, избирательная комиссия, криптография, система блокчейн.

Для цитирования: Ржановский В. А. Правовое положение избирателей и наблюдателей в системе дистанционного электронного голосования в России. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 51–59. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-51-59. EDN: DKZIPT

Legal Status of Voters and Observers in the Remote Electronic Voting System in Russia

Valeriy A. Rzhanovskiy, Moscow Bar Association (Moscow, Russian Federation)

lawyer;

e-mail: v.rzhanovskii@rambler.ru.

Abstract

The article discusses some elements in the Remote Electronic Voting system. Software used in Remote Electronic voting had significant impact on activities of traditional participants in the electoral process: voters and observers. A number of risks of interference with the electronic voting system have been identified.

The author made an attempt to consider guarantees that ensure the secrecy of voting and prevent the distortion of the will of voters, which are implemented in the federal platform for Remote Electronic Voting. Moreover, additional

guarantees have been identified that are not available in traditional forms of voting. One of them is the ability of the voter to check the account and invariability of his ballot in the system. It was concluded that there are technical solutions that ensure voting in accordance with the basic principles of elections. It is proposed to develop a mechanism for re-counting ballots by election commissions when conducting Remote Electronic Voting.

Due to the digital nature of electronic voting, the institution of observation requires additional protection mechanisms. It was concluded that electronic voting transformed the activities of the observer. The presence of a "digital trace" provides the observer with the ability to track changes in the blockchain system. The author proposed a new definition of "observer of Remote Electronic Voting", because the definition of the observer set out in the legislation does not fully take into account the specifics of observation in Remote Electronic Voting. The new model of observation of electronic voting involves the adoption of relevant guarantees to achieve the goals of the observation.

Keywords: remote electronic voting, legal regulation, constitutional principles of elections, technical development, observer, voter, election commission, cryptography, system blockchain.

For citation: Rzhakovskiy V. A. Legal Status of Voters and Observers in the Remote Electronic Voting System in Russia. Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya], 2024. No. 1. Pp. 51–59. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-51-59. EDN: DKZIPT

Дистанционное электронное голосование (далее — ДЭГ) по своей природе является не только факультативной формой голосования. Это система, объединяющая в себе следующие основные компоненты: программно-технический комплекс ДЭГ (далее — ПТК ДЭГ), избирательные комиссии, избирателей (участники ДЭГ), а также наблюдателей. Баланс публичных и частных интересов обеспечивает легитимность избирательного процесса¹.

Программно-технический комплекс ДЭГ определяет цифровой характер деятельности избирателей и избирательных комиссий, а также наблюдателей. От качества технических решений программного комплекса зависит голосование в целом, в том числе реализация принципов тайны голосования, достоверного и справедливого подсчета голосов².

Основой правового регулирования ДЭГ является Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ (далее — Федеральный закон № 67) и Порядок дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем, утвержденный Постановлением ЦИК РФ от 08.06.2022 № 86/716-8 (далее — Порядок ДЭГ 2022), который описывает некоторые технические процедуры ДЭГ.

Алгоритмы многих протоколов, используемых в ДЭГ, основываются на шифровании данных (криптографии). Без сомнения, понимание криптографических операций требует некоторых специальных знаний. Однако достоинством данных операций является возможность их математической проверки³. Если корректность криптографических операций проверена доказательственным путем, то можно говорить об отсутствии вмешательства в деятельность программного комплекса и надлежащем выполнении соответствующих алгоритмов и протоколов.

Цифровой аспект электронного голосования существенным образом преобразил форму реализации своих прав участниками избирательного процесса.

Участие избирателей в выборах дистанционно с использованием специального программного обеспечения обуславливает наличие государственной системы гарантий, обеспечивающей реализацию активного избирательного права. Соответственно, должны приниматься меры, направленные на повышение защиты информационной системы электронного голосования от внешних и внутренних атак.

Технический аспект ДЭГ оказал также существенное влияние и на институт наблюдателей. В частности, изменились фактические требования к наблюдателю, которые заключаются в необходимости понимать основы криптографии и знать специальное программное обеспечение в данной области.

Справедливо полагать, что рассмотрение указанных вопросов в большей степени относится к предмету изучения математики и информатики, нежели права. Однако при этом необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Цифровая реальность является основой ДЭГ, где практически все операции совершаются в электронном виде. В отличие от бумажного голосования, гарантии соблюдения избирательных прав в ДЭГ не обеспечиваются исключительно деятельностью наблюдателей, избирательных комиссий и иных государственных органов. От исправности и надежности работы технической составляющей ДЭГ зависит процесс голосования и объективное установление итогов выборов. Поэтому программное обеспечение и инфраструктура ДЭГ становятся гарантиями обеспечения

¹ См.: *Хорунжий С. Н.* Тайна электронного голосования: от анонимности к конфиденциальности. Гражданин. Выборы. Власть, 2021. № 2 (20). С. 58. EDN: RRSEJX

² См.: *Игнатов А. В.* Правовые аспекты дистанционного электронного голосования. Избирательное законодательство и практика, 2021. № 1. С. 12. EDN: UWZPTJ

³ См.: Дистанционное электронное голосование в России — нужно ли это? URL: <https://evoting.digitaldem.ru/2021/11/01/nesterovich-evoting-part-1> (дата обращения: 24.10.2022).

избирательного процесса. Соответственно, не следует дистанцироваться от изучения технических аспектов функционирования ДЭГ. Отсутствие понимания в научном сообществе конкретных механизмов работы ДЭГ влечет проблемы выработки обоснованных положений о надлежащих средствах охраны и защиты прав субъектов избирательного процесса в рамках применения электронного голосования.

Технические аспекты функционирования ПТК ДЭГ описаны в опубликованной в 2021 г. документации ПТК ДЭГ: «Описание ПТК ДЭГ», «Описание протокола ДЭГ к выборам, голосование на которых состоится 17, 18 и 19 сентября 2021 г.»⁴. С учетом, что в 2022–2023 гг. уполномоченными лицами ЦИК РФ и ПАО «Ростелеком» официально не заявлялось об изменении архитектуры ПТК ДЭГ, будем считать, что положения, содержащиеся в указанных документах, сохраняют свою актуальность.

Необходимо отметить, что нормативно алгоритмы и протоколы работы механизмов программно-технического комплекса, указанные в раскрытой документации, практически не закреплены, что не может повышать доверие к самому институту ДЭГ, поскольку технический аспект электронного голосования является одним из центральных⁵.

Правовой анализ статуса избирателей, наблюдателей, гарантий их защиты способствует формированию теоретических положений об устойчивых механизмах, обеспечивающих функционирование системы дистанционного электронного голосования в соответствии с принципами проведения выборов. Отсутствие надлежащей проработки указанных вопросов будет создавать предпосылки для общего восприятия ДЭГ как «черного ящика»⁶.

Выявление особенностей правового статуса наблюдателей и избирателей в контексте проведения ДЭГ будет одним из условий для развития доктрины электронного голосования и совершенствования правового регулирования системы ДЭГ.

Изучение правовых гарантий данных субъектов ДЭГ осложняется отсутствием достаточной нормативной базы в указанной области и ограничивается общими положениями Федерального закона № 67-ФЗ, Порядком ДЭГ 2022, а также опубликованной в 2021 г., но законодательно не утвержденной документацией об архитектуре ДЭГ.

В настоящей работе предпринята попытка выделить избирателей и наблюдателей в системе дистанционного электронного голосования на примере использования федеральной государственной информационной системы (далее — ФГИС), рассмотреть их правовой статус, а также технологические решения, обеспечивающие реализацию прав и гарантий избирателей и наблюдателей ДЭГ.

Правовой анализ данных компонентов ДЭГ позволит расширить область научного знания о системе ДЭГ в целом.

Избиратель (участник ДЭГ). В целях реализации права на участие в ДЭГ избиратель, в избирательном округе которого проводится ДЭГ, направляет заявление об участии в ДЭГ через Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) (ЕПГУ).

Данные учетной записи избирателя в ЕПГУ сверяются с данными регистра избирателей, участников референдума ГАС «Выборы».

На основании поданных заявлений об участии в ДЭГ и после успешной проверки в ГАС «Выборы» составляются списки участников ДЭГ, которые записываются на внешний носитель с возможностью однократной записи информации (п. 3.1 Порядка ДЭГ 2022, п. 5.1 Описания ПТК ДЭГ)⁷. Избиратели, включенные в список участников ДЭГ, исключаются из бумажных списков на УИК. В ТИК ДЭГ внешний носитель со списком участников ДЭГ загружается в ПТК ДЭГ (п. 3.2 Порядка ДЭГ 2022).

В день голосования участник ДЭГ осуществляет процедуры идентификации и аутентификации на специальном портале (vybory.gov.ru) путем использования Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) (п. 6.3 Порядка ДЭГ 2022). При входе в ЕПГУ участник вводит логин и пароль. При двухфакторной аутентификации личность избирателя подтверждается также вводом одноразового кода через СМС-сообщение.

ЕСИА используется в качестве внешней по отношению к ПТК ДЭГ системы идентификации и аутентификации (п. 2 Описания ПТК ДЭГ)⁸. В контексте ДЭГ фраза «проголосовать через “Госуслуги”» является недостаточно точной, поскольку ЕСИА используется только в целях идентификации и аутентификации, а электронное голосование осуществляется в системе ПТК ДЭГ.

После проставления отметок в бюллетене и направления бюллетеня в ПТК ДЭГ участник ДЭГ получает личный идентификатор транзакции и квитанцию о приеме транзакции, с помощью которых он может проверить наличие своего бюллетеня в системе.

⁴ См.: Дистанционное электронное голосование (ЕДГ 2021). URL: <http://cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/distantionnoe-elektronnoe-golosovanie> (дата обращения: 24.10.2022).

⁵ См.: Головин А. Г. О некоторых аспектах концепции делегирования власти народом в контексте развития технологий дистанционного электронного голосования. Избирательное законодательство и практика, 2021. № 2. С. 10.

⁶ См.: Рыбин А. В. Защита результатов волеизъявления избирателей при дистанционном электронном голосовании. Гражданин. Выборы. Власть, 2022. № 3 (25). С. 168.

⁷ См.: Дистанционное электронное голосование [Электронный ресурс]. URL: <http://cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/distantionnoe-elektronnoe-golosovanie/#hidden1> (дата обращения: 24.10.2022).

⁸ Там же.

Сохранив указанные данные, участник ДЭГ может в последующем убедиться в том, что его бюллетень учтен системой и его зашифрованное волеизъявление (последовательность букв, цифр в транзакции) не изменилось. Осуществив ввод идентификатора транзакции, избиратель может также сравнить транзакцию, имеющуюся в системе, и свою сохраненную транзакцию. Совпадение последовательности буквенно-цифровых значений свидетельствует о неизменности транзакции (бюллетеня). Одним из определяющих значений являются данные открытого (публичного) ключа подписи бюллетеня.

Возможность проверки избирателем собственного бюллетеня в ПТК ДЭГ является одной из фундаментальных гарантий, присущих именно данной форме голосования. В ходе процедуры голосования на избирательном участке у избирателя отсутствует возможность идентифицировать свой бумажный избирательный бюллетень. У участника ДЭГ такая возможность имеется.

Технологические возможности электронного голосования обеспечивают учет каждого поданного голоса и возможность его проверки избирателем. Между тем право участника ДЭГ проверить наличие и неизменность своего бюллетеня не закреплено ни в Федеральном законе № 67-ФЗ, ни в Порядке ДЭГ 2022. В связи с чем данное право необходимо закрепить в Федеральном законе № 67-ФЗ, поскольку оно гарантирует участнику ДЭГ возможность проверить учет его голоса в ПТК ДЭГ и неизменность волеизъявления.

Использование избирателем личного кабинета в ЕПГУ для голосования посредством ДЭГ является основанием для разного рода опасений, высказываемых в научном сообществе. Одним из предполагаемых рисков является возможность несанкционированного перехвата логина и пароля участника ДЭГ от личного кабинета в ЕПГУ в целях смены привязанного номера телефона, чтобы получить код подтверждения для голосования на номер телефона злоумышленника и в последующем проголосовать вместо участника ДЭГ. Разумной мерой для предотвращения данного нарушения является включение избирателем в ЕПГУ функции двухфакторной аутентификации, согласно которой вход в ЕПГУ сопровождается отправкой кода с помощью СМС на номер телефона пользователя. Доступ в ЕПГУ будет предоставляться после ввода логина, пароля, а также кода из СМС-сообщения. Более того, возможно включить уведомления на электронную почту о всех фактах входа в ЕПГУ⁹. Таким образом, существуют механизмы по предотвращению и выявлению злонамеренного доступа к чужой учетной записи на ЕПГУ.

Создание множества учетных записей («мертвых душ») для участия в ДЭГ также является одной из актуальных проблем, которую выделяют исследователи¹⁰. Как уже было отмечено, для участия в ДЭГ избирателю необходимо находиться в списках избирателей, наличие учетной записи в ЕПГУ и подачи избирателем заявления на участие в ДЭГ. Для участия в ДЭГ учетная запись избирателя в ЕПГУ сверяется с регистром избирателей ГАС «Выборы». Список избирателей переносится в ПТК ДЭГ.

Предположение о возможности создания «мертвых душ» для голосования посредством ДЭГ путем регистрации множества учетных записей в ЕПГУ является достаточно спорным. Во ФГИС ДЭГ голосовать могут только верифицированные аккаунты на «Госуслугах». Каждый аккаунт сверяется с базами данных МВД и ПФР¹¹. Соответственно, для создания фиктивных аккаунтов в ЕПГУ необходимо также осуществить «подтверждение» (взлом) в информационных системах МВД и ПФР. Более того, верифицированные аккаунты в ЕПГУ сверяются с регистром избирателей ГАС «Выборы» — реальными избирателями. Соответственно, фиктивные аккаунты в ЕПГУ не пройдут проверку с данными регистра избирателей ГАС «Выборы». В ТИК ДЭГ список участников ДЭГ на внешнем носителе загружается в ПТК ДЭГ. Соответственно, фиктивных участников ДЭГ также необходимо добавить в ПТК ДЭГ, что не сможет остаться незамеченным. До начала голосования есть всего несколько транзакций в блокчейне, среди которых загрузка ключа шифрования, списка участников ДЭГ. «Внесение изменений» в загруженный список участников также отразится в системе. Дополнить списки участников ДЭГ «мертвыми душами» — значит сделать соответствующие изменения в системе блокчейн, которые незамедлительно будут выявлены наблюдателями. Соответственно, реализация указанного сценария нарушения является очень трудновыполнимой, оставляет заметный цифровой след и в настоящий момент подтвержденные факты данного нарушения отсутствуют.

После подтверждения личности избирателем (ввод кода из СМС-сообщения) запускается процедура анонимизации, сущностью которой является невозможность установления связи между личностью избирателя и результатом его волеизъявления (пп. 1 п. 1.6 Порядка ДЭГ 2022). Далее избирателю предоставляется доступ к бюллетеню.

Описание механизма анонимизации и иных криптографических решений, применяемых во ФГИС, можно найти в специализированных источниках¹². При этом необходимо отметить отсутствие единой в мире модели организации

⁹ См.: Как устроено дистанционное электронное голосование в России, и какие у него перспективы. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Как_устроено_дистанционное_электронное_голосование_в_России,_и_какие_у_него_перспективы (дата обращения: 24.10.2022).

¹⁰ См.: *Чупилкина А. Ф., Буравов И. С.* Проблемы соблюдения избирательных прав при проведении интернет-голосования. Конституционное и муниципальное право, 2022. № 4. С. 50–52. EDN: FZVNJK

¹¹ Как подтвердить учетную запись в центре обслуживания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gosuslugi.ru/help/faq/login/70000002> (дата обращения: 24.10.2022).

¹² Протокол, который невозможен: как на самом деле в ДЭГ обеспечивают тайну голосования [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/post/574360/?ysclid=93v4ixm7e277752971> (дата обращения: 24.10.2022).

ДЭГ, включая способы шифрования данных¹³. Наличие разных систем ДЭГ обуславливается разным уровнем технического развития на соответствующих территориях проведения ДЭГ, отсутствием общепринятых правовых стандартов в указанной области, а также разными подходами к обеспечению гарантий избирателей при проведении ДЭГ.

При установлении итогов ДЭГ в исследовательской среде высказывается мнение об использовании «бумажно-го следа», то есть осуществлении непосредственного подсчета голосов по бумажным бюллетеням¹⁴.

Действительно, согласно п. 25 ст. 68 Федерального закона № 67-ФЗ участковая избирательная комиссия, использовавшая техническое средство для подсчета голосов, вправе принять решение о ручном подсчете голосов в случае наличия сомнений в правильности подсчета голосов техническим средством. Как правило, речь идет о случае применения КОИБ. В ДЭГ материальная форма бюллетеней отсутствует. Бюллетени представлены в цифровом виде, а заполненные избирателем бюллетени зашифровываются через реализацию криптографических алгоритмов. Следовательно, ввиду отсутствия бумажной формы бюллетеней, у избирательной комиссии отсутствует возможность проведения ручного подсчета голосов.

Однако остается проблема повторного пересчета голосов в ДЭГ. В случае возникновения сомнений в правильности составления протокола, поступившего из нижестоящей комиссии, вышестоящая избирательная комиссия вправе принять решение о проведении повторного подсчета голосов (п. 9 ст. 69 Федерального закона № 67-ФЗ). Федеральным законом № 67-ФЗ и Порядком ДЭГ 2022 данный вопрос в отношении ДЭГ никак не урегулирован. Возможность повторного подсчета голосов является одной из важнейших гарантий при установлении итогов голосования при наличии сомнений в объективности результатов голосования. Исходя из Описания протоколов ПТК, в ДЭГ проверка результатов расшифровки бюллетеней, неизменности блокчейна, осуществляется наблюдателями. Между тем механизм повторного подсчета голосов должен иметь свое выражение и в процедуре ДЭГ.

Наблюдатели. Согласно ст. 2 Федерального закона № 67-ФЗ наблюдателем является гражданин РФ, уполномоченный осуществлять наблюдение за проведением голосования, подсчетом голосов и иной деятельностью комиссии в период проведения голосования, установления его итогов, определения результатов выборов.

Однако в ДЭГ к функциям избирательных комиссий не относится выдача бюллетеней избирателям и осуществление подсчета голосов. Указанные действия выполняет программно-технический комплекс. Соответственно, для наблюдателя в ДЭГ основным объектом для наблюдения становится функционирование программных и технических компонентов, а не действия избирательных комиссий¹⁵.

Имеющийся правовой пробел в регулировании правового положения наблюдателей создает риск нарушения прав наблюдателей по контролю за механизмом работы ПТК ДЭГ, в частности алгоритмами функционирования блокчейна.

При нормативном закреплении прав и гарантий наблюдателя за ДЭГ должен быть определен объем получаемой наблюдателем информации, а также порядок и способы ее получения; механизмы обработки извлекаемой информации; критерии, свидетельствующие об ошибках в работе информационной системы и внутренних/внешних вмешательствах. С правом наблюдателя получать информацию будет корреспондировать соответствующая обязанность администраторов ПТК ДЭГ предоставлять данную информацию. Действующие нормы Порядка ДЭГ 2022 закрепляют только общие права наблюдателя на получение информации, не конкретизируя порядок взаимодействия наблюдателей с порталом для наблюдения, объем получаемой информации и т. п. Применение норм Федерального закона № 67-ФЗ по аналогии не является вариантом решения проблемы, поскольку нормы указанного закона применимы преимущественно для голосования на избирательном участке и не учитывают многие особенности ДЭГ.

Например, ввиду особенностей осуществления наблюдения за ДЭГ термин «наблюдатель», предусмотренный Федеральным законом № 67-ФЗ, не может в полной мере применяться к наблюдателю за ДЭГ и требует введения нового определения «наблюдатель за дистанционным электронным голосованием». Предлагается определение термина «наблюдатель за дистанционным электронным голосованием». Наблюдатель за дистанционным электронным голосованием — гражданин Российской Федерации, уполномоченный осуществлять наблюдение с помощью программного инструментария за функционированием компонентов программно-технического комплекса дистанционного электронного голосования, обеспечивающих проведение голосования, установления его итогов, определения результатов выборов, с возможностью проверки криптографических доказательств корректности бюллетеней и расшифровки суммарного бюллетеня.

Правовой статус наблюдателей ДЭГ в настоящий момент в достаточной мере не урегулирован, что создает фактическую возможность для ограничения администраторами программно-технического комплекса доступа к portalу наблюдения и объема получаемой наблюдателями информации. Поэтому правовое закрепление имеющихся фактических возможностей наблюдателей обеспечит гарантии беспрепятственного достижения наблюдателями своих задач.

¹³ См.: Кутейников Д. Л. Особенности применения технологий распределенных реестров и цепочек блоков (блокчейн) в народных голосованиях. Актуальные проблемы российского права, 2019. № 9. С. 41–52.

¹⁴ См.: Рыбин А. В. Преимущества и недостатки дистанционного электронного голосования: перспектива или тупик? Электоральная политика, 2022. № 1. С. 1.

¹⁵ См.: Реут Д. А. Цифровая демократия сегодня. Избирательное законодательство и практика, 2020. № 3. С. 13.

Пункт 10.8 Порядка ДЭГ 2022 установил, что наблюдателям обеспечивается возможность получения цепочек блоков информации распределенной базы данных ПТК ДЭГ (блокчейне. — *Прим. автора.*), содержащей результаты волеизъявления участников ДЭГ и данные об итогах дистанционного электронного голосования, контроля неизменности и сохранности результатов волеизъявления участников ДЭГ, контроля достоверности установления итогов дистанционного электронного голосования.

Необходимо отметить, что операции в блокчейне могут быть разными: загрузка списка избирателей, выдача пустого бюллетеня избирателю, получение заполненного бюллетеня от избирателя, установление итогов голосования и т. п. Все операции (транзакции), осуществляемые в блокчейне, группируются в блоки. Блоки генерируются в течение определенного интервала и включают в себя транзакции, которые за данный период времени были сформированы. Информация в каждом блоке зашифрована. Каждый новый блок в системе имеет кодированную информацию (хеш) о предыдущем блоке. Соответственно, блоки связаны между собой. Изменение информации в одном блоке отразится на других блоках информации, что позволяет отслеживать изменения в блокчейне¹⁶.

Наблюдателям за ДЭГ не требуется физического присутствия в избирательных комиссиях, что является существенным отличием от «бумажного» голосования. Наблюдателю за ДЭГ необходимо удаленное рабочее место и специальное программное обеспечение, позволяющее просматривать содержимое блокчейна.

Для портала наблюдения с 2021 г. опубликовываются специальные утилиты (программы) для скачивания и проверки блоков транзакций. Безусловно, наблюдатель должен быть теоретически и практически подготовлен, поскольку от его экспертных знаний будут зависеть дальнейшие действия кандидата\избирательного объединения, назначивших наблюдателя.

При анализе работы системы блокчейн наблюдателям доступны сведения о выдаче и получении бюллетеней (технические метрики), время генерации по блокам. Наблюдатель анализирует график распределения голосов во времени в целях поиска аномалий. Посредством программного обеспечения наблюдатели получают выгрузки из блокчейна, в том числе транзакции о фактах получения избирателем бюллетеня и принятии системой бюллетеня (избиратель проголосовал) (п. 3.8 Порядка ДЭГ 2022). Скачиваемые наблюдателями данные представлены в зашифрованном виде. При просмотре транзакций невозможно идентифицировать избирателя и сделанный им выбор, поскольку содержимое бюллетеней находится в зашифрованном виде.

После завершения голосования наблюдатель получает все содержимое блокчейна, список участников ДЭГ, которым была выдана подпись вслепую, список соответствия СНИЛС участников ДЭГ и их идентификаторов в ЕСИА.

После объявления результатов голосования можно проверить их: скачать транзакции еще раз. Убедиться, что количество транзакций не изменилось, поскольку добавятся только транзакции по расшифровке бюллетеней. Также с помощью специального программного обеспечения возможно еще раз проверить неизменность содержимого бюллетеней. Кроме того, утилиты проверяют зашифрованные значения подписи системы и слепой подписи, полученной участником ДЭГ. Полагаем, что если произошла подмена электронных бюллетеней, то у таких бюллетеней значения подписи системы и слепой подписи не пройдут проверку, и в отношении таких бюллетеней утилита выдаст ошибку. Наблюдатель с использованием специального программного обеспечения повторяет алгоритм компонента комплекса по установлению итогов голосования: суммирует все валидные бюллетени, проверяет доказательства корректности расшифровки и сравнивает с итогами (п. 1.1.2.7 Описания протокола ПТК ДЭГ).

Одним из математических доказательств, подлежащих проверке, является «доказательство корректности расшифровки» (п. 1.2.5 Описания протокола ПТК ДЭГ). Задачей этого доказательства является подтверждение факта, что результат расшифровки действительно получен с помощью ключа расшифровки. Кроме того, проверяется доказательство корректности содержимого бюллетеней. Доказательство позволяет убедить проверяющего, что значение открытого текста, соответствующего определенному шифртексту, принадлежит диапазону возможных значений (п. 1.2.4 Описания ПТК ДЭГ). Данное доказательство иначе называют «доказательство с нулевым разглашением». Оно позволяет доказать, что результаты расшифровки получены именно из суммы бюллетеней, находящихся в системе. Голоса избирателей на всех этапах голосования являются зашифрованными, а для проверки правильности расшифровки публикуется доказательство с нулевым разглашением.

Проверка неизменности информации в блокчейне на выборах в 2021–2022 гг. с использованием ФГИС реализовывалась через механизм Общественной палаты РФ «цифровой сейф-пакет». До начала голосования на жесткий диск выгружалась информация об избирателях. По окончании каждого дня голосования делалась выгрузка всех данных блокчейна. Проверялось сходство баз данных за каждый день голосования и по итогам голосования. Информация записывалась на два жестких диска в целях дополнительной гарантии безопасности материальных носителей. Жесткие диски хранились в опломбированном сейф-пакете в прозрачном закрытом на ключ сейфе. Сейф находился под круглосуточным видеонаблюдением. Вскрытие и демонстрация сейф-пакетов после завершения голосования осуществляется в присутствии представителей СМИ и общественности¹⁷.

¹⁶ См.: *Туманян Г. В.* Влияние блокчейн технологий на избирательные институты в рамках «сервисной» модели государства и концепции партисипативного управления. *Гражданин. Выборы. Власть*, 2020. № 1 (15). С. 24. EDN: ZAUMZT

¹⁷ См.: *Электронный сейф для электронных голосов* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mvestnik.ru/newslet/elektronnyj-sejfdlya-elektronnyh-golosov> (дата обращения: 24.10.2022).

При анализе баз данных проверке подлежит факт отсутствия бюллетеней, которых не было в выгрузках из блокчейна за предыдущие периоды. Сходство информации за определенный период разных по времени выгрузок из блокчейна означает, что не было вбросов/удалений информации из блокчейна в отношении данного периода, в который записаны транзакции.

Относительно риска вбросить или исказить данные бюллетеней в блокчейне можно отметить следующее. Если за гражданина проголосовали до того момента, как он сам осуществил голосование, то при попытке проголосовать система должна его уведомить, что он уже проголосовал. В случае если голос избирателя будет подменен, это будет заметно при сверке данных, которые будут отличаться. У избирателя будет одна по содержанию транзакция. Фальсифицированная (подмененная) транзакция избирателя в ПТК ДЭГ будет иметь другое содержание, так как шифрование волеизъявления выполняется на устройстве избирателя и каждое шифрование уникально.

Традиционно наименее рискованной формой голосования считается голосование на УИК. Концентрация всех действий на избирательном участке позволяет следить за основными объектами (действиями членов избирательной комиссии, списками избирателей, бюллетенями), что снижает риск вмешательства недобросовестных лиц в избирательный процесс¹⁸. При этом необходимо помнить, что и эта форма голосования имеет риск искажения результатов волеизъявления избирателей¹⁹. К примеру, подмена ночью сейф-пакетов при многодневном голосовании в отсутствие видеонаблюдения на участке. Или вброс бюллетеней при «надомном» голосовании с подделыванием заявлений для голосования вне помещений для голосования и реестра «надомников». Зачастую выявить такие фальсификации наблюдателям непросто.

Принципиально отличается ситуация в электронном голосовании²⁰. Все действия, осуществляемые в системе блокчейн, оставляют свой цифровой след. У наблюдателя ДЭГ есть возможность получить все транзакции (операции), осуществляемые в системе блокчейн, и проверить их.

По мнению заместителя председателя ТИК ДЭГ О. Н. Артамонова, в 2021 г. в качестве наблюдателей в помещениях ОП РФ и ТИК ДЭГ работало 5 человек. В 2022 г. количество наблюдателей увеличилось до 109 человек, что свидетельствует о 20-кратном росте числа наблюдателей за федеральной системой. Отсутствовали критические замечания по функционированию программно-технического комплекса, обеспечивающего наблюдение²¹.

Наблюдателю обеспечивается фактическая возможность просматривать содержимое блокчейна, а также выполнять соответствующие проверки по окончании голосования. Между тем данные возможности, как и порядок осуществления наблюдения за ДЭГ, нуждаются в дополнительной правовой регламентации. За время проведения ДЭГ с применением ФГИС нарушений, которые исказили бы волеизъявление избирателей, наблюдателями пока выявлено не было. Отсутствие критических нарушений на данном этапе развития ДЭГ можно попытаться объяснить сложностью процесса фальсификации электронного голосования. Между тем фактические возможности наблюдателя за ДЭГ по получению и проверке информации из блокчейна зависят от администраторов программно-технического комплекса ДЭГ, предоставляющих доступ наблюдателям к порталу наблюдения. Любое ограничение наблюдателей в правах доступа к системе может отразиться на объеме и корректности получаемой наблюдателями информации. Соответственно, должен быть нормативно закреплен объем предоставляемой наблюдателю за ДЭГ информации, способы проверки такой информации, а также ответственность должностных лиц за непредставление данной информации, в целях предотвращения ограничения прав наблюдателей за ДЭГ на получение информации и соблюдения гарантий по контролю за легитимностью порядка ДЭГ.

Таким образом, наблюдатели за ДЭГ выполняют важную роль по контролю за функционированием системы блокчейн, как особенно важного элемента ПТК ДЭГ, в том числе по проверке неизменности содержащейся в блокчейне информации и правильности установления итогов голосования.

Заключение. Реализация электронного голосования в России не имеет клише и зависит от уровня развития правового регулирования и техники в данной области²². Относительно наблюдателей и участников ДЭГ выявлено несовершенство закрепления их правовых гарантий в системе дистанционного электронного голосования.

Особенности статуса участника ДЭГ обуславливают необходимость разработки дополнительных законодательных положений для избирателей, поскольку реализация активного избирательного права посредством ДЭГ имеет значительные отличия от голосования на избирательном участке. Нормативно должен быть закреплен принцип идентификации, поскольку он закрепляет право проголосовать дистанционно только за избирателем, личность которого достоверно подтверждена в предусмотренном законом порядке. Возможность проверки своего голоса

¹⁸ См.: *Рыбин А. В.* Преимущества и недостатки дистанционного электронного голосования: перспектива или тупик? Электоральная политика, 2022. № 1 (7). С. 1. EDN: EIRLTR

¹⁹ См.: *Новиков П. А., Гаджиев Ш. Р., Кружилин Н. П.* Правовое регулирование и перспективы развития электронного голосования на выборах. Гражданин. Выборы. Власть, 2021. № 3 (21). С. 172.

²⁰ См.: *Алексеев Р. А., Абрамов А. В.* Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом. Гражданин. Выборы. Власть, 2020. № 1 (15). С. 11.

²¹ См.: ДЭГ 2022: первые итоги [Электронный ресурс]. URL: <https://evoting.digitaldem.ru/2022/09/15/deg-2022> (дата обращения: 24.10.2022).

²² См.: *Акчурин А. Р.* Цифровизация избирательного процесса — ключевой вектор развития института выборов в России. Гражданин. Выборы. Власть, 2022. № 3 (25). С. 121.

в электронной системе также является одной из фундаментальных гарантий, присущих ДЭГ и отсутствующих в иных формах голосования.

Качественное изменение сущности наблюдения в ДЭГ требует введения нового понятия «наблюдатель за ДЭГ». В целях совершенствования правового статуса наблюдателя за ДЭГ необходимо законодательно расширить объем прав наблюдателя, в том числе право на получение информации из системы блокчейн в установленном объеме, нормативно закрепить алгоритмы проверки данной информации, ответственность уполномоченных лиц за отказ предоставлять информацию наблюдателю или ограничение в правах наблюдателя по электронному доступу к информационным системам. Смещение фокуса наблюдения с деятельности избирательных комиссий в сторону функционирования программного комплекса предопределяет закрепление соответствующих правовых гарантий для наблюдателя.

Литература

1. *Акчурин А. Р.* Цифровизация избирательного процесса — ключевой вектор развития института выборов в России. *Гражданин. Выборы. Власть*, 2022. № 3 (25). EDN: UVLLHN
2. *Алексеев Р. А., Абрамов А. В.* Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом. *Гражданин. Выборы. Власть*, 2020. № 1 (15).
3. *Головин А. Г.* О некоторых аспектах концепции делегирования власти народом в контексте развития технологий дистанционного электронного голосования. *Избирательное законодательство и практика*, 2021. № 2. EDN: SAYBDR
4. *Игнатов А. В.* Правовые аспекты дистанционного электронного голосования. *Избирательное законодательство и практика*, 2021. № 1. EDN: UWZPTJ
5. *Кутейников Д. Л.* Особенности применения технологий распределенных реестров и цепочек блоков (блокчейн) в народных голосованиях. *Актуальные проблемы российского права*, 2019. № 9. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.106.9.041-052>
6. *Новиков П. А., Гаджиев Ш. Р., Кружилин Н. П.* Правовое регулирование и перспективы развития электронного голосования на выборах. *Гражданин. Выборы. Власть*, 2021. № 3 (21). EDN: UFYAPW
7. *Реут Д. А.* Цифровая демократия сегодня. *Избирательное законодательство и практика*, 2020. № 3. EDN: EJUQL
8. *Рыбин А. В.* Преимущества и недостатки дистанционного электронного голосования: перспектива или тупик? *Электоральная политика*, 2022. № 1. EDN: EIRLTR
9. *Рыбин А. В.* Защита результатов волеизъявления избирателей при дистанционном электронном голосовании. *Гражданин. Выборы. Власть*, 2022. № 3 (25).
10. *Туманян Г. В.* Влияние блокчейн технологий на избирательные институты в рамках «сервисной» модели государства и концепции партисипативного управления. *Гражданин. Выборы. Власть*, 2020. № 1 (15). EDN: ZAUMZT
11. *Чупилкина А. Ф., Буравов И. С.* Проблемы соблюдения избирательных прав при проведении интернет-голосования. *Конституционное и муниципальное право*, 2022. № 4. EDN: FZVJJK
12. *Хорунжий С. Н.* Тайна электронного голосования: от анонимности к конфиденциальности. *Гражданин. Выборы. Власть*, 2021. № 2 (20). EDN: RRSEJX

References

1. Akchurin, A. R. Digitalization of the electoral process is a key vector in the development of the institution of elections in Russia [Tsifrovizatsiya izbiratel'nogo protsessa — klyuchevoj vektor razvitiya instituta vyborov v Rossii]. *Citizen. Elections. Power [Grazhdanin. Vyborny. Vlast']*, 2022. No. 3 (25). Pp. 120–128. (In Rus.)
2. Alekseev, R. A., Abramov, A. V. Problems and prospects of using electronic voting and blockchain technology in elections in Russia and abroad [Problemy i perspektivy primeneniya ehlektronnogo golosovaniya i tekhnologii izbiratel'nogo blokchejna v Rossii i za rubezhom]. *Citizen. Elections. Power [Grazhdanin. Vyborny. Vlast']*, 2020. No. 1 (15). Pp. 9–21. (In Rus.)
3. Golovin, A. G. On some aspects of the concept of power delegation by the people in the context of the development of technologies for remote electronic voting [O nekotorykh aspektakh kontseptsii delegirovaniya vlasti narodom v kontekste razvitiya tekhnologij distantsionnogo ehlektronnogo golosovaniya]. *Electoral legislation and practice [Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika]*, 2021. No. 2. Pp. 3–13. (In Rus.)
4. Ignatov, A. V. Legal aspects of Remote electronic voting [Pravovye aspekty distantsionnogo ehlektronnogo golosovaniya]. *Electoral legislation and practice [Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika]*, 2021. No. 1. Pp. 10–15. (In Rus.)
5. Kuteynikov, D. L. Peculiarities of application of technologies of distributed registers and blockchain (blockchain) for the popular vote [Osobennosti primeneniya tekhnologij raspredelennykh reestrov i tsepochek blokov (blokchein) v narodnykh golosovaniyakh]. *Actual Problems of Russian Law [Aktual'nye problemy rossijskogo prava]*, 2019. No. 9. Pp. 41–52. (In Rus.)

6. Novikov, P. A., Gadzhiev, Sh. R., Kruzhilin, N. P. Legal regulation and prospects for the development of electronic voting in elections [Pravovoe regulirovanie i perspektivy razvitiya ehlektronnogo golosovaniya na vyborakh]. Citizen. Elections. Power [Grazhdanin. Vybory. Vlast'], 2021. No. 3 (21). Pp. 163–174. (In Rus.)
7. Reut, D. A. Digital Democracy Today [Tsifrovaya demokratiya segodnya]. Electoral legislation and practice [Izбирatel'noe zakonodatel'stvo i praktika], 2020. No. 3. Pp. 9–15. (In Rus.)
8. Rybin, A. V. Advantages and disadvantages of remote electronic voting: prospect or dead end? [Preimushhestva i nedostatki distantsionnogo ehlektronnogo golosovaniya: perspektiva ili tupik?]. Electoral Politics [Ehlektoral'naya politika], 2022. No. 1. P. 1. (In Rus.)
9. Rybin, A. V. Protection of the results of the will of the voters with remote electronic voting [Zashhita rezul'tatov voleiz'yavleniya izbiratelej pri distantsionnom ehlektronnom golosovanii]. Citizen. Elections. Power [Grazhdanin. Vybory. Vlast'], 2022. No. 3 (25). Pp. 161–175. (In Rus.)
10. Tumanyan, G. V. The influence of blockchain technologies on election institutions within the framework of the “service” model of the state and the concept of participatory management [Vliyaniye blokchejn tekhnologij na izbiratel'nye instituty v ramkakh “servisnoj” modeli gosudarstva i kontseptsii partisipativnogo upravleniya]. Citizen. Elections. Power [Grazhdanin. Vybory. Vlast'], 2020. No. 1 (15). Pp. 22–33. (In Rus.)
11. Chupilkina, A. F., Buravov, I. S. Problems of observance of electoral rights in carrying out of internet voting [Problemy soblyudeniya izbiratel'nykh prav pri provedenii internet-golosovaniya]. Constitutional and Municipal Law [Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo], 2022. No. 4. Pp. 50–52. (In Rus.)
12. Khorunzhiy, S. N. The secrecy of the ballot: from anonymity to confidentiality [Tajna ehlektronnogo golosovaniya: ot anonimnosti k konfidentsial'nosti]. Citizen. Elections. Power [Grazhdanin. Vybory. Vlast'], 2021. No. 2 (20). Pp. 54–62. (In Rus.)

Актуальные проблемы международно-правовой охраны авторских прав

Шварц Лариса Владимировна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доцент кафедры правоведения, кандидат юридических наук, доцент;

e-mail: shvarts-iv@ranepa.ru.

Бурова Софья Михайловна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; юридический факультет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

обучающаяся юридического факультета;

e-mail: sburova-20@edu.ranepa.ru.

Аннотация

В статье уровень международной авторско-правовой охраны исследован в ракурсе таких аспектов, как срочный характер охраны авторских прав и возможность применения института принудительной лицензии. С этой целью анализу подвергаются нормы, направленные на защиту правообладателей в Российской Федерации, СНГ, Европейском союзе и других зарубежных странах, в частности в США. Отражены важнейшие международные конвенции в области охраны авторских и смежных прав. Показана правовая база деятельности судов в трансграничных авторских отношениях. Выявлены актуальные проблемы международного частного права по совершенствованию материально-правового и коллизионного правового регулирования в данной области. Сделанный анализ позволяет предположить, что установление общих критериев к исчислению срока охраны авторских прав в едином унифицированном акте обусловлено необходимостью сочетания частных и публичных интересов при использовании результатов интеллектуальной деятельности и их исключительной важностью для глобализации мирового экономического и культурного пространства. Рассуждения о возможном введении принудительных лицензий на авторские продукты иностранных компаний по аналогии с уже предусмотренными ст. 1362 ГК РФ для объектов патентного права приводят авторов к выводу о том, что механизм принудительной лицензии не должен занять постоянное место в регулировании интеллектуальной собственности, так как существенно не поможет в снижении экономических рисков и потерь.

Ключевые слова: авторское право, защита авторских прав, международная охрана авторского права, срок охраны авторских прав, принудительная лицензия.

Для цитирования: Шварц Л. В., Бурова С. М. Актуальные проблемы международно-правовой охраны авторских прав. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 60–67. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-60-67. EDN: DPGAGC

Current Problems of International Legal Copyright Protection

Larisa V. Shvarts, The North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)
PhD in Jurisprudence, Associate Professor; e-mail: shvarts-iv@ranepa.ru.

Sofya M. Burova, The North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)
Student of the Faculty of Law; e-mail: sburova-20@edu.ranepa.ru.

Abstract

The article examines the level of international copyright protection from the perspective of such aspects as the urgent nature of copyright protection and the possibility of applying the institution of compulsory license. To this end,

the norms aimed at protecting copyright holders in the Russian Federation, the CIS, the European Union and other foreign countries, in particular, in the USA, are analyzed. The most important international conventions in the field of copyright and related rights protection are reflected. The legal basis of the activity of courts in cross-border copyright relations is shown. The actual problems of private international law on the improvement of substantive and conflict-of-laws legal regulation in this area are identified. The analysis suggests that the establishment of common criteria for calculating the term of copyright protection in a single unified act is due to the need to combine private and public interests in using the results of intellectual activity and their exceptional importance for the globalization of the world economic and cultural space. Arguments about the possible introduction of compulsory licenses for copyrighted products of foreign companies, by analogy with those already provided for in Article 1362 of the Civil Code of the Russian Federation for objects of patent law, lead the authors to the conclusion that the mechanism of compulsory license should not take a permanent place in the regulation of intellectual property, since it will not significantly help in reducing economic risks and losses.

Keywords: copyright, copyright protection, international copyright protection, term of copyright protection, compulsory license.

For citation: Shvarts L. V., Burova S. M. Current Problems of International Legal Copyright Protection. Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya], 2024. No. 1. Pp. 60–67. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-60-67. EDN: DPGAGC

Авторское право — динамическая отрасль права, постоянно развивающаяся и совершенствующаяся. Ее императивное регулирование осложнено двумя факторами. Во-первых, авторское право неотрывно связано с творчеством — оно регламентирует правоотношения касательно результатов творческой деятельности, что требует очень тонкого понимания всех особенностей объектов авторских прав, а также бережной защиты их первичных правообладателей. Во-вторых, регламентация данных правоотношений производится на международном уровне с детализацией в национальных законодательствах, что приводит к разночтениям, связанным с тем, что в разных государствах существуют различные модели охраны авторских прав, а где-то они отсутствуют вообще.

В статье будут подсвечены две проблемы. Первая — классический конфликт, связанный со сроками охраны объектов авторских прав, которые не определены на конвенциональном уровне и разнятся от государства к государству, что порождает неоднозначную судебную практику при трансграничных конфликтах. И вторая — новая проблема российского правопорядка, заключающаяся в применении института принудительных лицензий в авторском праве с целью использования произведений, которые на сегодняшний день недоступны ввиду санкций и политических решений «недружественных» государств.

Сроки охраны объектов авторских прав

К целям международных конвенций относится установление минимального срока охраны авторских прав. Так, Всемирная конвенция охраняет произведение на протяжении всей жизни автора, а также устанавливает 25-летний срок охраны авторских прав после его смерти¹. Бернская конвенция устанавливает более длительный срок охраны авторских прав на произведение после смерти автора — по общему правилу 50 лет². Однако в положении Бернской конвенции специально оговаривается, что страны-участницы могут установить срок охраны, превышающий 50 лет. Так, страны ЕС, Россия, Великобритания и другие установили 70-летний срок охраны авторских прав по общему правилу.

П. 8 ст. 7 Бернской конвенции устанавливает, что срок охраны авторских прав определяется законом страны, «в которой истребуется охрана», он не должен превышать срок охраны страны происхождения произведения. Например, произведение, впервые опубликованное в Республике Беларусь, подлежит охране в России не в течение 70 лет, а в течение 50, поскольку такой срок установлен национальным законодательством.

Однако на практике возникает вопрос о сроках охраны произведения, национальным законодательством которого установлен более длительный срок, чем 50 и даже 70 лет.

В 1998 г. медиакорпорация Disney лоббировала изменения в законодательство в части срока охраны объектов авторского права. Итогом многочисленных споров и обсуждений стало то, что Конгресс США принял закон, продляющий срок защиты авторских прав для работ, созданных по найму (служебных произведений). А сделано это было

¹ Всемирная конвенция об авторском праве (заключена в г. Женеве 06.09.1952). Собрание постановлений Правительства СССР, 1973. № 24. Ст. 139.

² Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (заключена в г. Берне 09.09.1886) (с изм. от 28.09.1979). Бюллетень международных договоров, 2003. № 9. С. 3–34.

потому, что срок охраны авторского права на изображение знаменитого персонажа Микки Мауса³ истек в 2003 г. Таким образом, без решения о необходимости изменения законодательства персонаж Микки Маус, имеющий яркую принадлежность компании Disney, в 2024 г. превратится в объект общественного достояния.

Но стоит вернуться к п. 8 ст. 7 Бернской конвенции и обратить внимание на положение о применении национального права в стране, в которой истребуется охрана. В связи с этим возникает дискуссионный вопрос — является ли Микки Маус охраняемым объектом авторского права на территории государств, где предполагается более короткий срок охраны — например, 70 лет? А также — какое значение было заложено в понятие «страна, в которой истребуется охрана» применительно к определению сроков охраны объектов авторских прав?

Если обратиться к отечественному законодательству, а именно к актуальной редакции Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), то в ст. 1256 обнаружим два условия распространения сроков охраны на произведения в соответствии с международными договорами: произведение не перешло в общественное достояние в стране происхождения вследствие истечения установленного в такой стране срока охраны и произведение также не является общественным достоянием в России вследствие истечения предусмотренного ГК РФ срока действия исключительного права на него.

Применительно к данному кейсу нам видится, что персонаж Микки Маус в варианте 1928 г. как объект авторского права уже не подлежит охране на территории Российского государства и в ряде других стран, где истребуется охрана и срок охраны меньше, чем в США. Кроме того, в данном случае применим национальный принцип охраны авторских прав, что подтверждается содержащимся в ст. 5 Бернской конвенции положением о том, что объем охраны, равно как и средства защиты, предоставляемые автору для охраны его прав, регулируются исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана.

Так, разрешая спор между российским гражданином и юридическим лицом Великобритании, апелляционный арбитражный суд постановил, что в отношении исключительных прав на произведение юридического лица Великобритании на территории Российской Федерации будет применяться национальное законодательство⁴.

В то же время принцип *lex loci protectionis* (закон государства, где испрашивается охрана) относится к специальным коллизионно-правовым принципам, и его толкование как в доктринальных, так и в правовых текстах имеет несколько вариаций, которые в своей работе отразила О. В. Луткова⁵.

Во-первых, право государства, для которого (в отношении которого) истребуется охрана. Данное толкование подразумевает применение права того государства, на территории которого возник юридический эффект, из которого возникла потребность в защите авторских прав. В данном случае имеется в виду право государства, применительно к которому требуется восстановление нарушенного права, причем само нарушение может быть совершено в другой юрисдикции. Такое положение содержится в Регламенте Европейского союза о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам от 2007 года⁶. Так, согласно п. 1 ст. 8 «правом, подлежащим применению к внедоговорному обязательству, возникающему вследствие нарушения права интеллектуальной собственности, является право страны, применительно к которой предъявляется требование о защите».

Аналогичным образом это положение отражено в § 48 главы VI о правах интеллектуальной собственности Закона Венгрии XXVIII от 2017 г. о международном частном праве (создание, содержание, прекращение и принудительное исполнение авторских прав регулируется законодательством государства, где требуется защита)⁷; в ч. 1 ст. 110 Закона Швейцарии о международном частном праве (к правам интеллектуальной собственности применяется право государства, на территории которого испрашивается охрана)⁸; в п. 1 ст. 38 Закона Лихтенштейна о международном частном праве (возникновение, содержание и погашение прав на нематериальное

³ Примечание. Персонажи могут быть самостоятельными объектами авторских прав при условии обладания признаками, делающими их узнаваемыми отдельно от произведения. Подробнее об этом см.: *Иванов Н. В.* Правовая охрана части произведения. Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2021. № 1. С. 99–113; *Копылов А. Ю.* Персонаж произведения как объект авторских прав: автореф. дисс. канд. юрид. наук. Томск. 2021. 29 с.; *Шварц Л. В.* Правовой режим охраны юридически значимых элементов литературного произведения / Л. В. Шварц, Е. С. Дерябина. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2021. № 3. С. 36–41.

⁴ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2020 № 15АП-1686/2020 по делу № А32-51737/2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=188232#0751410057613665> (дата обращения: 28.10.2023).

⁵ *Луткова О. В.* Системообразующие принципы в общей классификации принципов правового регулирования трансграничных авторских отношений. Актуальные проблемы российского права, 2018. № 4. С. 159–169.

⁶ Регламент № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам (Рим II). Перевод А. О. Четверикова [рус., англ.] [Электронный ресурс]. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/reglament-864-2007-evropejskogo-parlamenta-i-soveta-ot-11-iyulya-2007-g-o-prave-podlezhashhem-primeneniyu-k-vnedogovornym-obyazatelstvam-rim-ii-perevod-a-o-chetverikova/> (дата обращения: 28.10.2023).

⁷ Закон Венгрии XXVIII от 2017 года о международном частном праве [Электронный ресурс]. URL: https://ats.msk.ru/docs/paktika/Zakon_Vengrii_2017.pdf%0057613665 (дата обращения: 28.10.2023).

⁸ Федеральный закон о международном частном праве 1987 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042901> (дата обращения: 28.10.2023).

имущество определяются согласно праву государства, в котором осуществляется действие по их использованию или нарушению)⁹.

То есть в рамках данного толкования идет речь о праве государства, на территории которого правообладатель желает использовать объект авторского права и защитить свое право от посягательств.

Во-вторых, право страны, где истребуется защита. Такая позиция содержится в Модельном гражданском кодексе для стран СНГ в ст. 1232 — «к правам на интеллектуальную собственность применяется право страны, где испрашивается защита этих прав»¹⁰, а также в гражданских кодексах ряда стран СНГ, например, согласно ст. 1115 Гражданского кодекса Белоруссии к личным неимущественным правам применяется право страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о защите таких прав¹¹.

Однако такая позиция не представляется исчерпывающей, поскольку сужает применение национальных норм до разрешения споров относительно нарушения авторских прав, когда и возникает потребность в их защите.

В-третьих, закон места причинения вреда. Такое толкование характерно для японской правовой системы, что отражено в ее юридических актах и доктрине, однако оно не обеспечивает в достаточной степени защиту авторских прав в рамках международных частноправовых отношений, поскольку может послужить основанием для наступления ответственности за действия, которые не признаются противоправными в государствах, в которых авторские права получили юридический эффект. Так, ст. 17 Закона Японии об общих правилах применения законов гласит, что возникновение и действие требований, являющихся результатом деликта, регулируются правом места, где возникли результаты действий, повлекших ущерб. Однако в качестве субсидиарного правила установлено, что если появление результатов в таком месте обычно было бы непредвиденным, то они регулируются правом места, где произошли действия, причинившие ущерб.

Следует согласиться с мнением О. В. Лутковой, которая, резюмируя различия в толковании формулировки ч. 2 ст. 5 Бернской конвенции, пришла к выводу, что в большинстве национальных законодательств стран — участниц Бернского союза — формулировка «страна, в которой истребуется защита» закрепляется как принцип «закон государства, для которого истребуется защита».

Так, АО «Первый канал. Всемирная сеть», чьи авторские права были нарушены в США в результате несанкционированной трансляции видеоконтента, получило компенсацию в размере 1,1 млн долларов. Федеральный суд Южного округа Нью-Йорка в своем решении установил нарушение раздела 605 (а) Федерального закона о коммуникациях. Данный кейс также свидетельствует о применении права государства, в котором истребуется защита¹².

В свою очередь Л. В. Терентьева отмечает, что анализ судебной практики показывает, что суды зарубежных стран избирают право страны, где истребуется охрана и которое зачастую неверно синонимизируют с правом страны суда¹³.

В рамках дискуссии о сроках охраны авторских прав в условиях трансграничных отношений представляется необходимым затронуть проблему обратной силы Бернской конвенции и возможность применения ее положений к произведениям, ставшим общественным достоянием. Как отмечает О. А. Городов, режим общественного достояния может применяться к имеющим информационную природу результатам интеллектуальной деятельности, в отношении которых не установлено исключительное имущественное право на их использование или истек срок его действия¹⁴.

Ч. 1 ст. 18 содержит положение о том, что нормы Бернской конвенции должны применяться ко всем произведениям, которые к моменту ее вступления в силу не стали еще общественным достоянием в стране происхождения вследствие истечения срока охраны. При этом ч. 2 Конвенции содержит специальную оговорку, согласно которой, если произведение вследствие истечения срока охраны стало общественным достоянием в стране, в которой истребуется охрана, то охрана этого произведения не возобновляется.

Первый прецедент непредставления охраны произведению, перешедшему в общественное достояние в стране охраны, то есть без обратной силы, был создан США. Вступление в Бернский союз произошло на следующих

⁹ Закон Лихтенштейна о международном частном праве 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042801> (дата обращения: 28.10.2023).

¹⁰ Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств. Часть третья (Принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 на VII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1996. № 10. С. 3–84.

¹¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения: 28.10.2023).

¹² Ущерб структуре «Первого канала» от нарушения авторских прав в США оценили в \$1,1 млн [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20221121/308492301.html (дата обращения: 02.11.2023).

¹³ Терентьева Л. В. Коллизионное регулирование авторских отношений в условиях развития Интернета (на примере России, США и Японии). Право. Журнал Высшей школы экономики, 2013. № 3. С. 155.

¹⁴ Городов О. А. Общественное достояние как правовой режим результатов интеллектуальной деятельности. Патенты и лицензии. Интеллектуальные права, 2017. № 4. С. 10.

условиях: «раздел 17 Свода Законов США в редакции настоящего Закона не предоставляет авторско-правовой охраны каким-либо произведениям, находящимся в общественном достоянии США»¹⁵. Таким образом, США не предоставляли охрану любым произведениям, перешедшим в общественное достояние, а не только вследствие истечения сроков. Позднее данная оговорка была снята¹⁶.

Опыт России как участницы Бернского союза также связан с проблемой применения обратной силы. Так, Россия стала участницей Конвенции, ограничив применение ее положений и распространение на произведения, которые на дату вступления Конвенции в силу для России уже являются на ее территории общественным достоянием. При этом до 2004 г. ст. 28 Закона «Об авторском праве и смежных правах» относил к произведениям, перешедшим в общественное достояние, произведения, которым на территории Российской Федерации никогда не предоставлялась охрана. Стоит отметить, что нынешняя редакция ч. 4 ГК РФ предусматривает по общему правилу охрану произведения в течение 70 лет после смерти автора. В связи с этим в декабре 2012 г. Россия отозвала заявление, сделанное во время присоединения к Бернской конвенции, ввиду его несоответствия законодательству Российской Федерации¹⁷.

Также актуальным на сегодняшний день является вопрос о возможности предоставления охраны произведению в других странах, при условии отсутствия такой охраны в стране происхождения, то есть с «нулевым» сроком охраны.

Подобный прецедент сложился в рамках судебного процесса в США, инициатором которого стала компания Hasbro Bradley, предъявившая иск к компании Sparkle ввиду того, что последняя копировала и распространяла модели игрушек, производство которых Hasbro Bradley поручило японской компании. Компания Sparkle оперировала тем, что японское законодательство не предоставляет охрану продукции массового производства. Однако суд пришел к выводу о возможности охраны произведения американским законодательством, поскольку Япония является участником Всемирной конвенции¹⁸.

Однако согласно ст. 4 Всемирной конвенции, государство-участник не обязано обеспечивать охрану произведения в течение срока более продолжительного, чем срок, установленный для произведений в стране происхождения. Аналогичное положение содержится и в ст. 5 Бернской конвенции — «если законодательством этой страны не предусмотрено иное, этот срок не может превышать срок, установленный в стране происхождения произведения». Как отметила Л. В. Терентьева, комментируя данные нормы, ряд ученых пришел к выводу о том, что срок охраны произведения должен быть нулевым, если страна происхождения не предоставляет ему охрану, соответственно недопустимо превышение этого срока.

Однако нам представляется возможным различное толкования данных норм как Всемирной, так и Бернской конвенций, поскольку ни одна из них не содержит прямого запрета на увеличение срока охраны произведения в стране, где она истребуется.

Таким образом, в рамках научной дискуссии о сроках охраны авторских прав в трансграничных отношениях существует ряд актуальных проблем и вопросов, которые возникают в первую очередь ввиду различий в толковании коллизионных норм, содержащихся в Бернской и Всемирной конвенциях, а также неоднозначного подхода к охране авторского права в системе национального законодательства государств-участников. Это позволяет сделать вывод о том, что механизм установления минимального уровня охраны в рамках многосторонних соглашений не является совершенным и требует закрепления единого подхода в международных договорах без «развилки» для правоприменителя, в государстве которого предусмотрен иной порядок охраны объектов авторских прав, противоречащий конвенциональным нормам.

Следует отметить, что переход оригинального произведения в общественное достояние связан также с проблемой ограничения свободы творчества применительно к созданию «вторичных» произведений, так как истечение срока действия исключительного права позволяет свободно использовать это произведение, хотя и при условии обязательного соблюдения неимущественных прав автора первоначального произведения¹⁹.

Принудительная лицензия

Дискуссия о возможности применения института принудительной лицензии — разрешения, выданного органом государственной власти, на использование результата интеллектуальной деятельности вне зависимости от воли первичного правообладателя (автора), но с обязательной выплатой ему вознаграждения — в отношении автор-

¹⁵ Обратная сила закона об авторском праве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.km.ru/referats/FF1F1282B9B548FAABA4CB7D2730B6C3> (дата обращения: 02.11.2023).

¹⁶ *Пантелеева З. Ю.* Актуальные проблемы международной охраны авторских прав. Вестник Волжского университета им. В. Н. Тольцева. Тольятти: ВУИТ, 2008. Вып. 70. С. 26.

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 11.12.2012 № 1281 «Об отзыве заявления, сделанного при присоединении Российской Федерации к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений». Собр. законодательства РФ, 2012. № 51. Ст. 7216.

¹⁸ *Hasbro Bradley, Inc. v. Sparkle Toys, Inc.*, 780 F.2d 189 (2nd Cir. 1985) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/462597/hasbro-bradley-inc-v-sparkle-toys-inc/> (дата обращения: 02.11.2023).

¹⁹ *Исаева О. В.* Пределы свободы автора производного произведения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. С. 10.

ских прав не нова²⁰, однако особую актуальность ей придала геополитическая ситуация, развернувшаяся с февраля 2022 г.

Действительно, как в национальном законодательстве отдельных государств, так и в международных соглашениях можно обнаружить нормы, допускающие выдачу принудительной лицензии на объекты авторских прав. Например, Закон об авторском праве США предусматривает принудительное лицензирование в отношении фонограмм музыкальных произведений, при условии, что эти произведения распространялись ранее с согласия правообладателя.

Всемирная конвенция допускает выдачу принудительной лицензии на перевод письменных произведений по истечении 7 лет со дня его выпуска в свет, при условии, что это произведение не было переведено на национальный язык государства-участника, а гражданин, ходатайствующий о выдаче принудительной лицензии, принял все надлежащие меры, чтобы заключить лицензионный договор с правообладателем.

Бернская конвенция квалифицирует в качестве принудительной лицензии право государств устанавливать для себя оговорки и условия относительно осуществления исключительного права авторами литературных художественных и музыкальных произведений, специально оговаривая недопустимость применения этих положений в отношении кинематографической переделки. А также, как и Всемирная конвенция, допускает выдачу принудительной лицензии на перевод, но по истечении трехлетнего срока.

ГК РФ предусматривает возможность выдачи принудительной лицензии на объекты патентного права. При этом Кодекс не содержит прямого запрета на проведение такой процедуры в отношении объектов авторских права, поскольку ст. 1239 ГК РФ охватывает результаты интеллектуальной деятельности в целом.

В августе 2022 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 184016-8 «О внесении изменения в Федеральный закон “О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”» о расширении механизма принудительной лицензии, который предусматривал возможность выдачи принудительной лицензии на объекты авторских прав, если правообладатель необоснованно расторг лицензионный договор, а также если контент ранее не использовался на территории России. Также важно отметить, что действие такого механизма предполагалось только в отношении «недружественных» государств, список которых утвержден Правительством РФ²¹.

Этот законопроект дал почву для дискуссии о правомерности и целесообразности внесения подобных поправок в ГК РФ. В частности, против выступила ассоциация «Интернет-видео» (АИВ), которая объединяет крупные российские видеосервисы, такие как Okko, Start, Amediateka, Национальная федерация музыкальной индустрии (российские представительства Sony Music, Universal Music, Warner Music и другие компании), высказав опасение относительно падения качества услуг, а также снижения инвестиционной привлекательности российского рынка²².

С другой стороны, высказывается точка зрения о том, что принудительная лицензия призвана не допустить замедление культурного и общественного развития, восстановить права лицензиатов, нарушенные незаконным расторжением после 22 февраля 2022 г. лицензионного договора, а также не допустить распространения пиратства²³.

В России с 2022 г. наиболее активно заработал механизм параллельного импорта, однако, по заявлению Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, он не может быть распространен в отношении аудиовизуальных произведений, так как они не являются товарами в соответствии с классификатором Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности²⁴. Ограничение доступа к объектам авторских прав неминуемо повлекло развитие пиратства. Принудительная лицензия, вопреки расхожему мнению, могла бы создать базу для легального преодоления подобных ограничений. Во-первых, для получения лицензии необходимо обращение в суд как в уполномоченный орган; во-вторых, принудительная лицензия, как и любая другая, предусматривает уплату вознаграждения правообладателю. Однако здесь важно отметить, что, хотя большинство личных неимущественных и исключительных прав универсальны и непременно в той или иной форме содержатся в разных иностранных правовых порядках, право композитора на вознаграждение за использование музыкального произведения — исключительная особенность российского законодательства, не имеющая легитимации в правовых порядках других государств. Большинство мировых правовых порядков не признают право на последующее вознаграждение композитора как таковое²⁵.

²⁰ См., напр.: Пучнина М. М. Степень инкорпорации норм международного права о принудительных лицензиях в российское законодательство. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3 (50). С. 365; Стус Е. А. К вопросу о предоставлении принудительной лицензии на рынке лекарственных средств. Журнал предпринимательского и корпоративного права, 2023. № 3. С. 13–16.

²¹ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц». Собр. законодательства РФ, 2022. № 11. Ст. 174.

²² Принудительное лицензирование vs. объекты авторского права [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/legal/740350-prinuditelnoe-licenzirovanie-vs-obekty-avtorskogo-prava> (дата обращения: 02.11.2023).

²³ Принудительное лицензирование контента: мнение экспертов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/article/1566986/> (дата обращения: 02.11.2023).

²⁴ Минпромторг исключил внесение фильмов в список для параллельного импорта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6363de5c9a794746d43476d9> (дата обращения: 26.11.2023).

²⁵ Kreileand R., Becker J. The Legitimation, Practice and Future of Private Copying: a Paper Taking as an Example the System of Private Copying in Germany. Copyright Bulletin. 2003. Vol. XXXVII. No. 2. Pp. 4–6.

Опасения вызывают возможные ответные меры со стороны «недружественных» государств, например отключение ряда электронных ресурсов для российских пользователей. Применение механизма принудительной лицензии очень затруднительно в сфере IT, например, в отношении программного обеспечения, продуктов, требующих регулярного обновления. Так, Н. В. Щербак относит вопрос о трансформации информационных технологий в контексте переосмысления теоретической концепции интеллектуальных авторских и смежных прав к числу принципиальных, так и не получивших разрешения в российской цивилистике²⁶.

Итак, принудительная лицензия и ее применение в отношении объектов авторских прав допустимы в отношении отдельных видов объектов авторских прав, что находит подтверждение как в национальных, так и транс-национальных актах. Однако расширение сферы ее применения, в частности в России, в условиях санкционного режима может повлечь неоднозначные последствия. Для решения вопроса о внедрения такого механизма в правоприменительную практику необходимо рассмотрение не только чисто юридических, но и экономических аспектов²⁷, а именно оценить экономический эффект ввода в действие института принудительных лицензий в качестве временной меры в отношении объектов авторских прав.

Таким образом, правовое регулирование авторских прав в международных отношениях порождает ряд актуальных проблем. В частности, проблема, ставшая классической дилеммой об определении сроков охраны авторских прав, которая возникает ввиду различного толкования коллизионных норм и требует единого решения на уровне международного сообщества. И совершенно новая проблема российского правопорядка, связанная с текущей геополитической обстановкой, о применении существующих норм о принудительных лицензиях в отношении объектов авторских прав, что позволит снизить уровень пиратства, удовлетворить в части интерес авторов через выплату вознаграждения, а главное — поддержать уровень культурного развития нации.

Литература

1. *Городов О. А.* Общественное достояние как правовой режим результатов интеллектуальной деятельности. Патенты и лицензии. Интеллектуальные права, 2017. № 4. С. 10–18. EDN: YLJXON
2. *Иванов Н. В.* Правовая охрана части произведения. Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2021. № 1. С. 99–113. EDN: BIXDO
3. *Исаева О. В.* Пределы свободы автора производного произведения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 26 с. EDN: NQYQUW
4. *Копылов А. Ю.* Персонаж произведения как объект авторских прав: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2021. 29 с. DOI: 10.17223/15617793/449/29
5. *Луткова О. В.* Системообразующие принципы в общей классификации принципов правового регулирования трансграничных авторских отношений. Актуальные проблемы российского права, 2018. № 4. С. 159–169. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.89.4.159-169
6. *Пантелеева З. Ю.* Актуальные проблемы международной охраны авторских прав. Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Тольятти: ВУиТ, 2008. Вып. 70. С. 24–36. EDN: JTINCX
7. *Пучинина М. М.* Степень инкорпорации норм международного права о принудительных лицензиях в российское законодательство. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3 (50). С. 365–373. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2022/3/365-373
8. *Стус Е. А.* К вопросу о предоставлении принудительной лицензии на рынке лекарственных средств. Журнал предпринимательского и корпоративного права, 2023. № 3. С. 13–16. EDN: UOACVS
9. *Терентьева Л. В.* Коллизионное регулирование авторских отношений в условиях развития Интернета (на примере России, США и Японии). Право. Журнал Высшей школы экономики, 2013. № 3. С. 151–176. EDN: RYGFED
10. *Шварц Л. В., Дерябина Е. С.* Правовой режим охраны юридически значимых элементов литературного произведения. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2021. № 3. С. 36–41. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-3-36-41. EDN: NXUGEX
11. *Щербак Н. В.* Авторские и смежные права в системе интеллектуальных прав: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Москва. 2022. 60 с.
12. *Margono S.* National sovereignty on international patent application: government's use or compulsory licence policy. Russian Law Journal, 2023. Vol. XI. No. 5. Pp. 996–1008.
13. *Kreileand R., Becker J.* The Legitimation, Practice and Future of Private Copying: a Paper Taking as an Example the System of Private Copying in Germany. Copyright Bulletin, 2003. Vol. XXXVII. No. 2. Pp. 1–19.

²⁶ *Щербак Н. В.* Авторские и смежные права в системе интеллектуальных прав: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2022. С. 12.

²⁷ *Margono S.* National sovereignty on international patent application: government's use or compulsory licence policy. RUSSIAN LAW JOURNAL, 2023. Volume XI. Iss. 5. P. 996.

References

1. Gorodov, O. A. Public domain as a legal regime of the results of intellectual activity [Obshchestvennoe dostoyanie kak pravovoj rezhim rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti]. Patents and licenses. Intellectual property rights [Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava]. 2017. No. 4. Pp. 10–18. (In Rus.)
2. Ivanov, N. V. Legal protection of a part of the work [Pravovaya ohrana chasti proizvedeniya]. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii]. 2021. No. 1. Pp. 99–113. (In Rus.)
3. Isaeva, O. V. Limits of freedom of the author of a derivative work [Predely svobody avtora proizvodnogo proizvedeniya]: abstract. diss. ... cand. jurid. sciences [avtoref. diss. kand. jurid. nauk]. Moscow, 2023. 26 p. (In Rus.)
4. Kopylov, A. Yu. The character of a work of art as an independent object of copyright: theory and practice [Personazh proizvedeniya kak ob'ekt avtorskih prav]: abstract. dissertation of the candidate. jurid. sciences [avtoref. diss. kand. jurid. nauk]. Tomsk, 2021. 29 p. (In Rus.)
5. Lutkova, O. V. Cornerstone principles in general classification of cross-border copyright regulation [Sistemoobrazuyushchie principy v obshchej klassifikacii principov pravovogo regulirovaniya transgranichnyh avtorskih otnoshenij]. Actual problems of Russian law [Aktual'nye problemy rossijskogo prava], 2018. No. 4. Pp. 159–169. (In Rus.)
6. Panteleeva, Z. Yu. Actual problems of international copyright protection [Aktual'nye problemy mezhdunarodnoj ohrany avtorskih prav]. Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University [Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva]. Tol'yatti: VUiT, 2008. Vyp. 70. Pp. 24–36. (In Rus.)
7. Puchinina, M. M. Degree of incorporation of international law on compulsory licensing into Russian Legislation [Stepen' inkorporacii norm mezhdunarodnogo prava o prinuditel'nyh licenziyah v rossijskoe zakonodatel'stvo]. Proceedings of Voronezh State University [Bulletin of the Voronezh State University]. Series: Law. 2022. No. 3 (50). Pp. 365–373. (In Rus.)
8. Stus, E. A. On the issue of granting a compulsory license in the pharmaceutical market [K voprosu o predostavlenii prinuditel'noj licenzii na rynke lekarstvennyh sredstv]. Journal of Entrepreneurial and Corporate Law [Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava], 2023. No. 3. Pp. 13–16. (In Rus.)
9. Terentyeva, L. V. Conflict of laws regulation of copyright relations in the context of the development of the Internet (on the example of Russia, the USA and Japan) [Kollizionnoe regulirovanie avtorskih otnoshenij v usloviyah razvitiya Interneta (na primere Rossii, SSHA i Yaponii)]. Pravo. Journal of the Higher School of Economics [Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki], 2013. No. 3. Pp. 151–176. (In Rus.)
10. Shvarts, L. V., Deriabina, E. S. On the issue of pre-contractual liability qualification [Pravovoj rezhim ohrany yuridicheski znachimyh elementov literaturnogo proizvedeniya]. Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya], 2021. No. 3. Pp. 36–41. (In Rus.)
11. Shcherbak, N. V. Copyright and related rights in the system of intellectual property rights [Avtorskie i smezhnye prava v sisteme intellektual'nyh prav]: abstract. diss. ... doct. Jurid. Sciences [avtoref. diss. ... dokt. jurid. nauk]. Moscow, 2022. 60 p. (In Rus.)
12. Margono, S. National sovereignty on international patent application: government's use or compulsory licence policy. Russian Law Journal, 2023. Vol. XI. No. 5. Pp. 996–1008.
13. Kreileand, R., Becker, J. The Legitimation, Practice and Future of Private Copying: a Paper Taking as an Example the System of Private Copying in Germany. Copyright Bulletin, 2003. Vol. XXXVII. No. 2. Pp. 1–19.

Проблемы развития социального партнерства в сфере труда и защита трудовых прав наемных работников

Рашидова Асель Ибрагимовна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, юридический факультет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права; доцент кафедры гражданского права;
e-mail: aselisa@mail.ru.

Рашидова Лаура Анзоровна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, юридический факультет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
преподаватель факультета среднего профессионального образования; обучающаяся юридического факультета РГПУ им. А. И. Герцена;
e-mail: lauradushaev@gmail.com.

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема эффективности национальной модели социального партнерства в трудовой сфере в современных условиях политического, социального и экономического развития. Основываясь на отечественной практике, авторы подчеркивают значение социального партнерства в обеспечении баланса интересов наемных рабочих, предпринимателей и власти в пользу общества в целом. Авторы анализируют ключевые черты механизма социального партнерства в странах с развитой рыночной экономикой, выделяя приоритет применения мирных методов в разрешении социальных конфликтов, участие представителей наемных работников в управлении производством. В статье раскрываются причины недостаточной эффективности социального партнерства в России и предлагаются пути улучшения, подчеркивается необходимость активизации участия всех заинтересованных сторон в разработке достойных условий труда, сокращения безработицы и бедности и повышения конкурентоспособности экономики. В статье также отмечается слабость профсоюзного движения и недостаточное равноправие партнеров в сфере социально-трудовых отношений, предлагаются пути улучшения данной ситуации и активизации социального партнерства как ключевого инструмента обеспечения социальной справедливости и экономического развития. Авторами подчеркивается важность социального партнерства как неотъемлемого элемента социально-трудовых отношений и как ключевого фактора социальной стабильности и экономического прогресса.

Ключевые слова: социальное партнерство, труд, работники, трудовые отношения, рынок труда.

Для цитирования: Рашидова А. И., Рашидова Л. А. Проблемы развития социального партнерства в сфере труда и защита трудовых прав наемных работников. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 68–73. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-68-73. EDN: EDQZWW

Problems of Development of Social Partnership in the Field of Labor and Protection of Labor Rights of Employees

Asel I. Rashidova, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)
Senior Lecturer of the Department of Civil and Labor Law;
e-mail: aselisa@mail.ru.

Laura A. Rashidova, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)
Lecturer at the Faculty of Secondary Vocational Education, student of the Law Faculty of the Herzen State Pedagogical University;
e-mail: lauradushaev@gmail.com.

Abstract

The article deals with the actual problem of the effectiveness of the national model of social partnership in the labor sphere in modern conditions of political, social and economic development. Based on domestic practice, the article emphasizes the importance of social partnership in ensuring a balance of interests of hired workers, entrepreneurs and the government in favor of society as a whole. The authors analyze the key features of the mechanism of social partnership in countries with developed market economies, highlighting the priority of using peaceful methods in resolving social conflicts, the participation of representatives of employees in production management. The article reveals the reasons for the insufficient effectiveness of social partnership in Russia and suggests ways to improve it, emphasizing the need to intensify the participation of all stakeholders in developing decent working conditions, reducing unemployment and poverty, and increasing the competitiveness of the economy. The article also notes the weakness of the trade union movement and the insufficient equality of partners in the field of social and labor relations, suggesting ways to improve this situation and activate social partnership as a key tool for ensuring social justice and economic development. The authors emphasize the importance of social partnership as an integral element of social and labor relations and as a key factor of social stability and economic progress.

Keywords: social partnership, labor, employees, labor relations, labor market.

For citation: Rashidova A. I., Rashidova L. A. Problems of Development of Social Partnership in the Field of Labor and Protection of Labor Rights of Employees. Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya], 2024. No. 1. Pp. 68–73. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-68-73. EDN: EDQZVV

В современных сложных условиях политического, социального, экономического развития существующая национальная модель социального партнерства является недостаточно эффективной. Рост социального неравенства и напряжения в обществе порождает большое количество проблем в социально-трудовой сфере. Испытанным способом разрешения противоречий в обществе, как свидетельствует отечественная практика, является социальное партнерство, демонстрирующее возможность обеспечения баланса интересов наемных рабочих, предпринимателей и власти в пользу всего общества¹.

Наличие как противоположных, так и общих интересов обуславливает, с одной стороны, конфликтность взаимоотношений между работниками и работодателем; с другой — необходимость заключения соглашения о «социальном мире», выработки механизмов, позволяющих обеспечить сочетание производственных и социальных аспектов в деятельности организации (работодателя). Такие механизмы принято именовать «социальный диалог» или «социальное партнерство» (термин, принятый в РФ)².

Социальное партнерство является неотъемлемой составляющей в адекватном регулировании трудовых отношений любого общества. Важность налаживания системы социального диалога между работодателями, работниками и, собственно, государством обусловлена необходимостью активизации их участия в становлении достойных условий труда, сокращении уровня безработицы и бедности, формировании надлежащей конкурентоспособности экономики и, как следствие, в обеспечении высоких стандартов жизни людей. Вместе с тем анализ литературных источников свидетельствует о том, что сегодня система социального партнерства в нашей стране является недостаточно действенной, остается низкой и результативность социального диалога. Это негативно отражается на эффективности государственного управления, социального и экономического развития общества. Социальное партнерство представляет собой процесс взаимоотношений двух основных социальных групп: работников и работодателей.

Именно поэтому социальное партнерство являет собой исторически обусловленный компромисс интересов основных экономических субъектов и выражает необходимость социального мира как одного из главных условий социальной стабильности и экономического прогресса³.

¹ См.: Чудовский В. И. Роль института социального партнерства в реализации права на труд в Российской Федерации. Право и государство: теория и практика, 2023. № 3 (219). С. 92–93.

² Рашидова А. И. Социальное партнерство в российском праве. Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС, 2014. Т. 5. № 5 (17). С. 112.

³ Петров А. Я. Социальное партнерство в сфере труда: история, теория, право: учебник для вузов / А. Я. Петров. Москва: Издательство Юрайт, 2023. С. 59.

Социальное партнерство является необходимым элементом социально-трудовых отношений, важным условием разрешения социальных конфликтов между наемными работниками и работодателями через сотрудничество путем согласования их интересов при посредничестве государства⁴.

Социальное партнерство — это упорядоченная система экономических, организационных и правовых отношений, которые складываются между правительством, предприятиями, профсоюзами, другими ассоциациями работников, а также совокупность применяемых ими форм и методов влияния на занятость с учетом ситуации, сложившейся на рынке труда, и экономических интересов субъектов хозяйствования⁵.

Такой подход к пониманию социального партнерства позволяет очертить те направления деятельности социальных партнеров на всех уровнях, которые способствовали бы разработке основ принципиально новой политики в сфере занятости населения и соответствующей модели занятости и распределения доходов. Можно сказать, что социальное партнерство предоставляет и реальную возможность нейтрализовать проблемы в сфере трудовых отношений и поменять отношения «государство — работник» на модель «работник — работодатель — государство».

Реальный же ход становления и развития социального партнерства в стране свидетельствует, что интересы участников трудовых отношений не всегда одинаковые, а часто и противоположные. Так, наемный работник заинтересован в высокой заработной плате, работодатель — в максимально возможной прибыли, государство — в высоких налогах. Отсюда вытекает неизбежность эволюции этих отношений, то есть после освобождения от менталитета господства — покорения — происходит поворот от социальной конфронтации к кооперационному мышлению, дающий толчок к развитию системы диалога и сотрудничества работодателей, наемных работников и государства на всех уровнях (предприятий, отрасли и экономической системы в целом).

Подобная система сотрудничества на сегодня еще не сложилась. Этому способствует неразвитость рыночных отношений, отсутствие четкости в определении статуса субъектов социального партнерства, слабость развития системы коллективно-договорного регулирования трудовых отношений. Проблема выражена в достаточно слабом правовом поле. Конфликты между работниками и работодателями являются очень частым явлением. Основное направление деятельности государства по развитию института социального партнерства в сфере труда является перенос под ответственность бизнеса решения трудностей и проблем социума в условиях дефицита государственных ресурсов⁶.

Целью социального партнерства является обеспечение консенсуса и социального равновесия в масштабах страны и достижение конкретных соглашений на уровне отраслей и отдельных трудовых коллективов.

Как показывает опыт стран с развитой рыночной экономикой, механизму социального партнерства должны быть свойственны следующие основные черты:

- 1) приоритет применения мирных методов в разрешении социальных конфликтов между работодателями и наемными работниками, что не исключает использование забастовок как крайней меры борьбы;
- 2) участие представителей наемных работников (профсоюзов) в управлении производством: совет предприятия, наблюдательный совет и т. д.;
- 3) широкое использование социальных выплат, превышающих во многих странах индивидуальные налоги с наемных работников.

Социальное партнерство составляет неотъемлемую часть социальной политики правительства и играет существенную роль в достижении социального согласия в обществе, способствуя тем самым участию в жизни общества всех социальных групп населения⁷.

На основе достижения согласия и сотрудничества социальных партнеров (наемных работников, работодателей и государства) в определенной степени можно обеспечить экономический рост и социальную справедливость. В настоящее время приходится констатировать отсутствие роли государства в качестве гаранта социальных прав работников и работодателей. Известно, что в современных экономических условиях многие предприятия не могут обеспечить соответствующий уровень занятости и вынуждены сокращать штат работников⁸.

Низкая эффективность наемного труда в экономике объясняется, по нашему мнению, многими проблемами противоречивого состояния оплаты труда. В современный период сформировалось противостояние между трудом и капиталом. Снять напряжение основного противоречия наемного труда и сформировать эффективную систему

⁴ См.: Драчук М. А., Обухова Г. Н. Социальное партнерство в сфере труда: учебное пособие / М. А. Драчук, Г. Н. Обухова. Омск: ОмГУ, 2020. 125 с.

⁵ См.: Лушникова М. В. Социальное партнерство в сфере труда: учебно-методическое пособие / М. В. Лушникова, Д. А. Смирнов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 64 с.

⁶ Ананьева Е. О. Перспективы развития социального партнерства в сфере труда в современной России / Е. О. Ананьева, П. В. Ивлиев. Аграрное и земельное право, 2023. № 4 (220). С. 38.

⁷ См.: Изменение моделей и структур в сфере труда. Доклад генерального директора. Международная конференция труда. 95-я сессия 2006 г. Международное бюро труда. Женева. URL: <https://www.ilo.org/public/russian/standards/relm/ilc/ilc95/pdf/rep-i-c.pdf> (дата обращения: 22.02.2024). С. 52.

⁸ Васильева А. А., Лашенко И. О. Некоторые вопросы развития социального партнерства в сфере труда / В сборнике: Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 177.

оплаты наемного труда невозможно без создания такого важного института, как социальное партнерство. Ведь социальное партнерство — путь согласования важнейших социальных и производственных вопросов относительно становления новой системы социально-трудовых отношений. В рыночной среде социальное партнерство — многоуровневый механизм согласования противоречивых интересов. На уровне государства обеспечивается законодательная база, освоение общепринятых в мире норм и стандартов трудовых отношений, зафиксированных в конвенциях и рекомендациях МОТ⁹.

В условиях развития современных рыночных структур государственное регулирование должно выступать в институциональной форме партнерства.

Однако сфера социально-трудовых отношений изначально оказалась на стороне такого регулирования и выполняла роль кризисных явлений. Первый этап реформирования оплаты труда был санкционирован сверху. Он привел лишь к ликвидации системы жесткой централизации в оплате труда.

Однако в этих условиях профсоюзы не нашли своего должного места в системе социального диалога. Государство сбросило с себя ряд функций, которые осуществлялись ранее им в сфере труда. Эта ситуация осложнялась тем, что профсоюзы не смогли противостоять данной ситуации, по нашему мнению, по следующим причинам: отсутствие целостной идеологии их роли и места в данных процессах и кризис самого профсоюзного движения.

В условиях трансформации рыночных отношений высокий уровень монополизации экономики обусловил ослабление профсоюзного движения. Кроме того, приватизация экономики привела к огромному социальному расслоению в обществе. В этих условиях профсоюзы потеряли инициативу, а правительству было выгодно, чтобы его действия лишь одобрялись профсоюзами. Вследствие этого равноправие партнеров в сфере социально-трудовых отношений не было достигнуто. Накопление проблем и противоречий в сфере оплаты труда на втором этапе ее реформирования во многом было связано с тем, что профсоюзы в этот период времени реально не отстаивали интересы наемного труда.

Исследования социального партнерства показали, что нашему государству присущи следующие проблемы:

- 1) доминирование в сознании граждан патерналистских настроений;
- 2) слабость профсоюзов как представителя и защитника интересов работников и стороны социального диалога;
- 3) доминирование в процессе социального диалога стороны работодателей;
- 4) преодоление негативного влияния фактического неравенства сторон социального диалога;
- 5) преодоление формального характера коллективно-договорного процесса;
- 6) усиление ответственности социальных партнеров за несоблюдение принятых ими коллективных соглашений и договоров;
- 7) обеспечение возможности оперативного разрешения конфликта.

Государство должно обеспечивать материальное благоустройство граждан, поддерживать социальную справедливость в обществе. В целом патернализм приводит к доминированию в социально-трудовой сфере отношений между руководителями (собственниками) и работниками. Такой тип отношений, основываясь на лояльности работников по отношению к руководству в обмен на учет последними их интересов, исключает как равноправное сотрудничество сторон, так и их открытую конфронтацию. Он является непосредственно причиной, которая существенно ограничивает возможности эффективного социального диалога.

Слабость профсоюзов негативно сказывается на результативности процесса ведения коллективных переговоров. Государство должно быть заинтересовано в усилении профсоюзов как стороны социального диалога, ведь именно оно в конечном итоге несет ответственность за уровень жизни граждан и состояние социальной сферы.

В современных социально-трудовых отношениях в практике социального диалога именно работодатели являются наиболее сильной и влиятельной стороной. В процессе социального диалога работодатели сосредоточены, прежде всего, на отстаивании собственных корпоративных экономических интересов. Такая позиция работодателей возможна, в частности, вследствие низкого уровня социальной ответственности бизнеса, которая рассматривается ими не как неотъемлемый элемент системы социального партнерства и обязанность перед работниками и обществом, а как проявление сугубо собственной доброй воли, благотворительности. Такая ситуация создает опасность подмены четко структурированной системы социального партнерства размытой и необязательной социальной ответственностью бизнеса.

Для совершенствования социального партнерства, в частности преодоления негативного влияния фактического неравенства сторон этого диалога на функционирование системы социального партнерства, следует внести изменения в направлении обеспечения обязательности принятия органами социального диалога совместных решений на основе согласия сторон. Для достижения этой цели целесообразно было бы: ввести норму об обязательности выполнения соответствующими органами государственной власти совместных решений, принятых органами социального диалога.

⁹ Международная организация труда (МОТ) [Электронный ресурс]. Организация Объединенных Наций в Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-truda-mot> (дата обращения: 27.02.2024).

Для решения проблемы преодоления формального характера коллективно-договорного процесса следует ввести обязательность распространения норм соглашения на все предприятия соответствующей отрасли, если соглашение подписано сторонами социального диалога.

Относительно усиления ответственности социальных партнеров за невыполнение принятых ими коллективных соглашений и договоров нужно внести изменение, которым будет предусмотрено существенное увеличение суммы штрафа.

Следовательно, механизм социального партнерства является эффективным способом регулирования трудовых отношений. Целесообразно заметить, что пока еще не отработан механизм социального партнерства. У нас отсутствует тенденция к росту справедливого обмена результатами труда различных социальных групп. Сложно предположить, что у работодателей и наемных работников при согласовании вопросов оплаты труда, даже при участии в этой процедуре государства, происходит стыковка интересов¹⁰.

Кроме того, следует ввести ряд комплексных мер по усовершенствованию системы социального партнерства в направлении обеспечения социальных гарантий занятости. Среди них, согласно предложенному учеными подходу, выделяются:

- разработка правового механизма совершенствования организационно-экономических форм социального партнерства на базе согласованных действий всех субъектов трудовых отношений;
- содействие усилению координированности действий представительных органов работодателей, наемных работников, государственной власти, местного самоуправления путем заключения договоров на основе трехсторонних комиссий;
- совершенствование нормативно-правовых основ обеспечения участия представителей объединений работодателей и наемных работников в разработке законодательных актов и принятии нормативных документов в сфере труда.

Учитывая новейшие мировые тенденции, в частности относительно использования искусственного интеллекта в сфере трудовых отношений, считаем, что социальное партнерство надо рассматривать как комплексный механизм гуманизации этих отношений, способный с помощью всех форм социального диалога обеспечивать защиту трудовых прав наемных работников, отстаивать человеческий труд в необходимой степени. Ведь искусственный интеллект необходимо использовать только под контролем и на пользу именно человеку-работнику в новых современных реалиях информатизации мирового социума.

Литература

1. *Ананьева Е. О., Ивлиев П. В.* Перспективы развития социального партнерства в сфере труда в современной России. *Аграрное и земельное право*, 2023. № 4 (220). С. 38. DOI: 10.47643/1815-1329_2023_4_37
2. *Васильева А. А., Лашченко И. О.* Некоторые вопросы развития социального партнерства в сфере труда / В сборнике: *Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции.* Пенза, 2023. С. 177.
3. *Волгин Н. А.* Отношения между трудом и капиталом: современные взгляды на проблему. *Труд и капитал как взаимосвязанные категории. Социология власти*, 2005. № 2. С. 35. EDN: HUABON
4. *Драчук М. А., Обухова Г. Н.* Социальное партнерство в сфере труда: учебное пособие. Омск: ОмГУ, 2020. 125 с. EDN: EYHLVG
5. *Лушникова М. В., Смирнов Д. А.* Социальное партнерство в сфере труда: учебно-методическое пособие. Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 64 с.
6. *Петров А. Я.* Социальное партнерство в сфере труда: история, теория, право: учебник для вузов. Москва: Издательство «Юрайт», 2023.
7. *Рашидова А. И.* Социальное партнерство в российском праве. *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС*, 2014. Т. 5. № 5 (17). С. 112. EDN: UNTFAR
8. *Чудовский В. И., Котельникова Т. А.* Роль института социального партнерства в реализации права на труд в Российской Федерации. *Право и государство: теория и практика*, 2023. № 3 (219). С. 92–93. EDN: BUGPNN

References

1. Ananyeva, E. O., Ivliev, P. V. Prospects for the development of social partnership in the field of labor in modern Russia [Perspektivy razvitiya socialnogo partnerstva v sfere truda v sovremennoj Rossii]. *Agrarian and land law [Agrarnoe i zemel'noe pravo]*, 2023. No. 4 (220). Pp. 37–40. (In Rus.)
2. Vasileva, A. A., Lashchenko, I. O. Some issues in the development of social partnership in the field of labor [Nekotorye voprosy razvitiya socialnogo partnerstva v sfere truda]. In: *Current issues of modern science and education [Aktualnye*

¹⁰ См.: *Волгин Н. А.* Отношения между трудом и капиталом: современные взгляды на проблему. *Труд и капитал как взаимосвязанные категории. Социология власти*, 2005. № 2. С. 35.

- voprosy sovremennoj nauki i obrazovaniya]. Collected papers of XXIX Scientific-Practical conference [Sbornik statej XXIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii]. Penza, 2023. P. 177. (In Rus.)
3. Volgin, N. A. Relations between labor and capital: modern views on the problem of labor and capital as interrelated categories [Otnosheniya mezhdru trudom i kapitalom: sovremennye vzglyady na problemu trud i kapital kak vzaimosvyazannye kategorii]. Sociology of power [Sociologiya vlasti], 2005. No. 2. P. 35. (In Rus.)
 4. Drachuk, M. A., Obuhova, G. N. Social partnership in the sphere of labor [Social'noe partnerstvo v sfere truda]: tutorial. Omsk: OmGU, 2020. 125 p. (In Rus.)
 5. Lushnikova, M. V., Smirnov, D. A. Social'noe partnerstvo v sfere truda: uchebno-metodicheskoe posobie. Yarosl. gos. un-t im. P. G. Demidova. Yaroslavl: YarGU, 2018. 64 p. (In Rus.)
 6. Petrov, A. Ya. Social partnership in the sphere of labor: history, theory, law [Socialnoe partnerstvo v sfere truda: istoriya, teoriya, pravo]: textbook for universities. Moscow: Publishing House Yurajt [Izdatel'skij dom Yurajt], 2023. (In Rus.)
 7. Rashidova, A. I. Social Partnership in Russian Law [Socialnoe partnyorstvo v rossijskom prave]. Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPА [Nauchnye trudy South-Russian Institute of Management of RANEPА], 2014. Vol. 5. No. 5 (17). Pp. 112. (In Rus.)
 8. Chudovsky, V. I., Kotelnikova, T. A. The role of the institute of social partnership in the realization of the right to work in the Russian Federation [Rol' instituta social'nogo partnerstva v realizacii prava na trud v Rossijskoj Federacii]. Law and State: The Theory and Practice [Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika], 2023. No. 3 (219). Pp. 92–93. (In Rus.)

Влияние цифровизации на конституционные права граждан

Вашурина Светлана Сергеевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
аспирант департамента публичного права, преподаватель департамента теории права и сравнительного правоведения;
e-mail: svashurina@hse.ru.

Аннотация

Цифровизация общественных отношений и государственного управления — главный тренд сегодняшнего дня. Внедрение цифровых технологий сопровождает каждого из нас в большинстве сфер общественной жизни и затрагивает личные, экономические, политические и культурные права. Использование технологий призвано упростить для граждан процесс реализации своих прав, вместе с тем эта тенденция создает условия, в которых эти права могут быть нарушены. В рамках данного исследования автор рассматривает эволюцию концепции прав человека и гражданина под влиянием технологического процесса и изменения инструментов, позволяющих реализовывать свои права. Действующее законодательство Российской Федерации прежде всего ориентировано на защиту персональных данных и безопасности личности в сети Интернет, а также путем внесения специальных норм в базовые законы создает условия для реализации таких прав, как активное избирательное право, право на образование, право на доступ к правосудию и прочие права. Такой подход характеризуется фрагментарностью, хотя цифровизация вынуждает законодателя и иных регуляторов в данной области создавать систему правового регулирования.

Ключевые слова: права человека, конституционные права человека, цифровизация, реализация прав человека, цифровизация государственного управления, защита прав человека, право на доступ в Интернет.

Для цитирования: Вашурина С. С. Влияние цифровизации на конституционные права граждан. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 74–83. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-74-83. EDN: EEVHNK

The Impact of Digitalization on the Constitutional Rights of Citizens

Svetlana S. Vashurina, National Research University High School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation)

Postgraduate student of the School of Public Law, Lecturer of the School of Theory of Law and Comparative Law;
e-mail: svashurina@hse.ru.

Abstract

The digitalization of public relations and state administration is the main trend of today. The introduction of digital technologies accompanies each of us in most areas of public life and affects personal, economic, political and cultural rights. The use of technology is intended to make it easier to exercise the rights for citizens; however, this trend creates conditions in which these rights can be violated. Within the framework of this study, the author considers the evolution of the concept of human and civil rights under the influence of the technological process and changes in tools that allow one to exercise one's rights. The current legislation of the Russian Federation is primarily focused on the protection of personal data and personal security on the Internet, and by introducing special norms into basic laws, it creates conditions for the implementation of the rights such as active suffrage, the right to education, the right to access to justice and other rights. This approach is characterized by fragmentation, although digitalization forces the legislator and other regulators in this area to create a system of legal regulation.

Keywords: human rights, constitutional human rights, digitalization, implementation of human rights, digitalization of public administration, protection of human rights, right to Internet access.

Современные условия жизни невозможно представить без информационных технологий, которые оказывают влияние на каждую из сфер человеческой жизнедеятельности и, с одной стороны, упрощают ее, а с другой — создают все больше проблем в реализации и защите прав человека. Безусловно, глобализация и цифровизация общества определили усложнение общественных отношений, в какой-то степени размыли границы юрисдикции государств в цифровом пространстве, а также изменили содержание прав человека и гражданина. Данная трансформация как касается основных, традиционно признанных прав человека, так и может быть связана с появлением других цифровых прав, необходимость признания которых остается дискуссионной. Более того, в настоящее время особо острой является проблема реализации и защиты конституционных прав человека в цифровом пространстве. Прежде всего, такие трудности связаны с цифровизацией государственного управления и внедрения цифровых сервисов в деятельность органов публичной власти.

С одной стороны, данное направление деятельности призвано усовершенствовать государственное управление, сделать его более эффективным, так как информационные технологии помогают сокращать сроки рассмотрения обращений граждан и межведомственного взаимодействия, способствуют доступу к общественно значимой информации, упрощают взаимодействие заявителей и органов государственной власти, как с исполнительными органами, так и с судами; с другой — несмотря на положительный эффект внедрения технологий и их массовое распространение, необходимо понимать, что зачастую у граждан возникают проблемы реализации своих прав и их защиты в связи с технологиями, а также возрастают риски того, что права будут нарушены. Это связано с тем, что в должной мере не созданы условия, способствующие преодолению «цифрового разрыва»: не каждый гражданин имеет доступ в Интернет, не у всех есть необходимое материально-техническое обеспечение для цифрового взаимодействия, не каждый способен освоить технологии в силу своих физиологических или психологических особенностей.

Внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни влечет необходимость правового регулирования общественных отношений в том случае, если такая цифровизация затронет права и обязанности граждан и юридических лиц. Удобство и комфорт использования цифровых технологий не должны умалять права и свободы граждан, признаваемые наивысшей ценностью для государства. Вместе с тем перед национальным законодателем стоит непростая задача: правовое регулирование технологий не должно замедлять или ограничивать потенциальное совершенствование технологий, позволяя государству добиваться лидерства в этой области и эффективности государственного управления, но в то же время необходимо обеспечивать возможность реализации и защиты прав и свобод человека, использующего данные технологии.

Так, проблематика данного исследования посвящена в первую очередь определению степени влияния цифровизации на содержание конституционных прав и свобод человека и рассмотрению необходимости признания так называемых новых цифровых конституционных прав граждан. Данное исследование основано на историко-правовом и сравнительно-правовом анализе зарождения и развития института прав человека как на локальном, так и на международно-правовом уровнях. Обращение автора к истокам зарождения антропоцентричности государственного строительства позволит проанализировать причинно-следственные связи, повлиявшие на развитие конституционных положений о правовом статусе личности в государстве и предположить, способна ли технологическая революция повлиять на дальнейшее развитие данной концепции на уровне конституционно-правового регулирования.

Формирование концепции прав человека

Прежде чем перейти к более детальному рассмотрению нынешнего состояния конституционных прав граждан в Российской Федерации, стоит обратиться к историческому аспекту формирования концепции уважения прав и свобод граждан как на международном, так и на национальном уровнях.

Концепция уважения прав человека и гражданина начала развиваться со времен буржуазных революций, прокатившихся по старому свету в XIX в. В связи с этим нельзя обойти стороной упоминание о естественно-правовой школе правопонимания, оказавшей значительное влияние на права человека. Так, рационалистическая теория прав человека, разрабатываемая в трудах таких мыслителей XIX в., как Г. Гроций, Ш. Монтескьё, Б. Спиноза, Ж.-Ж. Руссо, Д. Локк, Т. Джефферсон, оказала сильное влияние на формирование мировоззрения и правопонимания граждан. Стоит заметить, что данная теория легла в основу договорной теории происхождения государства, на которой зиждется современная демократия. Теория общественного договора гласит, что в основе государственности лежит воля и свободы каждого отдельного человека, и в случае нарушения государством этой воли индивид получает право на сопротивление угнетению. Так, зарождение идеи суверенитета народа кардинально

меняет государственное устройство ряда европейских стран, а эпоха Просвещения становится передовой для оправдания революций и ограничения воли монарха.

Первыми документами, воплотившими естественно-правовую теорию прав человека, стали Декларация независимости США 1776 г.¹ и Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 г.² Вместе с тем стоит отметить, что права человека не нашли отражения в текстах первых конституций. Например, Билль о правах (первые 10 поправок к Конституции США)³ был принят отдельно, а Декларация прав человека и гражданина носила политический характер и не обладала юридической силой. Несмотря на это, в настоящее время эти документы являются фундаментом для конституционного строя в США и Франции соответственно. Безусловно, революционные и радикальные настроения, существовавшие в обществе той эпохи, нельзя в полной мере сравнивать с состоянием современного конституционного права и современной концепцией прав человека, однако отрицать важность этих идей и теорий для дальнейшего развития конституционализма и уважения прав человека невозможно.

Естественно-правовая теория прав человека продолжила развиваться и в последующие эпохи. Так, после Первой мировой войны, вызвавшей очередное крушение мирового порядка и развал ряда государств, поднялась новая волна принятия конституций. Эти документы отличались не только объемом, но и закреплением прав человека и гражданина непосредственно в тексте документа⁴, чего не было в предыдущих версиях. Важнейший этап в формировании концепции прав человека пришелся на послевоенный период второй половины 40-х гг. XX в. Это было связано с признанием концепции прав человека на международном уровне и построением новой системы международно-правовых отношений. Так, основополагающими документами в сфере признания важности прав человека стали Всеобщая декларация прав человека 1948 г.⁵, Пакт о гражданских и политических правах 1966 г.⁶, Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.⁷

Таким образом, естественно-правовая теория получила свое закрепление на глобальном международном уровне, став основой всеобщего договора о правах человека, и уже впоследствии, найдя отражение в современных конституциях, стала неотъемлемой частью большинства правовых систем современности. Позднее на региональных уровнях принимались иные международные договоры по правам человека, которые оказывали и/или оказывают влияние на национальные правовые системы.

Становление демократического российского государства, безусловно, связано с принятием Конституции Российской Федерации в декабре 1993 г. Для России это означало закрепление модели нового общественного и государственного строя, которая была основана на общепризнанных демократических ценностях и институтах того периода. Так, для российского государства это время является важнейшим этапом формирования концепции прав человека, ввиду того что Основной закон содержал в себе такие принципы, как полновластие народа, провозглашение прав человека наивысшей ценностью для государства, признание принципов и норм частью правовой системы. Становление Российской Федерации после распада Союза Советских Социалистических Республик прежде всего было ориентировано на достижения правовой мысли западных государств и документы, принимаемые Организацией Объединенных Наций. Соответственно, основными правами и свободами человека и гражданина стали те, что содержались в Международном билле о правах человека⁸ и признавались в большинстве демократических и светских государств. В последующие годы правовая система России адаптировалась к ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1953 г. и принятию обязательств по признанию и исполнению решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Безусловно, и упомянутая Конвенция, и решения ЕСПЧ оказали значительное влияние на формирование концепции прав и основных свобод человека и гражданина в России.

Конституционная реформа 2020 г. привнесла в текст Конституции новые положения, согласно которым в ведении Российской Федерации находятся информация, информационные технологии и связь⁹, обеспечение

¹ Декларация независимости Соединенных Штатов Америки 1776 г. (перевод на русский язык) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/indpndnc.htm> (дата обращения: 20.09.2023).

² Декларация прав человека и гражданина 1789 г. (перевод на русский язык) [Электронный ресурс]. URL: <http://larevolution.ru/declaration.html> (дата обращения: 20.09.2023).

³ Билль о правах Соединенных Штатов Америки (перевод на русский язык) [Электронный ресурс]. URL: https://mmkaz.narod.ru/igrzs/sources/bill_1791.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

⁴ *Виноградов В. А., Масленникова С. В., Мазаев В. Д.* Конституционное право России: учебник / под общ. ред. В. А. Виноградова. М.: Эксмо, 2022.

⁵ Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.09.2023).

⁶ Пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.09.2023).

⁷ Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 20.09.2023).

⁸ Международный билль о правах человека составляют Всеобщая декларация прав человека в совокупности с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, а также Международным пактом о гражданских и политических правах и его двумя факультативными протоколами.

⁹ П. и) ст. 71 Конституции Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/7faf10d5db4889ccd421abd45b63fd2b43a3dea7/ (дата обращения: 20.09.2023).

безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных¹⁰. Стоит отметить, что данные изменения в тексте Конституции отражают необходимость в правовом регулировании данной сферы, в том числе на уровне конституционного права. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора о том, что «происходит модификация правового регулирования, цифровизация права»¹¹. Данные изменения, на наш взгляд, отражают положительную тенденцию, связанную со стремлением государства создать правовые рамки в целях обеспечения прав и свобод граждан при использовании информационных технологий.

В своем развитии права человека прошли длительный и сложный путь и воплотили в себе идеалы гуманизма, свободы, равноправия, солидарности и справедливости¹², которыми нельзя поступиться в угоду использованию достижений науки и техники. Рассмотрев кратко и обзорно историю развития концепции прав человека, можно заключить, что все большее развитие и признание концепции прав человека было вызвано политическими событиями, влекущими крушение прошлого миропорядка и установление нового. Вместе с тем стоит отметить, что XXI в. признается веком цифровой революции, влияющей на все сферы общественной жизни: от быта граждан до политического устройства государства. На смену классическим революциям и вооруженным конфликтам пришло технологическое развитие, являющееся наиболее эффективным инструментом для социальных изменений. В связи с чем в научном дискурсе все чаще появляются вопросы о соответствии конституций современных государств потребностям общества, о провозглашении и закреплении новых конституционных прав граждан и способов их защиты как на национальном, так и на международном уровнях. Но нуждается ли современное общество в конституционном закреплении новых прав человека, связанных с цифровыми технологиями, или пересмотре содержания ныне признанных конституционных прав, на которые цифровизация оказывает существенное влияние?

Основные традиционно признанные права граждан в цифровую эпоху

Цифровизация общественной жизни способствует цифровизации права в целом и его отдельных институтов в частности¹³. С повсеместным внедрением цифровых технологий в жизнь человека перед государством возникают новые вызовы, связанные с обеспечением прав граждан. В соответствии с Конституцией Российской Федерации права граждан являются наивысшей ценностью¹⁴, что, безусловно, влечет обязанность государства создавать условия и правовые режимы, которые будут защищать интересы гражданина, в том числе и в цифровом пространстве. В рамках данного исследования стоит оговорить, что конституционные права распространяются не только на граждан, как на физических лиц, но и на юридических лиц, которые в соответствии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации представляют собой объединение граждан¹⁵. Так, проблематика, связанная с внедрением цифровых технологий, требует рассмотрения влияния не только на личные или политические права граждан, такие как, например, право на неприкосновенность частной жизни, свободу слова и активное избирательное право, но и на экономические права, например на конституционное право осуществлять предпринимательскую деятельность, которое также присуще и юридическим лицам.

В соответствии со ст. 18 Конституции Российской Федерации «права и свободы граждан определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»¹⁶, соответственно и для обеспечения прав и свобод граждан в цифровом пространстве в России был принят ряд законов, направленный на обеспечение безопасности и конфиденциальности личности в сети Интернет, внедрение цифровых технологий в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, возможности реализации права на участие в делах государства, доступность

¹⁰ П. м) ст. 71 Конституции Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/7faf10d5db4889ccd421abd45b63fd2b43a3dea7/ (дата обращения: 20.09.2023).

¹¹ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М.: Российская академия наук: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2020. С. 107.

¹² Афанасьева С. А. Права человека в условиях цифровизации / Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Д. Р. Алимova, С. А. Афанасьева, Л. Т. Бакулина и др.; под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2022. Доступ СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=19078#CDoe4Uaw72B3QWG2>.

¹³ Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М., 2021. С. 202.

¹⁴ Ст. 2 Конституции Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ec8354bcf00aac2d2899fbf033c3ef963e91411e/ (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁵ По делу о проверке конституционности части первой ст. 2 Федерального закона от 7 марта 1996 г. «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах»»: пост. Конституционного Суда РФ от 24.10.1996 № 17-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12209/ (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁶ Ст. 18 Конституции Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.09.2023).

правосудия и прочее¹⁷. Вместе с тем, учитывая все более расширяющееся применение цифровых технологий, можно говорить о том, что нынешнее правовое регулирование носит фрагментарный характер, так как оно обеспечивает защиту прав граждан и возможность реализации этих прав только в определенных областях.

В контексте цифровизации стоит отметить, что в интернет-пространство переходит все большее и большее число правоотношений, например, лица приобретают товары и услуги в сети Интернет, граждане могут выполнять трудовую функцию дистанционно, реализовывать свое активное избирательное право посредством дистанционного электронного голосования, дистанционно получать государственные услуги и участвовать в судебных процессах и прочее. Ввиду чего сложно не согласиться с мнением С. А. Паламарчук о том, что «цифровое пространство стало универсальной инфраструктурой, в рамках которой могут реализовываться абсолютное большинство законных прав граждан, закрепленных в конституционных нормах»¹⁸. Безусловно, каждое такое взаимодействие субъектов правоотношений посредством сети Интернет оказывает влияние на содержание уже существующих и признанных прав и свобод граждан. В этой связи видится необходимым анализировать складывающиеся правоотношения в контексте сформированной концепции прав человека в Российской Федерации, действующего законодательства и правоприменительной практики.

Основы правового положения личности в Российской Федерации закреплены в гл. 2 Конституции, которая имеет особое правовое значение, так как не может быть изменена и пересмотрена в порядке, предусмотренном ст. 135 Конституции. Стоит отметить, что сложившаяся система прав, свобод и обязанностей граждан основана на универсальной концепции прав человека и на международных стандартах правового статуса личности, что признается Конституционным Судом Российской Федерации и подтверждается в его решениях. Так, орган конституционной юстиции Российской Федерации неоднократно указывал на то, что «в России, как в правовом государстве, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанностью государства, они признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, и в соответствии с Конституцией Российской Федерации определяют смысл, содержание и применение законов, обеспечиваются правосудием»¹⁹.

Особенно важно отметить, что ряд конституционных принципов правового положения личности может быть подвергнут угрозам, связанным с внедрением цифровых технологий. Так, например, под угрозу нарушения подпадают принцип охраны достоинства личности, принцип равенства граждан перед законом, принцип отмены или умаления прав и свобод, принцип гарантированности государственной защиты прав и свобод. Основные права и свободы граждан, опирающиеся на перечисленные принципы, являющиеся базовым ориентиром законодателя и правоприменителя, в настоящее время не могут быть в полной мере обеспечены защитой и возможностью реализации.

Действующее законодательство в области обеспечения прав граждан в условиях цифровизации не образует единой правовой механизм, направленный на обеспечение и защиту конституционных прав граждан. Так, например, федеральное законодательство в сфере персональных данных направлено на обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Гражданско-правовой институт, закрепленный в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, обеспечивает конституционное право на защиту чести и доброго имени. Избирательное законодательство, в частности ст. 64.1 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», обеспечивает реализацию активного избирательного права. Вместе с тем, например, активно реализуемое внедрение технологий искусственного интеллекта в работу государственных органов может привести к тому, что данная технология будет в автоматическом режиме рассматривать обращения граждан и составлять проекты ответов от имени государственного органа или органа местного самоуправления, что, безусловно, нарушит конституционное право гражданина на рассмотрение своего обращения государственным органом или органом местного самоуправления, должностным лицом. В этой связи необходимо понимать, что цифровые технологии, в частности технологии искусственного интеллекта, не должны подменять собой должностных лиц, принимающих решения и ответственных за них, а могут выступать в качестве эффективного помощника.

Несмотря на значительное количество нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере цифрового пространства, на уровне конституционно-правового регулирования в недостаточной степени сформулиро-

¹⁷ См., например: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». СЗ РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3451; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». СЗ РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3448; Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». СЗ РФ от 11 апреля 2011 г. № 15 ст. 2036; Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». СЗ РФ от 17 июня 2002 г. № 24 ст. 2253 и др.

¹⁸ Паламарчук С. А. Реализация конституционно-правового статуса гражданина в сети Интернет. Философия права, 2016. № 6. С. 40.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2020 г. № 50-П «По делу о проверке конституционности статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статей 17 и 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и пп. 139 143 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы в связи с жалобой гражданина Е. В. Парамонова». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372565/ (дата обращения: 18.02.2024).

ван правовой базис, способный выступить ориентиром для законодателей и правоприменителей с точки зрения разработки и принятия норм в отдельных сферах общественной жизни. На сегодняшний день развитие технологий в большей степени регулируется программно-стратегическими актами²⁰, которые в большей степени направлены на решение задачи совершенствования и массового внедрения технологий, в то время как создание единого правового механизма не предусматривается. Стоит отметить, что под единым правовым механизмом в данном случае может пониматься не только, например, кодекс, который бы мог обобщить и гармонизировать законодательство в сфере применения информационных технологий. В данном случае просматривается особая роль и высокая значимость конституционного права.

Говоря про конституционно-правовое регулирование данной сферы, необходимо отметить, что перед этой отраслью стоит ряд неразрешенных проблем. Во-первых, ввиду изменения содержания некоторых традиционных конституционных прав необходимо предусмотреть гарантии реализации этих прав в цифровой среде. Очевидно, что цифровая среда способствует реализации права свободно искать, получать и передавать информацию, но вместе с тем под угрозой нарушения может попасть право на неприкосновенность частной жизни, так как реализация первого права неразрывно связана с сохранностью и обеспечением безопасности персональных данных в сети Интернет. Ярким примером взаимосвязанности этих явлений выступает таргетированная реклама, «которая строится на основе персональной информации (включая содержание поисковых запросов), обрабатываемой де-факто без ведома ее обладателей»²¹.

Кроме того, право на образование, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, свободу творчества — все они уже реализуются гражданами посредством новых технологий в цифровом пространстве.

Во-вторых, нынешнее правовое регулирование характеризуется несбалансированностью обеспечения отдельных конституционных прав и свобод ввиду необходимости обеспечения безопасности государства и защиты личности от вредоносной информации²². Безусловно, базовый механизм ограничения прав и свобод человека предусмотрен ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»²³. Однако нынешняя практика регулирующих органов указывает на то, что ограничение доступа к информации обеспечивается решением надзорного органа в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). В этом случае сложно не согласиться с мнением О. Москалевой о том, что зачастую под блокировки подпадают не только вредоносные материалы и материалы, противоречащие законодательству, но и иные²⁴. В контексте данного вопроса необходимо отметить, что ограничение доступа к информации, распространяемой в сети Интернет, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, должно отвечать требованиям «справедливости, быть соразмерным конституционно закрепленным целям и охраняемым интересам, а также характеру совершённого деяния; такие меры допустимы, если они основываются на законе, служат общественным интересам и не являются чрезмерными; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он [законодатель], имея целью воспрепятствовать злоупотреблению правом, должен использовать не чрезмерные, а только необходимые и обусловленные конституционно признаваемыми целями меры»²⁵. В случае несоблюдения критериев, изложенных в правовых позициях Конституционного Суда, чрезмерное ограничение права на доступ к информации может привести как «к умалению, так и фактической отмене такого права»²⁶.

В-третьих, особенности регулирования общественных отношений, осложненных использованием технологий в цифровом пространстве, объясняются тем, что это регулирование не должно замедлять технологическое развитие. Соответственно, необходим поиск баланса между созданием единого правового механизма, основанного на

²⁰ См., например: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». СЗ РФ от 15 мая 2017 г. № 20 ст. 2901; Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации. 10 мая 2017 г.

²¹ Шахрай С. М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе. Вестник Российской академии наук, 2018. Т. 88. № 12. С. 1075–1082.

²² Аничкин Е. С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства. Конституционное и муниципальное право, 2019. № 12. С. 19–22.

²³ Ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/1a17ce42ccf66a8cdc73524a84798f90e9f7b63a/ (дата обращения: 20.09.2023).

²⁴ Москалева О. Опасности, которые таит цифровизация. Жилищное право, 2017. № 10. С. 70.

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.1999 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 131 и части первой ст. 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Сибирское агентство «Экспресс» и гражданина С. И. Тененева, а также жалобой фирмы Y. & g. Reliable Services, Inc.»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений п. 5 ст. 48 и ст. 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», п. 7 ст. 63 и ст. 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации».

²⁶ Лазарев В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема. Журнал российского права, 2009. № 9. С. 45; см.: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 101.

конституционно-правовых принципах, и созданием условий для технологического развития. Наиболее подходящим способом выработки конституционных принципов в данной области видится практика Конституционного Суда Российской Федерации. Орган конституционной юстиции в порядке системного толкования норм Конституции способен выработать базовые принципы конституционного регулирования в сфере цифровизации. Видится, что именно такая деятельность Конституционного Суда способна создать условия для формирования единого конституционно-правового механизма в сфере цифровизации, направленного на защиту конституционных основ государства, основных прав и свобод человека и гражданина, отражая дополнительную гарантию соблюдения и реализации прав граждан²⁷.

Таким образом, из вышесказанного следует, что внедрение цифровых технологий, с одной стороны, ставит под угрозу реализацию ряда прав человека, признаваемых Конституцией, с другой — создает новые возможности для их реализации. В этой связи очевидна необходимость выработки первичных конституционных принципов правового регулирования в сфере внедрения цифровых технологий, направленных на достижение конституционно-значимых целей, обеспечение соблюдения и реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Право на доступ в Интернет: новое конституционное право?

Как было отмечено ранее, становление современной концепции прав человека было связано с радикальными изменениями общественного порядка и отношения людей к окружающему миру. К таким радикальным изменениям обобщенно можно отнести революционное изменение государственного устройства и глобальные вооруженные конфликты. Однако история общественных отношений свидетельствует не только о силовом изменении общественного сознания, не менее эффективными способами изменения общественных отношений являлись изменения в способах производства и орудий труда. Так, аграрная революция повлияла на организацию поселения людей, что впоследствии привело к урбанизации и появлению городов, первая промышленная революция упростила производство и ускорила транспортировку, вторая — породила массовое производство, третья промышленная революция привела к изобретению ЭВМ и появлению персональных компьютеров. По мнению К. Шваба, сейчас человечество переживает четвертую промышленную революцию, основными чертами которой являются «доступный и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект и обучающие машины»²⁸.

Каждая из этих революций влекла за собой изменение средств производства, ускорение процессов деятельности человека, появление новых форм взаимодействия людей между собой, с обществом и государством. Безусловно, право обязано было реагировать на эти социальные изменения: признавались новые формы собственности, вводились антимонопольные правила, защищавшие законные интересы предпринимателей и рынка, принимались правила дорожного движения, направленные на обеспечение безопасности всех участников и т. д. Однако в рамках данного исследования автор намерен рассмотреть концепции и аргументы о необходимости признания новых конституционных прав, которые порождены Четвертой промышленной революцией.

Так, основную роль в данном вопросе, безусловно, играет Организация Объединенных Наций и цели устойчивого развития общества, принятые ею. Сегодня Интернет является основным инструментом совершенствования общественных отношений, что влечет за собой повышение его ценности. Впервые идея признания права на доступ в Интернет как основного права человека была зафиксирована в Окинавской хартии Глобального информационного общества, в соответствии с которой признается, что «каждый человек должен иметь возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям»²⁹. Впоследствии идея общедоступности Интернета входила в ряд деклараций уровня Совета Европы³⁰, которые содержат идею о том, что возможность полноценной реализации личностью своих прав ставится в прямую зависимость от возможности доступа в Интернет. В 2011 г. в отчете о распространении и защите прав на свободу выражений мнений Генеральной ассамблеей ООН было признано, что «доступ в Интернет является частью этих прав и свобод»³¹. Несмотря на это, стоит отметить, что данное положение не носит какого-либо юридического характера и не обязывает государства отражать данную позицию в национальном законодательстве.

Необходимость конституционного закрепления права на доступ в Интернет как самостоятельного субъективного права граждан не находит единения в научных точках зрения ученых-правоведов. Так, например, Э. В. Талапина считает, что право на доступ в Интернет может быть признано самостоятельным правом, при этом оно

²⁷ Демидов В. Н. Конституционное правосудие субъектов Российской Федерации в общегосударственной системе защиты прав и свобод человека и гражданина (методология, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 65.

²⁸ Шваб К. Четвертая промышленная революция: перевод с англ. / Клаус Шваб. М.: Издательство «Э», 2017. 208 с.

²⁹ Окинавская хартия глобального информационного общества. 22 июля 2000 г. Дипломатический вестник, 2000. № 8.

³⁰ Декларация принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 20.09.2023); Рекомендация Комитета министров Совета Европы «О мерах по повышению ценности Интернета как общественной службы» 2007 г., «О мерах по поощрению и соблюдению свободы самовыражения и информации, касающихся интернет-фильтров» 2008 г.

³¹ Human Rights Council. 17th session. Agenda item 3. Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/782486> (дата обращения: 20.09.2023).

необязательно должно быть отражено в какой-либо норме права, а может быть истолковано судебными органами³². Этой же точки зрения придерживается и А. И. Хустнутдинов, указывая на то, что свидетельством признания права на доступ в Интернет является взятие государством на себя «обязательств, касающихся технологического и идеологического аспектов доступа в Интернет и работы в нем»³³. В контексте рассмотрения необходимости признания «права на доступ в Интернет» как конституционного права граждан, стоит обратить особое внимание на то, что признание такого права самостоятельным и неотъемлемым связывается с уровнем демократизации общества и государственного строя³⁴. Так, по мнению А. А. Щербовича, право на доступ в Интернет признается в демократических странах, в то время как государства с другим политическим строем подобное право не признают, опасаясь невозможности контроля за выражением мнений в сети Интернет³⁵. Данная точка зрения имеет место быть, особенно в свете причин обеспокоенности ООН ситуацией на Ближнем Востоке, где право на доступ в Интернет связано с протестными явлениями, для подавления которых правительство вводит ограничение на доступ к Сети. Однако дискуссия о необходимости признания права на доступ в Интернет в качестве неотъемлемого права человека должна проистекать от определения того, чем же является сам Интернет: правом или способом реализации прав? По нашему мнению, аргументация в пользу признания такого права самостоятельным не должна сводиться исключительно к оценке уровня демократизации общества, допустимости свободы слова и выражения мнений.

Признание права на доступ в Интернет неотъемлемым правом гражданина влечет за собой принятие государством на себя обязанности создания условий для возможности реализации такого права. Данный подход видится неисполнимым особенно в нынешних условиях в силу следующих обстоятельств:

1. Создание условий для реализации права на доступ в Интернет требует преодоления «цифрового» разрыва, возникающего не только из-за сложностей в техническом обеспечении территории государства доступом в Интернет, но и из-за когнитивных способностей и физиологических характеристик пользователей.
2. Возможность предоставления услуг связи, в том числе доступа в Интернет, может попасть в зависимость от политических, экономических, а также иных событий.

Кроме того, несмотря на возможность реализации большинства конституционных прав граждан посредством сети Интернет, ограничение доступа к последнему не станет непреодолимым препятствием в большинстве случаев для физических лиц, однако для юридических лиц возможность реализации своих прав существенно снижается. В этом контексте сложно не согласиться с мнением К. В. Арановского, С. Д. Князева, Е. Б. Хохлова о том, что доступ в Интернет является не правом, а гарантией реализации других прав³⁶.

Так, Интернет не может быть признан обязательным и неотъемлемым условием для реализации гражданами своих прав, так как является лишь инструментом, обеспечивающим удобство в реализации. Вместе с тем, например, В. Серф, известный как создатель Интернета, не причисляет его к неотъемлемым правам граждан в связи с тем, что это лишь инструмент, соответствующий уровню развития общества³⁷.

В рассмотрении вопроса о признании права на доступ в Интернет неотъемлемым правом каждого гражданина необходимо также сфокусировать внимание на том, что сеть Интернет — это цифровое пространство, в котором граждане могут реализовывать свои права, однако оно также должно подчиняться правовым режимам защиты личности, общества и государства. Защита прав и свобод граждан в цифровой среде не означает обеспечение максимальной свободы личности в этом пространстве, в связи с чем вполне закономерно введение как ограничений, так и запретов на доступ к сети Интернет и к распространению определенных видов информации.

Таким образом, можно утверждать, что Интернет, безусловно, является частью механизма для реализации конституционных прав граждан, зачастую он выступает базовым условием для возможности реализации конституционного права, например на доступ к информации. Вместе с тем необходимость признания права на доступ в Интернет неотъемлемым правом каждого гражданина в настоящее время отсутствует, так как не каждый инструмент, позволяющий человеку упростить и ускорить реализацию законных прав, должен быть обличен в субъективное право.

Подводя итог, стоит отметить следующее. Во-первых, цифровизация меняет общественный уклад, размывает юрисдикционные границы государств, создает серые зоны, не подпадающие под правовое регулирование, что ведет к высокому риску нарушения прав и свобод человека, признаваемых на конституционном уровне. Во-вторых, цифровизация существенным образом влияет на традиционные права граждан, перенося их реализацию в цифровое пространство, что требует принятия определенных гарантий того, что гражданин реализует свое право

³² Талапина Э. В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права. Сравнительное конституционное обозрение, 2016. № 6 (115). С. 70–83.

³³ Хустнутдинов А. И. Право на доступ в Интернет — новое право человека? Сравнительное конституционное обозрение, 2017. № 4. С. 109–123.

³⁴ Щербович А. А. Конституционное право на доступ к Интернету: мировой опыт и выводы для России. Копирайт (Вестник Академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества), 2015. № 3. С. 57–71.

³⁵ Там же.

³⁶ Арановский К. В., Князев С. Д., Хохлов Е. Б. О правах человека и социальных правах. Сравнительное конституционное обозрение, 2012. № 4. С. 61–91.

³⁷ Serf V. G. Internet Access Is Not a Human Right. The New York Times, 2012.

в соответствии с законом. В-третьих, говорить о признании доступа в Интернет конституционным правом гражданина — необоснованно, так как Интернет обеспечивает корректную работу цифрового пространства с технической точки зрения и зачастую является ключевым механизмом, с помощью которого могут быть реализованы права граждан, то есть доступ в Интернет является составляющим механизмом для реализации традиционных конституционных прав граждан, но не самостоятельным субъективным правом.

Литература

1. *Аничкин Е. С.* Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства. Конституционное и муниципальное право, 2019. № 12. С. 19–22.
2. *Арановский К. В., Князев С. Д., Хохлов Е. Б.* О правах человека и социальных правах. Сравнительное конституционное обозрение, 2012. № 4. С. 61–91. EDN: PBQYKX
3. *Афанасьева С. А.* Права человека в условиях цифровизации. Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Д. Р. Алимova, С. А. Афанасьева, Л. Т. Бакулина и др.; под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. *Витрук Н. В.* Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 101.
5. *Демидов В. Н.* Конституционное правосудие субъектов Российской Федерации в общегосударственной системе защиты прав и свобод человека и гражданина (методология, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 65.
6. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М., 2021. С. 202.
7. *Лазарев В. В.* Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема. Журнал российского права, 2009. № 9. С. 45. EDN: KZVKSF
8. *Москалева О.* Опасности, которые таит цифровизация. Жилищное право, 2017. № 10. С. 70.
9. *Паламарчук С. А.* Реализация конституционно-правового статуса гражданина в сети Интернет. Философия права, 2016. № 6. С. 40. EDN: XRPНBV
10. *Талапина Э. В.* Право на информацию в свете теории субъективного публичного права. Сравнительное конституционное обозрение, 2016. № 6 (115). С. 70–83. DOI: 10.21128/1812-7126-2016-6-70-83
11. *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор. М.: Российская академия наук: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2020. С. 107.
12. *Хуснутдинов А. И.* Право на доступ в Интернет — новое право человека? Сравнительное конституционное обозрение, 2017. № 4. С. 109–123. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-4-109-123
13. *Шахрай С. М.* «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе. Вестник Российской академии наук, 2018. Т. 88. № 12. С. 1075–1082. DOI: 10.31857/S086958730003185-1
14. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция: перевод с англ. / Клаус Шваб. М.: Издательство «Э», 2017. 208 с.
15. *Щербович А. А.* Конституционное право на доступ к Интернету: мировой опыт и выводы для России. Копирайт (Вестник Академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества), 2015. № 3. С. 57–71.

References

1. Anichkin, E. S. Modernization of the constitutional and legal status of the individual in the conditions of the formation of the digital space [Modernizatsiya konstitutsionno-pravovogo statusa lichnosti v usloviyakh formirovaniya tsifrovogo prostranstva]. Constitutional and municipal law [Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo], 2019. No. 12. Pp. 19–22. (In Rus.)
2. Aranovsky, K. V., Knyazev, S. D., Khokhlov, E. B. On human rights and social rights [O pravakh cheloveka i sotsial'nykh pravakh]. Comparative constitutional review [Srvavnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie]. 2012. No. 4. Pp. 61–91. (In Rus.)
3. Afanasyeva, S. A. Human rights in the context of digitalization [Prava cheloveka v usloviyakh tsifrovizatsii] / Gaps in law in the context of digitalization: collection of scientific papers [Probely v prave v usloviyakh tsifrovizatsii: sbornik nauchnykh trudov] / D. R. Alimova, S. A. Afanasyeva, L. T. Bakulina and others; under general ed. D. A. Pashentseva, M. V. Zaloilo. M.: Infotopic Media [Infotropik Media], 2022. SPS ConsultantPlus. (In Rus.)
4. Vitruk, N. V. General theory of the legal position of the individual [Obshhaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti]. Moscow, 2008. P. 101. EDN: SDQPGL
5. Demidov, V. N. Constitutional justice of the constituent entities of the Russian Federation in the national system of protection of human and civil rights and freedoms (methodology, theory, practice) [Konstitutsionnoe pravosudie sub"ektov Rossijskoj Federatsii v obshhegosudarstvennoj sisteme zashhity prav i svobod cheloveka i grazhdanina (metodologiya, teoriya, praktika)]: dis. ... Doctor of Law. Sci. M., 2017. P. 65. (In Rus.)

6. The concept of the digital state and the digital legal environment [Kontseptsiya tsifrovogo gosudarstva i tsifrovoj pravovoj sredy] / edited by. ed. N. N. Chernogora, D. A. Pashentseva. M., 2021. P. 202. (In Rus.)
7. Lazarev, V. V. Restriction of rights and freedoms as a theoretical and practical problem [Ogranichenie prav i svobod kak teoreticheskaya i prakticheskaya problema]. Russian Law Journal [Zhurnal rossijskogo prava], 2009. No. 9. P. 45. (In Rus.)
8. Moskaleva, O. Dangers posed by digitalization [Opasnosti, kotorye tait tsifrovizatsiya]. Housing Law [Zhilishhnoe pravo], 2017. No. 10. P. 70. (In Rus.)
9. Palamarchuk, S. A. Realization of the constitutional and legal status of a citizen on the Internet [Realizatsiya konstitutsionno-pravovogo statusa grazhdanina v seti Internet]. Philosophy of Law [Filosofiya prava]. 2016. No. 6. P. 40. (In Rus.)
10. Talapina, E. V. The right to information in the light of the theory of subjective public law [Pravo na informatsiyu v svete teorii sub"ektivnogo publicnogo prava]. Comparative constitutional review [Srvnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie]. 2016. No. 6 (115). Pp. 70–83. DOI: 10.21128/1812-7126-2016-6-70-83. (In Rus.)
11. Khabrieva, T. Y., Chernogor, N. N. The future of law. The legacy of academician V. S. Stepin and legal science [Nasledie akademika V. S. Stypina i yuridicheskaya nauka] / T. Y. Khabrieva, N. N. Chernogor. M.: Russian Academy of Sciences: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation [Rossijskaya akademiya nauk: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii]; INFRA-M [INFRA-M], 2020. P. 107. (In Rus.)
12. Khusnutdinov, A. I. Is the right to access the Internet a new human right? [Pravo na dostup v Internet — novoe pravo cheloveka?]. Comparative constitutional review [Srvnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie], 2017. No. 4. Pp. 109–123. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-4-109-123. (In Rus.)
13. Shakhrai, S.M. "Digital" Constitution. The fate of fundamental rights and freedoms of the individual in a total information society ["Tsifrovaya" Konstitutsiya. Sud'ba osnovnykh prav i svobod lichnosti v total'nom informatsionnom obshchestve]. Bulletin of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Rossijskoj akademii nauk], 2018. Vol. 88. No. 12. Pp. 1075–1082. DOI: 10.31857/S086958730003185-1. (In Rus.)
14. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution [Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya: perevod s angl]: translation from English / Klaus Schwab. Moscow: Publishing House "E" [Izdatel'stvo "E"], 2017. 208 p. (In Rus.)
15. Shcherbovich, A. A. Constitutional right to access the Internet: world experience and conclusions for Russia [Konstitutsionnoe pravo na dostup k Internetu: mirovoj opyt i vyvody dlya Rossii]. Copyright (Bulletin of the Russian Academy of Intellectual Property and the Russian Authors' Society) [Kopirajt (Vestnik Akademii intellektual'noj sobstvennosti i Rossijskogo avtorskogo obshestva)]. 2015. No. 3. Pp. 57–71. (In Rus.)

Цифровой рубль как новация российского права и его место в системе объектов гражданских прав

Стукалова Дарья Дмитриевна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права;
e-mail: stukalova-dd@ranepa.ru.

Гайворонская Валентина Александровна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
обучающаяся юридического факультета;
e-mail: gaivoronskayavalya@gmail.com.

Аннотация

Данная статья посвящена вопросам определения правовой сущности цифрового рубля как совершенно нового, и в силу этого не до конца урегулированного и изученного явления. Для ответа на эти вопросы автор проводит сравнительный анализ цифрового рубля с различными правовыми категориями: цифровой валютой, объектами гражданских прав, цифровыми правами. В процессе сопоставления данных понятий автор приходит к выводу, что цифровой рубль по своей природе и юридическим признакам является и самостоятельным объектом гражданских прав и цифровым правом. В связи с этим в настоящее время очень остро стоит вопрос о необходимости детального регулирования данной весьма неоднозначной и сложной правовой категории. Целью данной статьи является определение места цифрового рубля в системе гражданских прав. Для достижения поставленной цели в работе были использованы методы анализа, синтеза, аналогии, обобщения и абстрагирования.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта, объекты гражданских прав, материальные и нематериальные блага, формы денег, наличные денежные средства, безналичные деньги, цифровые права.

Для цитирования: Стукалова Д. Д., Гайворонская В. А. Цифровой рубль как новация российского права и его место в системе объектов гражданских прав. Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 84–89. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-84-89. EDN: E1YECV

The Digital Ruble as an Innovation of Russian Law and Its Place in the System of Objects of Civil Rights

Darya D. Stukalova, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)
Senior Lecturer of the Department of Civil and Labor Law;
e-mail: stukalova-dd@ranepa.ru.

Valentina A. Gaivoronskaya, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); the Faculty of Law student;
e-mail: gaivoronskayavalya@gmail.com.

Abstract

This article is devoted to the issues of determining the legal essence of the digital ruble as a completely new, and therefore not fully regulated and studied phenomenon. To answer these questions, the author conducts a comparative analysis of the digital ruble with various legal categories: digital currency, objects of civil rights, digital rights. In the process of comparing these concepts, the author comes to the conclusion that the digital ruble by its nature and legal

characteristics is both an independent object of civil rights and digital law. In this regard, the issue of the need for detailed regulation of this very ambiguous and complex legal category is currently very acute.

The purpose of this article is to determine the place of the digital ruble in the system of civil rights. To achieve this goal, the work used methods of analysis, synthesis, analogy, generalization and abstraction.

Keywords: digital ruble, digital currency, objects of civil rights, tangible and intangible benefits, forms of money, cash, non-cash money, digital rights.

For citation: Stukalova D. D., Gaivoronskaya V. A. The Digital Ruble as an innovation of Russian Law and its place in the system of objects of civil rights. *Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya]*, 2024. No. 1. Pp. 84–89. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-84-89. EDN: EIYECV

Ни для кого не секрет, что XXI в. является временем революционных инноваций. Действительно, в настоящее время ничто не стоит на месте и человечество все увереннее идет по пути технологического прогресса. Это касается совершенно различных сфер жизни, и экономика не является исключением. Еще в 2009 г. была разработана совершенно новая платежная система — биткоин, которая по праву до сих пор считается главной мировой криптовалютой. Стоит отметить, что появление первой в мире виртуальной валюты оказало значительное влияние на экономику отдельных стран, которые, в свою очередь, стали разрабатывать проекты по внедрению государственной цифровой валюты. Так, еще в 2014 г. в пяти городах Китая был введен тестовый проект цифрового юаня¹. Немного позже, в 2020 г., процесс цифровизации национальной валюты был запущен в США, а в 2021 г. Европейский ЦБ дал разрешение на запуск проекта по созданию цифрового евро². Все это свидетельствует о том, что в настоящее время началась эпоха цифровизации экономических отношений.

Однако стоит отметить, что процесс цифровизации экономики не обошел и Российскую Федерацию, о чем свидетельствует «Доклад для общественных консультаций», предоставленный ЦБ РФ в 2020 г. Именно в этом докладе впервые была выдвинута концепция цифрового рубля, а также объявлено о планировании тестирования цифрового рубля в 2022 г., его апробирования в 2023 г. с целью запуска в экономический оборот страны.

На сегодняшний день цифровой рубль остается одним из самых обсуждаемых нововведений, что связано с тем, что в настоящий момент в законодательстве РФ отсутствует достаточная правовая регламентация данного понятия. В связи с тем, что ныне существующие нормативно-правовые акты, затрагивающие вопросы, связанные с введением цифрового рубля, в большинстве своем регулируют экономические аспекты, возникает необходимость в определении правовой сущности данного понятия с точки зрения гражданского права, поскольку сейчас перед цивилистической наукой остро стоят следующие вопросы: «можно ли рассматривать цифровой рубль в качестве объекта гражданских прав?» (в контексте данного вопроса необходимо отметить следующее: несмотря на то, что законодатель включил цифровой рубль в перечень объектов, указанных в ст. 128 ГК РФ, в научных кругах этот вопрос все еще вызывает дискуссию); «какое место цифровой рубль занимает в данной системе?»; «в чем отличие цифрового рубля от наличных и безналичных денежных средств?» и, наконец, «как соотносятся цифровой рубль и цифровые права?». Именно ответы на данные вопросы позволят конкретизировать статус цифрового рубля как объекта гражданских прав, а также определить его место в гражданско-правовом обороте.

Сопоставление цифрового рубля с иными правовыми категориями

Для ответа на поставленные вопросы необходимо дать **определение понятию «цифровой рубль»**. Сложность состоит в том, что на данный момент дефиниция данного понятия не закреплена ни в нормативно-правовых актах, ни в законопроектах. Поэтому целесообразно обратиться к «Докладу для общественных консультаций» от 2020 г., в котором содержатся следующие положения: «Цифровой рубль будет дополнительной формой российской национальной валюты и будет эмитироваться центральным банком (Банком России) в цифровой форме. Иными словами, цифровой рубль будет являться цифровой валютой российского центрального банка»³. В исследовании, проведенном банком «Союз», содержится следующий тезис: «Цифровой рубль — это такой же рубль, как сегодня рубль в наличной или безналичной форме»⁴. Иные определения можно встретить и в юридической литературе. Так, А. В. Турбанов

¹ Вершинина О. В., Лабушева Я. Г., Султанов И. С. Анализ возможностей и рисков введения в обращение цифровых валют центральных банков на примере «Цифрового рубля». Вестник Российского нового университета, 2021. № 1. С. 51–60. DOI: 10.25586/RNU.V9276.21.01.P.051

² Бисерова А. В., Торопова И. В. Цифровой рубль как государственная электронная валюта: перспективы и риски внедрения. Весенние дни науки, 2022. С. 1094–1099.

³ Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль» (13 октября 2020 г.). Банк России: [сайт]. URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 18.02.2024).

⁴ Цифровой рубль и его роль в трансграничных расчетах и бюджетном процессе (Москва, июнь 2023 г.). Банк «Союз»; Институт экономики роста им. П. А. Столыпина, 2023. URL: <https://stolypin.institute/storage/app/media/kriptorublbanksoyuzinstitutstolykina.pdf> (дата обращения: 18.02.2024).

отмечает, что «цифровой рубль — это третья форма денег государства, или цифровая форма национальной валюты, или электронное обязательство ЦБ, номинированное в национальной денежной единице и служащее средством платежа, меры счета (для регулирования обмена ценностей) и сохранения (сбережения) стоимости»⁵.

Не трудно заметить, что **все приведенные определения** трактуют цифровой рубль совершенно по-разному: и как цифровую национальную валюту, и как третью форму денег государства (наряду с наличными и безналичными денежными средствами), и как электронное обязательство Центробанка России. В связи с этим возникает необходимость детального сравнения цифрового рубля с приведенными категориями.

Прежде всего, необходимо провести параллель между **цифровой валютой и цифровым рублем**. Для этого следует обратиться к Федеральному закону № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...», а именно к п. 3 ст. 1 данного закона, который дает понятию «цифровая валюта» следующее определение: «Это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и/или могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и/или международной денежной или расчетной единицей, и/или в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и/или узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам»⁶.

Из данного определения следует вывод о том, что цифровой рубль и цифровая валюта действительно сходятся в том, что формой и того и другого является уникальный цифровой код. Поэтому можно заключить, что оба этих явления существуют в особой нематериальной форме.

Тем не менее наибольший интерес представляет анализ иных признаков цифровой валюты.

Так, цифровая валюта, согласно законодательству, не является денежной единицей. В то же время «цифровой рубль будет использоваться наряду с наличными и безналичными деньгами, выполняя все функции денег — средства обращения (платежа), меры стоимости и средства сбережения»⁷. Это значит, что цифровая валюта, в отличие от цифрового рубля, не является денежным средством.

Кроме того, Л. Ю. Василевская, ссылаясь на положения доклада Банка России, отмечает, что цифровой рубль, в отличие от цифровой валюты, можно использовать в офлайн-режиме⁸.

Еще одной немаловажной особенностью цифровой валюты, по мнению Л. В. Шипики, является факт того, что закон запрещает ее прием в качестве «встречного предоставления за любые товары, работы, услуги и иные объекты»⁹. Однако, как уже отмечалось выше, цифровой рубль признается средством обращения, а это в свою очередь явно свидетельствует о том, что он может свободно выступать в качестве встречного предоставления.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что ошибочно отождествлять цифровой рубль с цифровой валютой, что в свою очередь является основанием для следующего утверждения: цифровой рубль занимает совершенно иное место в гражданском обороте, нежели цифровая валюта, и к нему должны применяться иные правила.

Теперь можно перейти к **сравнению цифрового рубля с наличными и безналичными денежными средствами**. Прежде всего, обратимся к ст. 128 ГК РФ, которая гласит, что деньги относятся к объектам гражданских прав¹⁰. При этом стоит отметить, что в данном случае речь идет не только о наличных и безналичных денежных средствах, но и о цифровом рубле. Так ли это на самом деле? Прежде всего, дадим определение объектам гражданских прав. Ими могут являться как материальные, так и нематериальные блага, по поводу которых возникают и осуществляются гражданские правоотношения. Трудно не согласиться с тем, что в таком случае наличные деньги будут выступать как материальные ценности, поскольку они имеют физическое выражение. А к каким ценностям можно причислить цифровой рубль? Так как законодатель относит цифровой рубль к объектам гражданских прав, а они в свою очередь подразделяются на материальные и нематериальные, отсюда следует вывод о том, что цифровой рубль должен относиться либо к первой, либо ко второй категории. Представляется, что отсутствуют основания для сравнения цифрового рубля и нематериальных благ. Так ли это? Для ответа необходимо понять, какой смысл законодатель вкладывает в понятие «нематериальные блага». Проблемой является факт того, что до сих пор в Граж-

⁵ Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег. Актуальные проблемы российского права, 2022. Т. 17. № 5 (138). С. 73–90.

⁶ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 18.02.2024).

⁷ Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль» (13 октября 2020 г.). Банк России: [сайт]. URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 18.02.2024).

⁸ Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему. Lex Russica (Русский закон), 2023. Т. 76. № 1 (194). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.009-019

⁹ Шипика Л. В. О цифровых финансовых активах и цифровой валюте: законодательные новеллы. Право и государство: теория и практика, 2021. № 7 (199). С. 99–102.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023). Доступ из «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.02.2024).

данском кодексе отсутствует правовая регламентация данного понятия. Вместо этого в ст. 150 ГК РФ содержится перечень нематериальных благ. Если произвести анализ указанных там категорий, можно прийти к выводу, что нематериальными благами признаются неотчуждаемые в силу рождения или закона права. Тем не менее, как отмечает Я. Р. Ломовцева, в юридической литературе отсутствует единый подход к пониманию сущности нематериальных благ. Некоторые ученые уделяют внимание их неотчуждаемой принадлежности личности, другие заостряют внимание на их невещественном характере, а третьи выделяют такой их признак, как духовная ценность, а следовательно, невозможность их оценки в денежном формате¹¹. Из этого следует, что цифровой рубль по своим признакам сходится с нематериальными благами только по признаку отсутствия физического выражения. В то же время трудно не согласиться с тем, что цифровой рубль не может быть признан неотчуждаемым благом. И конечно же, поскольку он является денежным средством, говорить о нем как о духовной ценности категорически нельзя. Поэтому можно заключить, что цифровой рубль не относится к благам нематериальным.

Но может ли он быть признан благом материальным? На первый взгляд кажется, что нет. В таком случае можно подумать, что он не может являться объектом гражданских прав вообще.

Для опровержения данной точки зрения, прежде всего, стоит учесть, что основополагающим признаком объектов гражданских прав, согласно п. 1 ст. 129 ГК РФ, является их оборотоспособность, то есть их возможность свободно отчуждаться и переходить от одного лица другому. Возникает вопрос, может ли цифровой рубль переходить от одного лица другому? Ответ на этот вопрос содержится в ст. 8211 Федерального закона от 24.07.2023 № 340-ФЗ, где указано, что «переводы цифровых рублей осуществляются исключительно в рамках платформы цифрового рубля»¹², а также в п. 4 ст. 2 Федерального закона от 24.07.2023 № 339-ФЗ, где регламентирован порядок проведения расчетов цифровыми рублями путем их перевода в рамках платформы цифрового рубля¹³. Это свидетельствует о том, что на данный момент на законодательном уровне закреплена возможность перехода цифрового рубля от одного лица другому, что также указывает на отчуждаемость цифрового рубля. По этому основанию можно признать цифровой рубль объектом гражданских прав.

Теперь необходимо сравнить его с наличными и безналичными деньгами, что для наглядности удобнее сделать с помощью таблицы.

Таблица¹⁴

Показатель	Наличные деньги	Безналичные деньги	Цифровой рубль
Форма выражения	Бумажные купюры с уникальным номером и железные монеты	Цифровая запись в банковской базе данных	Цифровой код, хранящийся в электронном кошельке
Эмитент	ЦБ РФ	Коммерческие банки	ЦБ РФ
Средство накопления	Без начисления процентов	С возможностью начисления процентов	Без начисления процентов
Средство платежа	Офлайн	Онлайн	Возможно оплачивать и онлайн, и офлайн

Как можно заметить, цифровой рубль и наличные деньги, прежде всего, различаются по форме выражения. Однако в остальном цифровой рубль схож с наличными деньгами, поэтому можно сделать вывод, что цифровой рубль по большому счету является электронным аналогом «наличного рубля». Теперь целесообразно вернуться к вопросу о том, каким благом может быть признан цифровой рубль. Поскольку, как было выяснено, он является аналогом наличного рубля, с оговоркой о форме выражения, автор данной научной статьи приходит к выводу о том, что цифровой рубль, наряду с рублем реальным, также является материальным благом, ведь обе эти категории можно охарактеризовать как ресурсы, которые имеют определенную ценность для людей. Отсюда можно заключить, что главным критерием материальных благ является не их физическое выражение, а их предназначенность для удовлетворения различных человеческих потребностей, в том числе и экономических.

Вопрос о соотношении цифрового рубля и безналичных денег является весьма дискуссионным, поскольку указанные категории представляются весьма схожими по своей природе, так как они имеют подобную форму выражения. Вместе с тем анализ вышеприведенной таблицы позволяет сделать вывод о том, что цифровой рубль отличается от безналичных денежных средств по следующим основаниям: цифровой рубль представляет собой цифровой код, а безналичные денежные средства — цифровую запись в банковской базе данных; цифровой рубль подразумевает

¹¹ Ломовцева Я. Р. Понятие и признаки нематериальных благ. Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2022. № 2-2 (65). DOI: 10.24412/2500-1000-2022-2-2-128-131

¹² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452645/ (дата обращения: 18.02.2024).

¹³ О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452638/ (дата обращения: 18.02.2024).

¹⁴ Источник: составлено автором.

вадет его использование как в онлайн-, так и в офлайн-режиме, в то время как использование безналичных денежных средств не представляется возможным без подключения к сети Интернет; говоря о цифровом рубле как о средстве накопления, нельзя не упомянуть о том, что на него, в отличие от безналичных денег, не начисляются проценты. Кроме того, важной отличительной чертой цифрового рубля от безналичных денег является то, что цифровой рубль эмитируется Банком России как и наличные деньги, а безналичные средства не возникают сами по себе или по чьей-то воле, ведь они появляются на электронном счету только вместо денег наличных, когда человек кладет их на свой банковский счет. В данном случае можно говорить о трансформации реального рубля в электронный формат. На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что, в силу существования огромного количества различий между цифровым рублем и безналичным денежным средствами, отождествлять это понятия категорически нельзя.

Таким образом, на основании всего вышеперечисленного можно заключить, что цифровой рубль действительно является третьей формой денег, так как соединяет в себе и черты наличных денежных средств, и черты безналичных, полностью не совпадая по своим признакам ни с одним из них.

Не менее интересно и **соотношение цифрового рубля с цифровыми правами**. Обратимся к п. 1 ст. 141.1 ГК РФ: «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам»¹⁵.

Как уже было отмечено выше, цифровой рубль представляет собой уникальный цифровой код, хранящийся в электронном кошельке, то есть не имеющий материального выражения. Это проявляется прежде всего в том, что принадлежность цифрового рубля в таком случае возникает не на основании документа, удостоверяющего право собственности, а именно на основании прав требования, которые лицо может предъявить к Банку России, поскольку именно он является эмитентом данной формы денег. Это положение подтверждает следующий фрагмент «Доклада для общественных консультаций «Цифровой рубль»»: «Цифровая валюта центрального банка будет являться обязательством Банка России»¹⁶. Это означает, что цифровой рубль представляет собой не что иное, как, с одной стороны, обязательство Центробанка, а с другой — право требования лица, вступающего с ним в правовые отношения.

Кроме того, большой интерес представляет положение п. 1 ст. 141.1 ГК РФ: «Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу»¹⁷. В данном случае подразумевается, что для совершения любых операций, связанных с цифровыми правами, не нужно прибегать к помощи третьих лиц, поскольку все это может быть осуществимо в информационной системе, где эти права и поддерживаются. Немаловажно, что Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ посвящен полномочиям оператора, который является техническим организатором обращения цифрового рубля. В свою очередь операции с цифровым рублем будут совершаться через специальную цифровую платформу Банка России с использованием технологии распределенных реестров — блокчейна, что также говорит о том, что распоряжение цифровым рублем возможно осуществить в данной информационной системе без привлечения к этому процессу третьих лиц.

Таким образом, несмотря на то, что в законе, а именно в ст. 141.1 ГК РФ, цифровой рубль прямо не назван цифровым правом, по всем своим характеристикам он совпадает с рассматриваемой нами правовой категорией, что позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время имеются все основания полагать следующее: цифровой рубль является цифровым правом.

На основании вышесказанного можно заключить, что цифровой рубль по своей правовой природе является и формой денег (а соответственно, и объектом гражданских прав), и цифровым правом. Тем не менее, несмотря на это, на данный момент законодательство недостаточно регулирует правовое положение цифрового рубля. Для решения данной проблемы необходимо в первую очередь на законодательном уровне закрепить понятие цифрового рубля. Автор данной статьи предлагает закрепить следующую дефиницию рассматриваемого понятия: цифровой рубль — это третья форма денег государства, представляющая собой обязательство Банка России и выраженная в форме уникального цифрового кода, хранящегося в цифровых кошельках на специальной платформе Банка России. Кроме того, необходимо конкретизировать особенности правового статуса цифрового рубля с учетом того, что к нему применяются положения как к объекту гражданских прав и третьей форме денег, а также как к объекту цифровых прав.

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023). Доступ из «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.02.2024).

¹⁶ Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль» (13 октября 2020 г.). Банк России: [сайт]. URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 18.02.2024).

¹⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023). Доступ из «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.02.2024).

Литература

1. *Бисерова А. В., Торопова И. В.* Цифровой рубль как государственная электронная валюта: перспективы и риски внедрения. Весенние дни науки, 2022. С. 1094–1099. EDN: IZSMJX
2. *Василевская Л. Ю.* Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему. Lex Russica (Русский закон), 2023. Т. 76. № 1 (194). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.009-019
3. *Вершинина О. В., Лабушева Я. Г., Султаньев И. С.* Анализ возможностей и рисков введения в обращение цифровых валют центральных банков на примере «Цифрового рубля». Вестник Российского нового университета, 2021. № 1. С. 51–60. DOI: 10.25586/RNU.V9276.21.01.P.051
4. *Ломовцева Я. Р.* Понятие и признаки нематериальных благ. Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2022. № 2-2 (65). DOI: 10.24412/2500-1000-2022-2-2-128-131
5. *Турбанов А. В.* Цифровой рубль как новая форма денег. Актуальные проблемы российского права, 2022. Т. 17. № 5 (138). С. 73–90. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.073-090
6. *Шипика Л. В.* О цифровых финансовых активах и цифровой валюте: законодательные новеллы. Право и государство: теория и практика, 2021. № 7 (199). С. 99–102. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_7_99

References

1. Biserova, A. V., Toropova, I. V. Digital Ruble as a State Electronic Currency: Prospects and Risks of Implementation [Cifrovoy rubl' kak gosudarstvennaya elektronnyaya valyuta: perspektivy i riski vnedreniya]. Spring Days of Science [Vesennie dni nauki], 2022. Pp. 1094–1099. (In Rus.)
2. Vasilevskaya, L. Yu. A Digital Ruble: A Civilist's View of the Problem [Cifrovoy rubl': vzglyad civilista na problemu]. Lex Russica, 2023. Vol. 76. No. 1 (194). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.009-019. (In Rus.)
3. Vershinina, O. V., Labusheva, Ya. G., Sultaniev, I. S. Analysis of the Opportunities and Risks of Introducing Digital Currencies of Central Banks on the Example of the "Digital Ruble" [Analiz vozmozhnostej i riskov vvedeniya v obrashchenie cifrovyyh valyut central'nyh bankov na primere "Cifrovogo rublya"]. Bulletin of the Russian New University [Vestnik Rossijskogo novogo universiteta], 2021. № 1. С. 51–60. DOI: 10.25586/RNU.V9276.21.01.P.051. (In Rus.)
4. Lomovtceva, Ya. R. Concept and Attributes of Intangible Goods [Ponyatie i priznaki nematerial'nyh blag]. International Journal of Humanities and Sciences [Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyyh i estestvennyh nauk], 2022. No. 2-2 (65). DOI: 10.24412/2500-1000-2022-2-2-128-131. (In Rus.)
5. Turbanov, A. V. A Digital Ruble as a New Form of Money [Cifrovoy rubl' kak novaya forma deneg]. Actual Problems of Russian Law [Aktual'nye problemy rossijskogo prava], 2022. Vol. 17. No. 5 (138). Pp. 73–90. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.073-090. (In Rus.)
6. Shipika, L. V. About Digital Financial Assets Digital Currency: Legislative Developments [O cifrovyyh finansovykh aktivakh i cifrovoy valyute: zakonodatel'nye novelly]. Law and State: The Theory and Practice [Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika], 2021. No. 7 (199). Pp. 99–102. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_7_99. (In Rus.)

Правопорядок на стыке эпох модерна и постмодерна: обзор выступлений Международной научной конференции «Пятые Баскинские чтения» (Санкт-Петербург, 2–3 ноября 2023 г.)

Разуваев Николай Викторович, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», заведующий кафедрой гражданского и трудового права, доктор юридических наук, член Российской академии юридических наук, почетный работник сферы высшего образования;
e-mail: nrasuvaev@yandex.ru.

Таркинская Алена Викторовна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права;
e-mail: alena1987@list.ru.

Аннотация

В настоящей статье представлен обзор заседаний секций Международной научной конференции «Пятые Баскинские чтения». Она была посвящена роли права в эпоху перехода от модерна к постмодерну и современным тенденциям развития правового порядка.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, глобализация, цифровой рубль, экологическая безопасность, искусственный интеллект, информационная безопасность, персональные данные, обмен данными, право собственности.

Для цитирования: Разуваев Н. В., Таркинская А. В. Правопорядок на стыке эпох модерна и постмодерна: обзор выступлений Международной научной конференции «Пятые Баскинские чтения» (Санкт-Петербург, 2–3 ноября 2023 г.). Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2024. № 1. С. 90–96. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-90-96. EDN: EONXUA

Law and Order at the Junction of the Modern and Postmodern Eras: Review of the Speeches of the International Scientific Conference Fifth Baskin Readings (Saint Petersburg, November 2–3, 2023)

Nikolay V. Razuvaev, North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)
Head of the Department of Civil and Labor Law, Editor-in-Chief of the Theoretical and Applied Law, PhD in Jurisprudence, Member of the Russian Academy of Legal Sciences, Honorary Worker of Higher Education;
e-mail: nrasuvaev@yandex.ru.

Alena V. Tarkinskaya, North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)
Senior lecturer of the Department of Civil and Labor Law;
e-mail: alena1987@list.ru.

Abstract

This article provides an overview of the sessions of the sections of the International Scientific Conference Fifth Baskin Readings. It was devoted to the role of law in the era of transition from modernity to postmodernity and modern trends in the development of law and order.

Keywords: modern, postmodern, globalization, digital ruble, environmental safety, artificial intelligence, information security, personal data, data exchange, property right.

For citation: Razuvaev N. V., Tarkinskaya A. V. Law and Order at the Junction of the Modern and Postmodern Eras: Review of the Speeches of the International Scientific Conference Fifth Baskin Readings (Saint Petersburg, November 2–3, 2023) (Sankt- Petersburg, 2–3 noyabrya 2023 g.). Theoretical and Applied Law [Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya], 2024. No. 1. Pp. 90–96. DOI: 10.22394/2686-7834-2024-1-90-96. EDN: EONXUA

2 и 3 ноября 2023 г. в Санкт-Петербурге юридическим факультетом Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы была организована международная конференция, посвященная памяти выдающегося российского философа, правоведа и педагога, профессора Юрия Яковлевича Баскина. В рамках конференции состоялись пленарное заседание «Правопонимание в условиях смены парадигм» (модератор — декан юридического факультета, доктор юридических наук, профессор Сергей Львович Сергеевич) и две секции «Система права: между модерном и постмодерном» (модератор — доктор юридических наук, профессор Николай Викторович Разуваев) и «Проблемы современной юридической науки глазами молодых исследователей» (модератор: кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права Лариса Владимировна Шварц; доцент кафедры теории и истории права и государства Георгий Юрьевич Дорский).

С основным докладом на пленарном заседании конференции выступил судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке **Гадис Абдуллаевич Гаджиев**¹. Он подчеркнул, что, хотя понятие «постмодерн», в основе которого находилась идея многообразия, в первую очередь возникло в культуре и искусстве, оно, хоть и с большим опозданием, но было воспринято и юриспруденцией. В целом все направления юриспруденции отличаются разной скоростью развития от классических юридических воззрений, сложившихся еще в середине XIX в., к постклассике. Юриспруденция всегда взаимодействует с другими науками, например с философией и этикой, впитывает и переосмысливает их идеи. Под влиянием современных воззрений значительным изменениям, в частности, подвергся раздел юриспруденции, посвященный источникам права. Хотя во многих учебных пособиях по теории права по-прежнему говорится, что судебная практика не является источником права, по сути этот подход устарел. И каждый, кто начинает обучаться праву, должен понимать, что без судебной практики ни о какой норме судить невозможно, а судебное право является источником права.

В докладе **Константина Константиновича Лебедева**² внимание было уделено реформе в сфере обращения с твердыми отходами от 1 января 2022 г. Докладчик отметил существенную проблему, связанную с порядком начислений за вывоз твердых коммунальных отходов в период, когда собственник не пользуется своим жилым помещением и услугами ЖКХ. По закону риски объектов недвижимости полностью лежат на собственнике, он несет ответственность, даже когда не пользуется этой недвижимостью. Но такой подход является спорным в рамках правоприменительной практики. Докладчик подчеркнул, что отождествление нормы, независимо от того, соответствует она справедливости или нет, и закона не всегда является верным подходом. И это необходимо учитывать в современной юридической практике.

Пан Ченци³ посвятила свой доклад пределам вмешательства уголовного права в процесс обмена данными. В качестве механизма гарантии функционирования рынка закон должен рассматривать тщательное управление данными для достижения баланса между защитой и использованием данных. Поэтому в процессе определения границы защиты данных по уголовному праву нужно различать режимы защиты в зависимости от свойств данных. По мнению автора, нужно разработать эффективный путь в рамках уголовного права для разрешения дилеммы открытости данных и их защиты.

Олег Юрьевич Скворцов⁴ отметил, что в экономическом правопорядке существует три структурных элемента — финансовое регулирование, регулирование коммерческого оборота, регулирование инвестиционных потоков. Финансовое регулирование и коммерческий оборот остаются стабильными элементами, так как они взаимосвязаны с реализацией торговли. Но экономический порядок на современном этапе начинает распадаться в рамках международных правоотношений, и это можно наблюдать на примере инвестиционной активности. В Европе произошел крах инвестиционного права, в связи с чем ЕСПЧ не признает множество соглашений, и странам становится сложнее договориться в международном масштабе.

Андрей Васильевич Поляков⁵. В основе любого правового понимания лежит та или иная концепция человека, в рамках которой ставится и решается проблема человеческого сознания. Без предварительного решения данной проблемы нельзя говорить о том, может ли быть сознание присуще искусственному интеллекту. А без этого в свою очередь не решается вопрос о правосубъектности и ответственности. Таким образом, возникает комплекс

¹ Судья Конституционного Суда РФ в отставке, заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор.

² Доцент кафедры коммерческого права СПбГУ, канд. юрид. наук, доцент.

³ Преподаватель факультета уголовного права Северо-Западного университета политических наук и права (КНР).

⁴ Профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, д-р юрид. наук, профессор.

⁵ Профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, д-р юрид. наук, профессор.

взаимосвязанных проблем. Докладчик подчеркнул, что право неотделимо от сознания человека, которое в свою очередь всегда ценностно ориентировано. И ценности эти носят двойственный характер — они основываются на личностном и социальном начале в человеке. По мнению А. В. Полякова, нормальное состояние права — это баланс между личностными и общественными ценностями, который позволяет человеку и понимать другого, и признавать его. И эта гуманизация лежит в основе понимания права.

В докладе **Валерия Васильевича Лазарева**⁶ основное внимание было уделено вопросу правопорядка, который, по мнению автора, определяется национальными правовыми системами. Задачей современной правовой науки докладчик видит выработку «противоядия» против посягательств на национальный правопорядок. По мнению автора, в данное время происходит трансформация идей национального государственного суверенитета, а также имеет место кризис буржуазной законности. В такой ситуации супермодернистские идеи (идеи глобализма, единства западного мира, спасения западных ценностей от угроз «незападного» мира и др.) не должны восприниматься как аксиомы, а должны тщательно анализироваться и переосмысливаться юристами-теоретиками, на основе опыта предыдущих поколений и национального правопорядка.

Андрей Олегович Рыбалов⁷. Переломные моменты в истории развития человечества всегда совпадали с изменениями права собственности. Это связано с тем, что любые серьезные перемены напрямую затрагивают экономику. В современных условиях нельзя не замечать, что тенденции развития в экономике влекут за собой изменения права собственности. Юристы должны зафиксировать эти изменения, прочувствовать и описать их, так чтобы не отстать от экономических потребностей.

Евгений Васильевич Тарибо⁸ посвятил доклад проблемам практики трансформации законодательства в сфере нормоконтроля в аспекте административного судопроизводства. В частности, автор отметил одну из проблем принятого в 2015 г. КАС РФ⁹ — неоднозначную эффективность введенного образовательного ценза (участия профессионального юриста) в нормоконтрольной судебной деятельности. Как показывает практика, эта норма не всегда работает. Другой проблемой при принятии исков, по мнению докладчика, является использование критерия нарушения прав. Суды при проверке нормативно-правовых актов, как правило, опираются на формальный критерий, хотя не менее важными остаются оценка содержания и целесообразности. Без оценки целесообразности невозможно в полной мере защищать права граждан.

Владислав Валерьевич Денисенко¹⁰ в рамках доклада раскрыл вопрос ценностных оснований права и легитимации в обществе. Докладчик подчеркнул, что слово «ценность» сейчас стало актуальным, причем сами ценности понимаются эклектично. Взгляд через призму постмодерна позволяет определить, какие ценности и юридические процедуры можно использовать, а какие не найдут отклика, так как устарели. По Э. Дюркгейму, солидарность общества может быть механической, которая подразумевает легитимацию права через иррациональные институты и является более архаичной, и органической, связанной с индивидуализмом и современностью. Именно такая солидарность свойственна обществу постмодерна. Правотворчество в такой ситуации не может быть рассмотрено как некий абстрактный законодательный разум и предполагает вовлечение граждан. Современный этап цифрового государства требует специальных процедур правоприменения, которые не были присущи предыдущим эпохам. Нивелирование же этих изменений и возвращение к модерну делает правовую политику государства менее эффективной.

Ия Ильинична Осветимская¹¹ отметила, что постмодерн начал свое развитие в 1970-е гг., толчком к этому стало понимание сконструированности мира и его нестабильность. Постклассические правовые исследования логичнее отнести уже к эпохе постпостмодерна, к тому времени, когда надо преодолевать то, что было достигнуто постмодерном. Автор противопоставляет классические типы правопонимания постклассическим, под которыми понимаются те концепции в объяснении права, которые пользуются специфической методологией, отличной от классических типов правопонимания. Эти методологические основания разрабатываются в основном в публикациях Петербургской школы философии и права: И. Л. Честновым¹², Н. В. Разуваевым¹³, Е. В. Тимошиной¹⁴. В отличие от

⁶ Главный научный сотрудник центра фундаментальных исследований ИЗИСП, профессор кафедры теории государства и права МГЮА имени О. Е. Кутафина.

⁷ Начальник Управления частного права Секретариата Конституционного суда РФ, доцент кафедры гражданского права СПбГУ, канд. юрид. наук, доцент.

⁸ Руководитель секретариата Конституционного Суда РФ, профессор кафедры конституционного и административного права РАНХиГС (Санкт-Петербург), д-р юрид. наук, профессор.

⁹ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 14.02.2024). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Профессор кафедры публичного права МГИМО МИД России, д-р юрид. наук, профессор.

¹¹ Доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, доцент кафедры теории и истории права и государства НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), канд. юрид. наук, доцент.

¹² *Честнов И. Л.* Метамодерн и постклассическая юриспруденция как варианты ответа на вызов постмодернизма. Криминалист, 2020. № 3 (32). С. 85–90.

¹³ *Разуваев Н. В.* Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания. Правоведение, 2014. № 5 (316). С. 136–153.

¹⁴ *Тимошина Е. В.* Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления. Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетей, 2016. С. 218–294.

классического периода, когда существовало мнение, что право можно познать само по себе, что мы можем исследовать его, анализируя законы, в эпоху постклассической научной рациональности возникает понимание, что право создается людьми в процессе конструирования социальных представлений о должном. Такое понимание правовой реальности стимулирует осознание человеком возможности творить право.

Наталья Владимировна Варламова¹⁵ подчеркнула, что в современных условиях термин «парадигма» трактуется скорее как сама совокупность способов постановки и решений научных задач. Вряд ли можно говорить об однопарадигмальности в юридической науке и о кардинальной смене парадигм. В юридической науке существует постоянная конкуренция парадигм, типов пониманий, различных теорий права. И это не недостаток состояния юридического знания, а скорее его характерная черта, обоснованная тем, что юридическая наука призвана не только предложить наиболее адекватное описание предмета своего изучения, но и сформировать различные представления о направлениях развития этого объекта, его правильных и неправильных состояниях.

Роман Анатольевич Ромашов¹⁶ подчеркнул, что право — это национальная традиция, формирующаяся старшим поколением и передающаяся последующему. В основе традиционного права лежит национальный правовой дух. Модерн предполагает, что право представляет собой указ государя-суверена, который становится впоследствии государственным законом, объективным в отношении народа, но субъективным применительно к государю или государству, которые являются владельцами права и используют его в качестве послушного инструмента. В эпоху постмодерна, по мнению докладчика, право является законом, объективным ко всем субъектам юридически значимых отношений, как к гражданам и корпорациям, так и к государствам.

Никита Сергеевич Малютин¹⁷. В рамках постмодерна наблюдается утрата единственного центра силы, деалгоритмизация процессов. В современных условиях правосудие начинает восприниматься как государственная услуга, и из инструмента поиска справедливости суд превращается в «стряпчего», решающего бытовые проблемы. Также внедрение искусственного интеллекта позволяет выносить судебные решения с использованием цифровых инструментов, что влечет за собой деперсонализацию судебной деятельности и возможность ее симуляции.

Юрий Юрьевич Ветютнев¹⁸. Постмодернизм — это кризис авторитетов, при этом авторитеты не исчезают, но их становится настолько много, что ни один из них не может претендовать на ведущую роль. В результате появляется множество религий и идеологий, которые по сути становятся частными позициями. Такое положение вещей наносит удар по правопорядку, потому что в основе правопорядка должны быть общие ценности. В реалиях, когда государство черпает ценности из религии и идеологии, любая ценность становится субкультурной, а право — субкультурным явлением. Мир официальных ценностей становится одним из многих миров в составе современного общества.

Вячеслав Евгеньевич Кондров¹⁹ отметил, что в эпоху модерна наблюдался расцвет правового позитивизма, а право судить принадлежало правовой науке. В XX в. правовой порядок поменялся и конечное слово в толковании правовых понятий стали иметь специфические суды, например конституционный суд. Причем конституционный суд занимается определением именно ключевых политических понятий. Тем не менее в современной правовой науке периодически возникают ситуации, когда те или иные правовые понятия не получают четкого значения или кардинально переосмысляются. Например, так происходит с понятием «полномочие», которое вдруг начинает восприниматься как «субъективное право». Целью правовой науки в эпоху постмодерна видится работа над содержанием понятий, с обязательным возвращением к старой догматике, к истокам, а также необходимо анализировать, как поменялись понятия в праве. Это позволит воздействовать на юриспруденцию новой догматикой, которая заставит сбалансировать определенные концептуальные рамки.

Александр Львович Рогачевский²⁰ посвятил свой доклад истории права Восточной Европы и, в частности, судьбе городов Смоленского воеводства, которое было образовано во время Великого княжества Литовского и в дальнейшем имело непростую историю. В раннее время, при переходе к эпохе модерна, города Восточной Европы развивались гораздо медленнее и имели менее развитую экономику, чем в западной части континента. Мещанский элемент был слаб и незащищен, хотя роль законодательства в то время уже начинала возрастать, а роль обычая, наоборот, снижалась. Приграничные города требовали размещения в них военных гарнизонов, большое внимание при этом уделялось развертыванию католической церкви. В это же время в отдельных городах Смоленского воеводства зарождается землеустройство, появляется книгопечатание и, как следствие, правовые источники. По мнению докладчика, история развития малых городов Восточной Европы и, в частности, Смоленского воеводства, остается в значительной мере малоизученной и требует более тщательного исследования, несмотря на распыленность и недостаточность источников.

¹⁵ Ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права РАН, канд. юрид. наук, доцент.

¹⁶ Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, д-р юрид. наук, профессор.

¹⁷ Доцент кафедры конституционного и муниципального права МГУ, канд. юрид. наук, доцент.

¹⁸ Доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, канд. юрид. наук, доцент.

¹⁹ Доцент кафедры конституционного права СПбГУ, канд. юрид. наук, доцент

²⁰ Профессор кафедры гражданского и трудового права РАНХиГС (Санкт-Петербург), д-р юрид. наук.

Доклад **Татьяны Анатольевны Алексеевой**²¹ был посвящен Испании XIX в., в частности идеям выдающегося испанского политика переломной эпохи Франсиско Пи-и-Маргалем. Для Ф. Пи-и-Маргалем федерация была не просто формой государственного устройства, а союзом людей. И союз этот должен был строиться на трех элементах: принципе добровольности, общих интересов и глубочайшего уважения к автономии тех, кто будет входить в эту федерацию. По мнению Ф. Пи-и-Маргалем, федерация должна быть организована с учетом интересов (и в первую очередь экономических) всех людей, живущих на входящих в нее территориях, включая гарантию общей безопасности. Само устройство федерации строится по принципу объединения малых автономий в более крупные: муниципалитеты — в провинции, провинции — в регионы, которые в конечном итоге должны объединиться в государство. Т. А. Алексеева отметила, что Ф. Пи-и-Маргалем мечтал, что все государства впоследствии объединятся в *corpus*, таким образом этот выдающийся политик в каком-то смысле стал предвестником ООН. В силу исторических перипетий, потрясших Испанию, идеи Ф. Пи-и-Маргалем на многие десятилетия были преданы забвению, но заново открыты уже после смерти политика, при формировании Второй Испанской республики в 1931 г. и позже, в 1978 г., при организации нового устройства власти в Испании.

Евгений Никандрович Тонков²². Правопорядок формируется через некоторое количество нормативных систем: цивилистические нормативные системы, теневые структуры, структуры корпоративного права, институты, обеспечивающие механизмы правоприменения. Сейчас уже сложно говорить о том, что существуют только три ветви публичной власти, их больше. В современной структуре правопорядка доминирует субъект исполнительной власти, но существуют также институты управления религиозными конфессиями, институт управления крупными корпорациями и политическими партиями. Право в книгах и право в жизни постоянно конкурируют. И ошибочен тот подход, когда всё сводится к закону. Когда мы говорим о выборе пути защиты своего права, любая нормативная система может существовать. Но эффективность любого способа защиты будет в конечном итоге подтверждаться в суде, путем исполнения законного акта, вступившего в законную силу. По мнению автора, в споре между модерном и постмодерном для российского правопорядка побеждает постсоветский консерватизм.

Конференция продолжилась 3 ноября работой по секциям. В рамках первой секции выступили преподаватели кафедры юридического факультета РАНХиГС (Санкт-Петербург).

Николай Викторович Разуваев. Говоря о модерне и постмодерне, нужно отметить, что это альтернативные состояния правовой реальности, альтернативные состояния правового порядка, сосуществующие и взаимодействующие, влияющие друг на друга. Но в любом случае мы можем сейчас констатировать, что эти альтернативные состояния присутствуют в различных сферах правового порядка в разных отношениях. Когда мы берем одни аспекты и рассматриваем их, мы видим, что здесь все-таки модернистские характеристики сохраняются в достаточно большом объеме. Когда мы рассматриваем другие аспекты, мы видим, что произошел переход от модерна к постмодерну, а где-то уже и к постпостмодерну.

Разные отрасли права развиваются в указанном направлении, но разными темпами, обусловленными их отраслевой спецификой. В гражданском праве достаточно активно обсуждается проблема цифровизации гражданского оборота, субъективных гражданских прав, а в каких-то сферах наоборот более консервативный подход доминирует. Недостаточно ограничиваться только чисто теоретико-правовыми или философско-правовыми аспектами. Тем более что все чаще наблюдается корреляция постмодерна и цифровых изменений в праве. Именно этому раскрытию отраслевого среза, проблематике модерна и постмодерна посвящено сегодняшнее обсуждение.

Сергей Борисович Глушаченко²³ отметил, что само понятие модерна по-разному определялось в специальной литературе. Например, в художественной культуре модерн отражали такие направления, как дадаизм, сюрреализм, кубизм, экспрессионизм, абстрактное искусство и т. п. Модернизм также выступал в качестве направления в современном католицизме, который стремится к обновлению вероучения на основе науки и философии и к осмыслению качественно новых явлений либо к качественно новой интерпретации уже достаточно известных доктрин. Главная задача постмодернизма — это попытка сломить многовековой диктат законодательного разума, показав, что его претензии на познание истины являются ложью. Истина, с точки зрения постмодернизма, неоднозначна, она множественная. Действительность формируется под воздействием человеческих чувств, желаний и поступков. Человеческое познание не отражает мир, а в большей степени интерпретирует его. И ни одна интерпретация не имеет преимуществ перед другой.

Феликс Павлович Фурман²⁴ обратил внимание, что на самом деле постмодерн, который еще не назывался постмодерном, проследживается даже в Древней Греции. Космология в Древней Греции начинается с хаоса. Хаос перерождается во что-то определенное. Постмодерн также проявляется абсолютно по-разному. Но если этот плюрализм может существовать, то он должен нивелировать определенные изменения. Любые события должны

²¹ Профессор факультета права НИУ ВШЭ, д-р юрид. наук, доцент.

²² Член Ленинградской областной коллегии адвокатов, доцент кафедры теории и истории права и государства РАНХиГС (Санкт-Петербург), канд. юрид. наук, доцент

²³ Профессор кафедры теории и истории права и государства, д-р юрид. наук, профессор.

²⁴ Профессор кафедры общественных наук РАНХиГС (Санкт-Петербург), д-р. филос. наук, доцент.

оцениваться с позиции субъектов, а если мнения субъектов разные, то плюрализма уже нет, потому что все точки зрения разрывают это понятие. В книге «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон говорит о том, что западная цивилизация рано или поздно придет к такому моменту, когда будет сталкиваться с незападными культурами на всех уровнях, включая столкновения правовых систем. Противоборствовать в этих условиях будут и мусульманское право, и иудейское право, и англосаксонское, и континентальное²⁵. Мы от этого никуда не уйдем, но во избежание противоречий нужна будет определенно унификация, но унификация может привести к хаосу. Люди перестанут понимать основы права.

Павел Андреевич Оль²⁶. Процессы, происходящие в международном правовом регулировании, отражаются на формировании национальных правовых систем. Под внешним влиянием меняются общие принципы. Меняется также иерархия ценностей в правовой идеологии. Очевидно, что это является существенной предпосылкой последующих системных нормативных изменений. Принцип приоритета признания высшей ценности субъективных прав человека и гражданина плавно будет нивелироваться в системе общих принципов права. По всей видимости, это не будет означать, что права человека утратят свое значение как правовая ценность, но вместе с тем принцип верховенства публичных общественных интересов займет свое надлежащее место.

Георгий Валерьевич Алексеев²⁷. Сам по себе криминологический анализ медийных нарративов современного международного права и правовых исследований политической преступности может представлять особый интерес для понимания того, кого, почему и за что преследуют. Преследование и наказание политических лидеров осуществляется не только на основании обвинительного приговора суда по уголовному делу, но и достигается в результате осещения средствами массовой информации уголовного преследования представителей политического класса.

Оксана Ивановна Лепешкина²⁸ в своем докладе подчеркнула, что необходимо принятие закона, направленного на противодействие киберпреступности. Законы данной категории — комплексные. Такие законы приняты в сферах противодействия коррупции, противодействия терроризму, противодействия экстремизму, противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. Киберпреступность имеет транснациональный характер, преступление может быть совершено в разных юрисдикциях. При этом потерпевший находится в одной юрисдикции, а виновный — в другой. Тогда возникают вопросы определения места совершения преступления и выдачи преступника. Для последнего необходимо, чтобы преступление было наказуемо в обоих государствах, и наличие общего правового механизма урегулирования сложившейся в мире ситуации.

Андрей Борисович Иванюженко²⁹. Цифровой рубль (далее — ЦР) позволит в силу особенностей использования его как средства платежа контролировать баланс частного и публичного, формирование и доходов человека, и расходов государства. ЦР, который в принципе является новой формой безналичных денег, носит обязательственную природу. Можно спорить, чем он обеспечен и обеспечен ли он вообще, но государство будет его использовать для распознавание денежной массы как средства платежа. ЦР можно будет не просто управлять так же, как и обычными безналичными деньгами, и контролировать движение каждого рубля в силу того, что он носит цифровую природу. Возможен контроль за обогащением государственных служащих, которые необоснованно претендуют на социальные пособия. В конечном итоге при применении ЦР будет использоваться международный опыт для поиска новых взглядов на управление финансами.

Валентина Петровна Есенова³⁰ привела обзор решений судов США, принятых с помощью искусственного интеллекта (далее — ИИ), а также проанализировала причины его использования. В обзоре выявлены как достоинства применения ИИ при обработке больших объемов данных, так и слабые стороны оценки человеческих (субъективных) моделей поведения. Также докладчиком отмечаются сложности обжалования судебных решений, которые выносились при участии ИИ. На основании изложенного был сделан вывод в отношении возможности применения ИИ на территории Российской Федерации. На сегодняшний день мы можем говорить только о тестировании на нескольких участках мировых судов при подготовке приказного производства. Замены судей на ИИ в обозримом будущем не произойдет.

Виктор Александрович Майборода³¹. В настоящее время на практике сформулированы фактически два объекта регулирования: земельный участок и территориальная зона. Отсутствие легальной дефиниции территориальной зоны, находящейся в корреспондирующем смысловом взаимодействии с дефиницией земельного участка, позволило вытеснить субъективные права владения и пользования земельными участками, поглотив их в правовом управлении, принадлежащем публично-правовому субъекту. Право собственности на земельный участок, на который распространяет действие регламент, фактически отсутствует. Право настолько ограничено регламентом, что выражение самостоятельной воли правообладателя возможно лишь через институт комплексного развития территорий.

²⁵ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2023.

²⁶ Профессор кафедры теории и истории права и государства РАНХиГС (Санкт-Петербург), д-р. юрид. наук, профессор.

²⁷ Доцент кафедры международного и гуманитарного права РАНХиГС (Санкт-Петербург), канд. юрид. наук, доцент.

²⁸ Доцент кафедры уголовного права РАНХиГС (Санкт-Петербург), канд. юрид. наук, доцент.

²⁹ Доцент кафедры конституционного и административного права РАНХиГС (Санкт-Петербург), канд. юрид. наук, доцент.

³⁰ Доцент кафедры гражданского и трудового права РАНХиГС (Санкт-Петербург), канд. юрид. наук, доцент.

³¹ Доцент кафедры гражданского и трудового права РАНХиГС (Санкт-Петербург), д-р юрид. наук, доцент.

Прибыльность территориальной зоны не сопоставима с доходностью земельного участка, вследствие чего объектом экономически привлекательным и, соответственно, набирающим силу в обороте является именно территориальная зона.

Павел Юрьевич Ултургашев³² в своем докладе рассмотрел взаимоотношения Российской Федерации и ЕСПЧ. Докладчик подчеркнул, что на данный момент ЕСПЧ обратился к ООН за поддержкой в реализации решений. Россия в настоящее время в рассмотрении дел не участвует и не берет, соответственно, на себя обязательства по исполнению принятых решений. Неформальный инструмент диалога, который раньше присутствовал в отношениях России и Совета Европы и помогал каким-то образом преодолевать сложные вопросы или добиваться хоть какого-то продвижения по очень сложным делам, теперь отсутствует. Поэтому многие механизмы взаимосвязи тоже работать перестают.

Андрей Витальевич Кузнецов³³ отметил, что ЦР будет выпускаться в качестве дополнения к уже существующим наличным и безналичным денежным средствам. В составе безналичных денежных средств будет дополнительно выделяться ЦР, то есть при совершении безналичных операций необходимо будет указывать, какие именно средства для расчета будут применяться. Стоит отметить плюсы внедрения и применения ЦР: отсутствие комиссии при совершении операций, возможность перевода средств при отсутствии доступа к сети Интернет, повышение конкурентоспособности банков и платежных систем.

Ольга Геннадьевна Парамузова³⁴ посвятила доклад правовому анализу повышения эффективности международного правового регулирования в контексте решения отдельных экологических проблем. Современное состояние окружающей среды вызывает серьезную озабоченность у всего международного сообщества. В докладе уделено внимание проблематике недопустимости радиоактивного ущерба и предотвращения радиоактивного загрязнения планетарной среды. Данная тема становится все более актуальной в сложившейся ситуации. Решение правовых проблем в сфере международной экологической безопасности, включая предотвращение ядерного ущерба окружающей среде, возможно только в условиях многополярного мира.

Дина Александровна Семяникова³⁵ отметила, что со стороны государства гарантируются основные права регионам, обеспечивается их первичная поддержка из средств федерального бюджета, с последующим подключением регионов за счет их бюджетных средств, дополнительных ресурсов, установления субъектами дополнительных мер соцзащиты, исходя из ориентиров, которые утвердила Российская Федерация. Федеральное регулирование имеет структурно важное значение в вопросе распределения обязанностей и обозначения выплат. В социальном обеспечении не должно быть перекоса от пассивного приспособления регионов к их исключительной инициативе.

Выступление **Олега Александровича Мазаева**³⁶ было посвящено вопросам участия граждан в публичном управлении посредством использования современных информационных технологий, в том числе посредством использования сервиса Портал обратной связи. В результате доклада был сделан вывод о том, что сегодня, в условиях возрастающего влияния активно развивающихся информационных технологий (ИТ) на экономическое развитие, несмотря на отсутствие общепризнанного определения категории «публичное управление», в явном виде усматривается готовность людей использовать ИТ для участия в публичном управлении, как минимум в форме обратной связи, что может стать легитимным институтом, сглаживающим противоречия и регулирующим общественные отношения на основе существующих законов и норм права путем непосредственного участия всех заинтересованных сторон в процессе управления.

Участниками второй секции 3 ноября стали молодые исследователи, студенты, магистранты и аспиранты. Работа данной секции носила международный характер и в ней приняли участие представители Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Саратовской государственной юридической академии, Санкт-Петербургского государственного университета, Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой (Республика Беларусь), ЛГУ имени А. С. Пушкина, Саратовской государственной юридической академии, Санкт-Петербургского университета МВД России.

Докладчики посвятили свои выступления различным тематикам и осветили проблемы и перспективы кодификации законодательства в области спорта и физической культуры, цифрового рубля и его места в системе объектов гражданских прав. Кроме того, участниками секции обсуждались вопросы международного усыновления, цифровизация трудовых отношений, этические проблемы в адвокатской деятельности, нейросети и пределы их использования в предпринимательской деятельности. Анализ выступлений позволяет сделать вывод о высокой степени вовлеченности молодых ученых в развитие современного права.

³² Заместитель начальника Управления международных связей и обобщения практики конституционного контроля, канд. юрид. наук.

³³ Доцент кафедры гражданского и трудового права РАНХиГС (Санкт-Петербург), канд. юрид. наук, доцент.

³⁴ Доцент кафедры международного и гуманитарного права РАНХиГС (Санкт-Петербург), канд. юрид. наук, доцент.

³⁵ Доцент кафедры гражданского и трудового права РАНХиГС (Санкт-Петербург), канд. юрид. наук.

³⁶ Преподаватель кафедры гражданского и трудового права РАНХиГС (Санкт-Петербург).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2024. № 1 (19)

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Ответственный редактор
И. Е. ВИЛЬМАН

Корректор
О. К. ЧЕБОТАРЕВА

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Главный редактор
Н. В. РАЗУВАЕВ, доктор юридических наук

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ИЗДАТЕЛЬ

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС 77-77212 от 08.11.2019

Журнал распространяется бесплатно.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Теоретическая и прикладная юриспруденция» обязательна.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

E-mail: ph-sziu@ranepa.ru, vilman-ie@ranepa.ru

Тел.: (812) 335-94-72, (812) 335-42-10.

Выход в свет 31.03.2024.

Сайт журнала <https://www.taljournal.ru>.

16+

Макет подготовлен издательско-полиграфическим центром Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61.

Тел. (812) 335-94-97.